944
М-325

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Азаров	до 8	III-81г.
Серебров	до 14	III-81
ЗА-212	18/V-81г.	
[illegible]	до 2	IV-82г.
Баишева		18/V-82г.
[illegible]	24/XII 8	
[illegible]	до 9/III-85	
10 I 86	Тюркина	
[illegible]	до 18/X 86	
[illegible]	28.09.87	

Московс. тип. № 27. Зак. 999

п 34 г.
На домъ не выдается

Фредерикъ Массонъ.

НАПОЛЕОНЪ I

ВЪ ПРИДВОРНОЙ И ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

49

СЪ 12-Ю РИСУНКАМИ.

Переводъ съ французскаго.

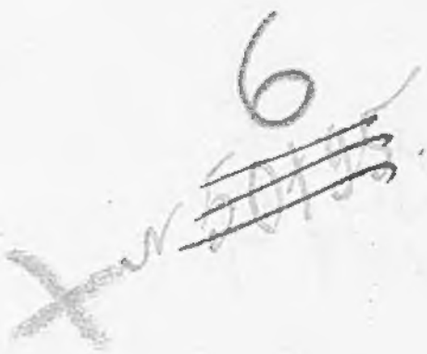
Изданіе С. Н. Кирилина.

944
М 32
944
М 325
РЕДКАЯ
Московская Центральная Публичная Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площ. Бол, Театра, 2.
1896.

Центральное Книгохранилище Москва, Пом. Б-ки

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Февраля 1896 года.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ издателя 3

Предисловіе автора 9

I. Этикетъ. 15

II. Покои дворца. Охрана 51

III. Туалетъ 68

IV. Выходъ. 122

V. Завтракъ 137

VI. Рабочій кабинетъ 159

VII. Работа 185

VIII. Обѣдъ 234

IX. Вечеръ 246

X. Воскресенье. 261

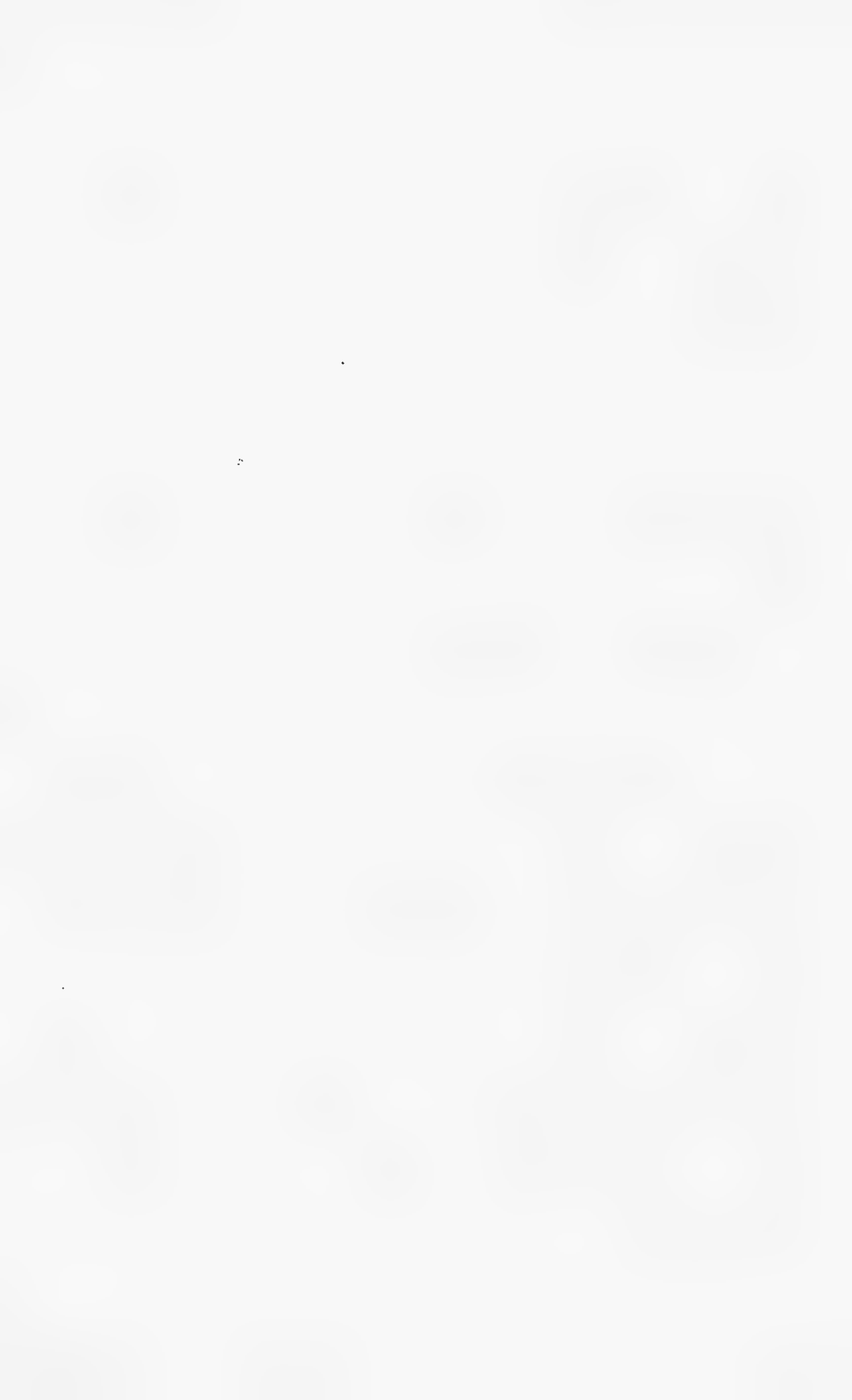
Отъ издателя.

На великія историческія личности не смотрятъ болѣе какъ на полубоговъ, сочетавшихъ въ себѣ геніальность съ добродѣтелью. Всѣ понимаютъ, что въ своей частной жизни они могли имѣть — и конечно имѣли — такія же слабости, какъ и всякій обыкновенный смертный, и были вознесены надъ другими или силою своего ума и дарованій, или же (чаще всего) особыми общественными теченіями, подготовленными историческими причинами. При этомъ главнымъ двигателемъ такихъ лицъ былъ нерѣдко самый узкій эгоизмъ, согласованный ради успѣха съ требованіями и стремленіями окружающей среды. Такъ смотрятъ теперь и на Наполеона I, даже и въ самой Франціи, за исключеніемъ ничтожной и по количеству и по качеству партіи бонапартистовъ. Въ послѣднее время вышло особенно

много сочиненій о немъ, французскихъ и иностранныхъ, въ которыхъ онъ изображенъ въ его частной жизни, въ его отношеніяхъ къ женщинамъ, къ приближеннымъ, къ членамъ своей семьи. Этотъ интересъ къ личности Наполеона I проявился и среди русской публики, а потому мы и считаемъ умѣстнымъ представить на ея судъ одно изъ такихъ сочиненій. Хотя авторъ его, Фредерикъ Массонъ, открытый бонапартистъ, но тѣмъ не менѣе онъ отнесся къ своей задачѣ добросовѣстно и не скрылъ слабостей своего кумира. Не мѣшаетъ только предостеречь противъ его взгляда на политическую роль Наполеона, въ которомъ онъ видитъ героя, вознесшаго Францію вмѣстѣ съ собою на вершину славы, и силится принизить передъ нимъ настоящее штатское правительство этой страны и матеріальный и умственный прогрессъ, которыми она обязана республиканскимъ учрежденіямъ. Геній Наполеона оцѣнивается въ настоящее время не по той мѣркѣ, по какой онъ оцѣнивался въ былыя времена. Никакой геніальный стратегъ не могъ бы достигнуть такого колоссальнаго успѣха безъ подъема духа, овладѣвшаго Франціей во время революціи, и

безъ ея сознанія, что она разорвала со всѣмъ своимъ прошлымъ и со всею Европою безпощаднымъ истребленіемъ представителей стараго порядка, не оставляющимъ надежды на пощаду и ей самой. Поэтому и слава Наполеона стояла въ своемъ зенитѣ только пока онъ являлся въ глазахъ французскаго народа представителемъ обновленной республиканской Франціи. Все это Массонъ — умышленно или нѣтъ—какъ бы упускаетъ изъ вида, но, повторяемъ, субективность его не мѣшаетъ ему добросовѣстно относиться къ фактической сторонѣ своей задачи.

По такимъ соображеніямъ предисловіе автора въ переводѣ значительно сокращено: изъ него выпущена наибольшая его часть, заключающая въ себѣ реторическое восхваленіе личности Наполеона I и изложеніе политическихъ взглядовъ автора—смутныхъ идей бонапартизма, потерявшихъ подъ собою всякую почву и въ самой Франціи. Помѣщенный же въ приложеніи списокъ гардероба и домашнихъ вещей Императора, занимающій въ подлинникѣ почти 100 страницъ, вовсе не переведенъ, какъ представляющій интересъ только для спеціалистовъ.



НАПОЛЕОНЪ I

ВЪ ПРИДВОРНОЙ И ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Написать сразу портретъ такого человѣка, какъ Наполеонъ, невозможно. Для этого мало одного этюда и одного холста. Чтобы показать, по истеченіи почти столѣтія, этотъ колоссальный образъ съ сохраненіемъ хотя бы нѣкотораго сходства, нужно проникнуться имъ, изучить его со всѣхъ сторонъ, при всякомъ освѣщеніи, не пренебрегая никакими матеріальными средствами, способными ввести въ изображеніе хотя частицу дѣйствительности; фотографически отмѣтить каждую черточку, каждую морщинку, и не отставать, пока портретъ не выйдетъ на столько схожимъ, на сколько позволяютъ средства искусства и самая точная наблюдательность. Такого-же труда требуетъ и каждый изъ аксессуаровъ: надо разсматривать ихъ по частямъ и группировать такимъ образомъ, чтобы изображаемое лицо жило въ свойственной ему средѣ, дышало въ

своей атмосферѣ: таковы картоны, которые добросовѣстный художникъ долженъ выполнить прежде чѣмъ приступить къ холсту. Впослѣдствіи онъ соберетъ эти этюды и, можетъ быть, напишетъ по нимъ портретъ, который носится въ его мечтахъ. Если-же у него не хватитъ на это смѣлости, то эти этюды, набросанные съ искреннимъ желаніемъ оставаться вѣрнымъ правдѣ, сохранятъ свою цѣну въ глазахъ публики и, быть можетъ, помогутъ другому художнику, болѣе искусному, изобразить этотъ портретъ. Поэтому-то первый, зная, что жизнь коротка, и выноситъ ихъ изъ своей мастерской на судъ публики.

Я взялъ себѣ задачей подробно описать въ этой книгѣ привычки и правила жизни Наполеона; точно нарисовать внутренность его кабинета и прослѣдить тамъ за нимъ съ утра до вечера, чтобы помочь людямъ составить себѣ о немъ на столько точное понятіе, на сколько это возможно черезъ сто лѣтъ. Описавъ его обычную жизнь, придется заняться придворными увеселеніями: спектаклями, концертами и балами, которые императоръ давалъ болѣе для двора, чѣмъ для самого себя; затѣмъ надо провести кортежи иностранныхъ

представителей и показать всю пышность оффиціальныхъ церемоній. Придется войти и въ мелкія подробности организаціи императорскаго двора: воскресить толпы камергеровъ, шталмейстеровъ, церемоніймейстеровъ, егермейстеровъ и дворцовыхъ префектовъ; показать, откуда эти люди пришли и куда ушли; какъ они набирались, сколько получали денегъ и отличій и какъ впослѣдствіи отблагодарили за нихъ. Надо прослѣдить, наконецъ, дворъ и въ его мелкихъ и крупныхъ перекочевкахъ въ Фонтенебло, въ Компьенъ, въ Рамбулье, а равно и въ отдаленныя резиденціи, предназначенныя для него императорскимъ уставомъ въ различныхъ частяхъ имперіи.

Люди, желающіе изучить Наполеона, не удовольствуются нынѣ поэтическими произведеніями, написанными въ минуту вдохновенія. Правда, жизнь его даетъ обильный матеріалъ для поэзіи, но матеріалъ этотъ уже исчерпанъ поэтами прошлыхъ поколѣній отъ Байрона до Гюго, давшими безсмертные образцы въ этомъ родѣ. Циклъ такихъ произведеній не законченъ: и въ наше время молодые люди пытаются воспроизводить великую эпопею въ яркихъ образахъ и звучныхъ словахъ; но какъ

бы ни были восторженны ихъ произведенія, влагаемыя въ нихъ идеи и самые образы уже не могутъ отличаться новизной. Они только передѣлываютъ на языкъ настоящаго и будущаго тѣ нехитрыя и устарѣлыя пѣсни, которыя въ теченіи полувѣка утѣшали французскій народъ, поднимали его въ собственныхъ глазахъ, возвращали ему самоуваженіе въ худшія времена, какія пришлось переживать націи,—тѣ пѣсни, которыя кажутся теперь обветшалыми потому что онѣ слишкомъ долго пѣлись народомъ. Суждена-ли такая слава и нынѣшнимъ, пробудятъ-ли и онѣ такое же эхо,—этого никто не желаетъ болѣе меня; но пѣніе — дѣло молодости, и если легенда сохраняетъ свои права на сердца французовъ, то это еще не исключаетъ правъ исторіи. Одна должна служить другой. Исторія не уничтожаетъ легенды, такъ какъ легенда есть опоэтизированная правда, исторія только даетъ новые элементы, которыми легенда можетъ воспользоваться.

Но исторія должна быть точной, основанной единственно на достовѣрныхъ документахъ: историкъ обязанъ вникать во всѣ подробности и по возможности собирать всѣ ко-

лосья на томъ полѣ, которое онъ себѣ предначерталъ изучить. Исторія должна писаться единственно съ желаніемъ изыскать истину безъ всякихъ партійныхъ цѣлей, съ полною независимостью, сухой и подробной, какъ судебное дознаніе. Чтобы доказать свое безпристрастіе, авторъ долженъ показать, не замаскировывая, всѣ недостатки своего героя, неустанно роясь въ собранныхъ свѣдѣніяхъ. Всякій другой пріемъ былъ бы поверхностнымъ, нечестнымъ и не отвѣчалъ бы цѣли. Предметъ долженъ быть освѣщенъ со всѣхъ сторонъ съ безпощадной правдивостью. Это послужитъ къ опроверженію какъ злостныхъ пасквилей, такъ и тупоумныхъ апологій, которыя своею глупостью вредятъ предмету еще хуже пасквилей. Мѣрить Наполеона одной мѣркой съ какимъ нибудь коммерсантомъ, который аккуратно ведетъ свои книги и довольствуется небольшими барышами; сглаживать всѣ крайности его ума и характера, чтобы свести ихъ на буржуазный идеалъ — это значило бы еще менѣе понимать его натуру, чѣмъ дѣлаютъ тѣ, кто приписываетъ ему необычайные пороки, безмѣрное честолюбіе и даже безмѣрныя преступленія.

Многіе сильно нападаютъ на меня, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, за то, что я не указываю источниковъ *). Я остаюсь, однако, вѣренъ этой системѣ. Съ одной стороны я нахожу излишнимъ привлекать читателя къ долгому и сложному труду, котораго стоили мнѣ изысканія по источникамъ, съ другой—эти указанія не могли бы никому послужить, такъ какъ большая часть документовъ составляетъ мою собственность или принадлежитъ частнымъ архивамъ. Впрочемъ, я надѣюсь имѣть возможность въ близкомъ будущемъ обнародовать подлинные тексты нѣкоторыхъ изъ документовъ, которыми я располагалъ, что не мѣшаетъ мнѣ и теперь указывать ихъ лицамъ, интересующимся предметомъ. Исключеніе составляютъ только тѣ документы, о которыхъ я обязанъ молчать. Лица, которымъ я указывалъ на мои источники, — а между этими лицами были люди очень строгіе въ дѣлѣ документальности, — оставались вполнѣ удовлетворенными.

*) Первымъ сочиненіемъ автора о Наполеонѣ было: „Napoléon et les femmes“.

I.

Этикетъ.

Возникъ новый порядокъ вещей. На развалинахъ старой монархіи выросла новая. Но называть ли ее монархіей?

Безъ сомнѣнія, Наполеонъ, живущій въ Тюльери, властвуетъ безраздѣльно и въ этомъ отношеніи уподобляется стоимъ предшественникамъ: но они властвовали по праву рожденія, онъ—по праву завоеванія. Если по уму, энергіи, геніальности они и въ сравненіе съ нимъ не могутъ идти—они все получили отъ другихъ, онъ же всѣмъ былъ обязанъ себѣ—то могъ-ли онъ найти въ себѣ ту сумму авторитета, какая была присуща имъ, такъ сказать, отъ самаго рожденія?

Всехристіаннѣйшій король являлся передъ своими подданными окруженный сіяющими тѣнями монарховъ, своихъ предковъ, и предки эти были такъ многочисленны и вели свою линію отъ такихъ от-

даленныхъ временъ, что происхожденіе ихъ совпадало съ происхожденіемъ самой націи; они были такъ тѣсно связаны съ ней, что имя ихъ сочеталось съ каждымъ ея шагомъ къ расширенію, съ каждой изъ ея побѣдъ, съ каждымъ пораженіемъ; исторія французскаго царствующаго дома была исторіей Франціи. Часть за частью короли эти возвели зданіе государства и своими законами и учрежденіями наложили такую глубокую печать на каждаго изъ своихъ подданныхъ, что никому и въ голову не приходила возможность другой системы управленія, чѣмъ система этой династіи, и въ продолженіи долгихъ вѣковъ возмущаться — значило взывать къ королю противъ самого-же короля. Онъ считался источникомъ всякой справедливости; довольно было, чтобы *онъ зналъ*, для того, чтобы справедливость восторжествовала.

Вокругъ короля стояла оплотомъ бозчисленная армія дворянъ, связанная съ монархіей традиціями даже болѣе чѣмъ разсчетомъ; считавшая долгомъ своей касты служить въ ея войскахъ, и смотрѣвшихъ на вѣрность королю, какъ на чувство столь естественное въ этой кастѣ, что давать въ немъ присягу было бы недостойно дворянина.

Рядомъ съ дворянствомъ стояло духовенство, придававшее королю, своему мірскому главѣ, всю

неизмѣримую силу церкви, добровольно присоединившейся къ монархіи, принявшей ея принципы, раздѣлявшей ея притязанія, такъ тѣсно связанной съ этой монархіей, что подчиненіе ея мірскому главѣ церкви сдѣлалось гарантіей ея льготъ въ глазахъ духовнаго главы. Духовенство не оспаривало происхожденія свѣтской власти, не возбуждало никакихъ протестовъ противъ формъ ея проявленій: власть эта считалась установленной Богомъ, всѣ акты монарха приписывались внушенію вѣчной истины и почти приравнивались къ догматамъ вѣры.

Третье сословіе также было связано съ монархіей тысячами нитей: оно занимало разнообразныя финансовыя и судебныя должности, честолюбію его былъ открытъ путь къ тысячѣ мелкихъ отличій и пріобрѣтеній, и къ возможности дойти, со ступени на ступень и изъ поколѣнія въ поколѣніе, до виднаго мѣста въ государствѣ или при дворѣ. Его отдѣляла отъ монарха цѣлая іерархія, но въ ней были степени, доступныя для средняго сословія. Были примѣры и при монархіи, что люди изъ буржуазіи становились начальниками армій и родоначальниками герцоговъ и пэровъ. У дворянства была шпага, у третьяго сословія были деньги, а съ деньгами и въ тѣ времена можно было многое сдѣлать.

Безспорно, что въ этимъ сословіи были люди *неблагонамѣренные*, но ихъ было такъ мало, что они почти не идутъ въ счетъ.

Подъ третьимъ сословіемъ стоялъ народъ, который, въ торжественные дни, при звонѣ колоколовъ, мелькомъ видывалъ какое-то неземное существо, покрытое золотомъ и драгоцѣнными камнями, проносящееся мимо него въ раззолоченной каретѣ, запряженной восьмеркой лошадей, въ облакѣ золотистой пыли, среди блеска стальныхъ доспѣховъ. Для народа не существовало никакой возможности, никакого случая приблизиться къ этому существу, кромѣ развѣ какъ въ день коронаціи, когда этотъ помазанникъ Божій прикасался своими перстами къ гноящимся ранамъ бѣднѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ и, какъ вѣрили, исцѣлялъ ихъ. Народъ и видѣлъ-то его только во время религіозныхъ праздненствъ или военныхъ парадовъ. То, что было въ немъ подобнаго другимъ смертнымъ, было скрыто отъ толпы стѣной высшихъ классовъ. Онъ оставался для народа великимъ, добрымъ, справедливымъ существомъ, воля котораго есть законъ; существомъ, которое живетъ въ золотомъ дворцѣ, ѣстъ, пьетъ и спитъ на золотѣ. Престижу содѣйствовала и долговѣчность двухъ послѣднихъ королей: съ 1643 по 1774, стало быть въ продолженіи 130 лѣтъ, во Фран-

ціи царствовали только два короля и оба носили одно имя и походили другъ на друга какъ близнецы. Народу могло казаться, что надъ нимъ болѣе столѣтія царствуетъ одинъ и тотъ же монархъ; онъ пересталъ быть личностью и сталъ просто *королемъ*. Это усиливало поклоненіе, народъ падалъ ницъ передъ этимъ властелиномъ, не подчиняющимся общимъ законамъ и какъ бы стоящимъ внѣ человѣчества, высоко, далеко, недоступно для простого смертнаго.

Какъ было сравняться Наполеону съ такимъ авторитетомъ? Правда, за побѣдителя въ Италіи и Египтѣ говорилъ его личный престижъ; правда, онъ опирался на выборъ націи, жаждавшей болѣе прочнаго порядка; правда, армія боготворила его и народъ былъ ослѣпленъ его славой; но все это мало значило въ сравненіи съ престижемъ Бурбоновъ,— престижемъ по праву рожденія, устоявшимъ даже передъ ихъ любовными похожденіями.

Принципу власти, представляемому Бонапартомъ, недоставало и ореола божественности, и кортежа неподкупнаго дворянства, и того грандіознаго отдаленія во времени и пространствѣ, которое дѣлало изъ государя какое-то миѳическое существо, власть котораго надъ народомъ была какъ бы безличной не подлежащей ни анализу, ни отвѣтственности.

Наполеонъ только постепенно сознавалъ разстояніе отдѣляющее его отъ монархіи, и постепенно же уменьшалъ его. Вначалѣ только популярный правитель, раздѣляющій—хотя бы только номинально—верховную власть съ другими, онъ былъ по смыслу конституціи просто членомъ правительства, избираемымъ на 10 лѣтъ. Правда, его могли перезбирать безконечно, но все же онъ былъ подчиненъ правилу о перезбраніи, характеристической чертѣ республиканской конституціи. Его новообразная диктатура, казалось, не имѣла ничего общаго съ королевской властью: она произошла принципіально и фактически изъ власти народной, ее установила армія, то есть сила, стало быть и держалась она согласіемъ народа и силой.

Даже и послѣ 18-го брюмера, когда Бонапартъ вышелъ изъ подчиненія закону перезбираемости, сдѣлавшись пожизненнымъ консуломъ, и получилъ всѣ прерогативы монарха за исключеніемъ наслѣдственности, онъ оставался не болѣе какъ высшимъ правительственнымъ лицомъ. Основы его власти оставались прежними, она не могла считаться неотмѣняемой и независимой. Даже достигнувъ послѣдней ступени и надѣвъ на себя корону, подобно прежнимъ королямъ, онъ все таки долженъ былъ признавать надъ собою высшую власть и, хотя вы-

кинулъ изъ формулы своихъ декретовъ слова „властью народа“, однако все-же обязанъ былъ именоваться *императоромъ въ силу республиканской конституціи*, что уже само по себѣ составляетъ признакъ верховной власти народа. Но кто долженъ признавать надъ собою чью нибудь власть, хотя бы и власть народа, тотъ не верховный владыка, стало быть и власть императора далеко не равнялась власти королей. Какъ бы ни была она деспотична и изъята изъ всякаго контроля, въ какія бы ни выливалась суровыя формы, она не могла имѣть того неотразимаго вліянія, какое имѣла королевская власть, — не могла уже въ силу сложившихся условій. Сами Бурбоны не могли уже возвратить ее себѣ. Революція разбила кумиръ, разсѣяла чары. Она показала, что и королей можно низлагать, и оставила послѣ себя неопредѣленный слѣдъ скептицизма. Заставляя людей присягать столькимъ различнымъ конституціямъ, она подточила всякое понятіе о вѣрности. Каждый находилъ въ своей совѣсти доводы, разрѣшающіе отъ данной клятвы и позволяющіе служить съ равнымъ усердіемъ всякому режиму, лишь бы сохранить свое мѣсто. Тщетно возвратившійся Людовикъ XVIII помѣчалъ свои декреты 18-мъ годомъ царствованія, чтобы укоренить этимъ увѣренность въ непрерывности

его власти; тщетно ставилъ онъ свое право выше фактовъ и старался представить себя воплощеніемъ этого права,—ему не вѣрили болѣе. Врядъ-ли даже и самъ онъ вѣрилъ себѣ.

Если уже верховная власть не могла пользоваться тѣмъ престижемъ, какимъ она была окружена до революціи, Наполеонъ рѣшился возвратить ей, по крайней мѣрѣ, на сколько это согласовалось съ духомъ его времени, два изъ ея элементовъ, которые онъ считалъ существенными не только потому, что на нихъ опиралась монархія Бурбоновъ, но и потому, что они служатъ обязательными оплотомъ и опорой всякой наслѣдственной монархіи.

Надо было придать своему престолу неземное происхожденіе и окружить его такими людьми, которые, будучи обязаны удовлетвореніемъ своего честолюбія и своихъ аппетитовъ исключительно новому режиму, отдались-бы ему душой и тѣломъ. Надо было, наконецъ, учредить орденъ, который поставилъ-бы въ глазахъ народа его престолъ на одну ступень съ ниспровергнутымъ престоломъ національныхъ королей и съ существующими сосѣдними престолами. Но тутъ явились затрудненія: Наполеонъ не желалъ копировать ни одного изъ иностранныхъ образцовъ, считалъ своимъ долгомъ искать образца только въ національной исторіи.

Послѣдніе короли не могли дать ему его: они воплощали собой плодъ вѣковой дѣятельнести своихъ предковъ; въ ихъ лицѣ династія получила свою окончательную форму, Наполеонъ-же клалъ начало новой династіи. Онъ могъ заимствоваться примѣрами только у основателей династій.

Такихъ было два: одинъ изъ нихъ былъ просто крупный феодалъ, избранный другими феодалами; власть его была ограничена олигархіей, изъ среды которой онъ вышелъ, призванный охранять ея привилегіи. Между положеніемъ Наполеона и положеніемъ Гуго Капета не было никакого сходства: французскій герцогъ, сдѣлавшійся французскимъ королемъ, не могъ служить образцомъ для императора.

Другому основателю династіи заслуги его отца послужили только рекомендаціей, но не дали никакихъ наслѣдственныхъ правъ. Онъ получилъ власть не отъ нѣкоторыхъ, а отъ цѣлаго народа, отъ вооруженной націи, которая. одна только, имѣла голосъ, поэтому онъ сталъ цезаремъ. Однако все же онъ сталъ считать свой престолъ обезпеченнымъ и свою династію основанной лишь послѣ того, какъ былъ помазанъ на царство и коронованъ папой, представителемъ Бога на землѣ и главой церкви. Монархъ этотъ могъ-бы быть коронованъ епископами своей имперіи, но онъ желалъ получить

помазаніе отъ верховной церковной власти, отъ той, которая въ глазахъ вѣрующихъ служитъ источникомъ истины и имѣетъ право связывать и разрѣшать.

Примѣръ былъ найденъ. Сходство положеній поразительно и невольно останавливаетъ на себѣ мысль. Если не заслуги отца, то побѣды указывали на Наполеона. И онъ былъ избранникомъ народа и арміи, и онъ былъ цезаремъ, но и онъ, подобно Карлу Великому, полагалъ, что народный выборъ не можетъ замѣнить неземнаго происхожденія власти. Двумя конкордатами онъ возстановилъ католическую вѣру во Франціи и въ Италіи; дѣлая это, онъ полагалъ, что отвѣчаетъ чувствамъ обѣихъ націй, которыя онъ имѣлъ основаніе считать католическими. Потому и онъ, подобно Карлу Великому, имѣлъ право требовать инвеституры отъ папы, и только отъ папы. Такимъ образомъ онъ разсчитывалъ придать своей власти недостающее ей божественное происхожденіе и, шагнувъ за нѣсколько вѣковъ назадъ, связать четвертую династію со второю.

Вотъ почему Наполеонъ постоянно вызываетъ тѣнь Карла Великаго. Онъ посвящаетъ ему колоссальный памятникъ, который предполагалось поставить на Вандомской площади; сооружаетъ его статую въ Ахенѣ и при всякомъ случаѣ выражаетъ

свое поклоненіе этому великому человѣку, останкамъ котораго въ Ахенѣ онъ воздалъ честь, едва вступивъ на престолъ. Быть можетъ это поклоненіе объясняется преданіемъ, что фамилія его произошла отъ Каролинговъ, или другой легендой, производящей ее отъ византійскихъ императоромъ; — какъ бы то ни было, а Наполеону довольно было заглянуть въ исторію, чтобы найти между своей судьбой и судьбой Карла Великаго странное сходство, которое какъ-бы обязывало его не искать другаго образца.

И онъ также занялъ мѣсто законныхъ королей и хотѣлъ замѣнить ихъ династію своею; и онъ, глядя на дважды покоренную имъ Италію, считалъ свою имперію неполной пока къ ней не присоединятся народы Аппенинскаго полуострова, и онъ видѣлъ возстаніе восточныхъ нѣмцевъ противъ представляемаго имъ принципа, и послалъ своихъ генераловъ подавлять мятежъ въ тѣ самыя мѣста, гдѣ сражался Карлъ Великій.

Слова Наполеона: „Я—Карлъ Великій, потому что, какъ и онъ, я соединилъ французскую корону съ короной ломбардской и моя имперія граничитъ съ востокомъ“, — слова эти можно назвать крикомъ его сердца. Вотъ почему онъ и короновался въ такомъ-же костюмѣ, въ какомъ былъ помазанъ на царство Карлъ Великій; и гербъ себѣ избралъ

тотъ же, который приписывается этому монарху: золотой орелъ на лазоревомъ полѣ; и принялъ его же императорскіе бармы: корону, скипетръ и шпагу Карла Великаго, носителями которыхъ были въ день коронаціи Келлерманъ, Периньонъ и Лефевръ.

Титулы, раздаваемые имъ высшимъ сановникамъ, также заимствованы, если не у Карла Великаго, то у священной римской имперіи. Камбасересъ становится архиканцлеромъ имперіи потому, что въ коллегіи курфирстовъ находился архиканцлеръ имперіи, архіепископъ майнцскій; Лебренъ дѣлается архиказначеемъ подобно рейнскому пфальцграфу; Луи — коннетаблемъ, но не потому что до Людовика XIII коннетаблемъ назывался главнокомандующій арміями французскаго короля, а потому что одинъ изъ пфальцграфовъ Карла Великаго былъ коннетабль. Если санъ генералъ-адмирала не имѣетъ прецедента въ германской имперіи (онъ и во Франціи введенъ лишь при Людовикѣ XIV и носили его только графъ Тулузскій и герцогъ Пантьевръ), зато достоинство оберъ-курфирста несомнѣнно взято изъ германскихъ преданій. У римской-же имперіи заимствованы и *викаріи*, назначавшіеся для замѣщенія высшихъ сановниковъ: въ наполеоновской имперіи являются вице-оберъ-курфирстъ и вице-коннетабль, потому что у германской имперіи были вице-

оберъ-гофмейстеръ, вице-гофмаршалъ, вице-оберъ-камергеръ и вице-оберъ-казначей.

Словомъ, въ наименованіи высшихъ сановниковъ имперіи Наполеонъ подражалъ если не самому Карлу Великому, то его преемникамъ. То же самое сдѣлалъ онъ, организовавъ священный батальонъ, долженствовавшій служить оплотомъ его династіи, какъ служило оплотомъ Бурбоновъ французское дворянство: учреждая орденъ Почетнаго Легіона, онъ создалъ дворянство имперіи. Здѣсь подражаніе еще замѣтнѣе. Имѣя, подобно Карлу Великому, своихъ герцоговъ и графовъ, Наполеонъ задумалъ учредить маркграфовъ. Если онъ допускаетъ бароновъ и кавалеровъ, то потому, что оба эти титула существуютъ и въ римской имперіи; если учреждаетъ княжества (Эсслингъ, Экмюль, Ваграмъ), то дѣлаетъ это въ Вѣнѣ въ 1809 г., по примѣру германскихъ императоровъ. Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого постояннаго стремленія подражать Карлу Великому и священной римской имперіи служитъ то, что Наполеонъ, въ надеждѣ, что ему родится наслѣдникъ, еще раньше брака съ Маріей-Луизой учреждаетъ титулъ и регаліи римскаго короля (сенатское постановленіе отъ 17-го февраля 1810 г.). Гдѣ, какъ не въ Германіи, нашелъ онъ титулъ короля римлянъ, присвоенный сыну импе-

ратора?. Въ изложеніи мотивовъ, вызвавшихъ это постановленіе, онъ влагаетъ въ уста своихъ ораторовъ слова: „Въ первые дни своей славы Наполеонъ воздержался отъ вступленія въ Римъ въ качествѣ побѣдителя. Онъ желаетъ вступить туда въ качествѣ отца. *Онъ желаетъ вторично короноваться тамъ короной Карла Великаго*“.

Однако, не смотря на свою мечту какъ можно полнѣе отождествить свою имперію съ имперіей Карла Великаго, Наполеонъ находился вынужденнымъ отступать во многихъ пунктахъ отъ своего образца. Для удовлетворенія возможно большаго числа своихъ соратниковъ онъ принужденъ былъ умножать должности и чины, и подъ высшими каролингскими чинами учреждать другіе крупные чины, большею частью безъ соотвѣтствующихъ должностей, или относящіеся къ учрежденіямъ, которыя еще недавно существовали или могли быть возстановлены, не давая повода къ насмѣшкамъ.

Двѣнадцать маршаловъ имперіи (послѣ того какъ Мюратъ и Бертье были возведены въ этотъ санъ) также отвѣчаютъ двѣнадцати пэрамъ Карла Великаго, но пятеро генералъ-полковниковъ (colonels-généraux) кавалеріи, генералъ-инспекторы артиллеріи и корпуса инженеровъ и четверо инспекторовъ береговой обороны не отвѣчаютъ никакимъ чинамъ,

существовавшимъ до воцаренія дома Валуа и Бурбоновъ.

Все это должно было имѣть просто декоративное значеніе и на этихъ высшихъ военныхъ чинахъ имперіи, равно какъ и на высшихъ гражданскихъ чиновникахъ, не лежало никакимъ вседневныхъ обязанностей при особѣ императора. Должности ихъ были связаны съ крупнымъ жалованьемъ, съ блестящимъ мундиромъ — и только. Въ дни большихъ церемоній эти важные военные и штатскіе сановники должны было собираться въ особую залу дворца, составлять свиту государя или окружать его престолъ; но они не были ни распорядителями, ни начальниками различныхъ придворныхъ службъ, которымъ надо было придать достоинство и блескъ, желаемые императоромъ.

Для этого были учреждены особые, такъ называемые коронные оберъ офицеры (grands officiers de la couronne), и чинамъ этимъ были даны тѣ же наименованія, какія они носили при дворѣ Бурбоновъ, такъ какъ эти должности во всѣхъ монархическихъ государствахъ требуютъ одинаковыхъ названій. Вездѣ общее управленіе дворомъ возложено на гофмейстера или на гофмаршала, а наблюденіе за покоями и гардеробомъ — на оберъ-камергера. Духовными дѣлами при дворѣ завѣдуетъ великій ми-

лостыне-раздаватель (grand aumônier); конюшнями—конюшій; охотою—ловчій. Затѣмъ, смотря по надобности, учреждаются въ той или другой странѣ и другія дополнительныя должности. Такъ при французскомъ дворѣ существовали должности кравчаго (gr. boutelier), виночерпія (gr. échanson), хлѣбодара (gr. pannetier), сокольничаго (gr. fauconnier), ловчаго (gr. bouvetier), гроссмейстера водъ и лѣсовъ (gr. maître des eaux et forêts). Изъ придворныхъ должностей только три—гофмейстера, камергера и шталмейстера—признаются абсолютно необходимыми для величія престола и встрѣчаются при всѣхъ дворахъ.

Возстановить ихъ было обязательно и для Наполеона, но титулъ гофмейстера кажется ему слишкомъ притязательнымъ, онъ предпочитаетъ гофмаршала какъ въ Германіи; оберъ-камергера и оберъ-егермейстера какъ вездѣ. Согласно французскимъ обычаямъ, онъ назначаетъ великаго милостыне-раздавателя оберъ-егермейстера и оберъ-церемоніймейстера, должность котораго была необходимѣе, чѣмъ когда либо, такъ какъ при дворѣ было много новыхъ людей, изъ которыхъ иные уже забыли правила этикета, а другіе—большинство—никогда и не знали ихъ.

Такимъ образомъ Наполеонъ старается сравняться въ пышности съ другими европейскими государями и организуетъ свой дворъ по образцу другихъ дво-

ровъ, такъ какъ придворные обычаи почти вездѣ одинаковы, то ему волей-неволей приходится заимствоваться у Бурбоновъ и слѣдовать хотя номинально ихъ традиціямъ, болѣе подходящимъ къ духу времени, чѣмъ традиціи Карла Великаго. Но возстановивъ титулы, надо было создать для нихъ соотвѣтственныя должности, а какъ было примирить новѣйшій духъ—духъ равенства и революціи, котораго Наполеонъ служилъ всетаки представителемъ,— съ прежнимъ церемоніаломъ, нелѣпость котораго онъ хорошо сознавалъ? Цѣль его состояла не столько въ томъ, чтобы перещеголять пышностью своихъ предшественниковъ или современныхъ государей, сколько въ желаніи возстановить принципъ власти въ томъ ореолѣ, какимъ онъ былъ окруженъ до революціи; привлечь къ новому царствованію толпу честолюбцевъ, охотниковъ занять тѣ клѣтки, которыя онъ распланировалъ для нихъ, и готовыхъ измѣнить своимъ прежнимъ господамъ, чтобы пріобрѣсть себѣ новые титулы или возвратить прежніе; въ желаніи оживить прдворными праздествами національную промышленность; возстановить центръ, который подавалъ бы примѣръ учтивости, добропорядочности и хорошаго тона, и, наконецъ, въ желаніи усилить уваженіе народа къ престолу, показавъ многочисленными барьерами разстояніе, отдѣ-

ляющее императора отъ толпы. Но отсюда до возстановленія функцій различныхъ придворныхъ чиновъ и до строгаго слѣдованія тому этикету, который соблюдался за четырнадцать лѣтъ назадъ, было еще далеко. Этого Наполеонъ не достигъ бы, если бы и желалъ.

Этикетъ, способный заставить улыбнуться народы, считающіе себя свободными и утратившіе понятія о тѣхъ идеяхъ, которыя символизируются имъ, создался и въ старыхъ монархіяхъ не сразу, а вырабатывался вѣками, согласно традиціямъ, частію современнымъ основателямъ династій или даже болѣе древнимъ.

Во Франціи, какъ и при другимъ дворахъ, этикетъ былъ закономъ для монарха, царствующаго въ силу божественнаго права. Осмѣяніе, попраніе его могли дать временную популярность, но повели къ крушенію монархіи, продержавшейся двадцать вѣковъ. Образъ дѣйствій Людовика XVI свидѣтельствуетъ о странномъ непониманіи этимъ монархомъ характера его сана и условій, обезпечивавшихъ его власть.

Не Людовикъ XIV изобрѣлъ правила этикета; онъ только примѣнилъ ихъ въ своемъ государствѣ и ввелъ въ нихъ нѣкоторыя спеціальныя формы; что касается принципа, то онъ только примѣняется

различно, смотря по обычаямъ націй, но въ сущности вездѣ одинъ и тотъ-же: и въ Испаніи, и въ Англіи, и въ Германіи, и въ Турціи, и въ Персіи, и въ Китаѣ, и въ Японіи, словомъ всюду, гдѣ монархъ приписываетъ своей власти божественное происхожденіе.

Къ такому монарху могутъ приближаться только лица, стоящія на высшей ступени общественной іерархіи. Только они одни могутъ быть его слугами и свидѣтелями его образа жизни: они присутствуютъ при всѣхъ ея актахъ и участвуютъ въ нихъ. Они отвѣчаютъ за государя передъ націей; они исполняютъ при немъ обязанности, которыя, будучи сами по себѣ рабскими, принимаютъ характеръ высшаго почета, какъ скоро дѣло идетъ объ его особѣ. Они обязаны, и въ то же время въ правѣ, оказывать ему эти услуги, и онъ не можетъ уклоняться отъ нихъ безъ вреда для своего достоинства.

Для прочности наслѣдственной монархіи необходимы три слѣдующихъ условія: проникновеніе монарха сознаніемъ присущей ему полноты права; увѣренность окружающихъ, что такъ какъ онъ воплощаетъ въ себѣ право, то оказывать ему даже самыя низкія услуги есть величайшая честь; увѣренность всѣхъ подданныхъ, что монархъ, каковъ онъ есть, не можетъ быть другимъ; что онъ какъ-бы не имѣетъ ни

начала, ни конца, такъ древне происхожденіе его династіи, и такъ прочно обезпечена въ ней преемственность.

Эти три условія обезпечиваются только этикетомъ. Замыкая дворомъ матеріальную жизнь монарха, онъ окружаетъ его нимбомъ таинственности, отъ котораго зависитъ его власть; поэтому онъ недоступенъ ни для кого, кромѣ высшихъ сановниковъ государства. Наиболѣе послѣдовательнымъ въ этомъ отношеніи представляется восточный деспотъ, который живетъ замкнувшись въ своемъ гаремѣ, не показывается никому изъ своихъ подданныхъ и даетъ знать о своемъ присутствіи иностраннымъ посламъ только звуками традиціонной музыки, или дикимъ шумомъ гонгъ. Онъ посланникъ Бога и невидимъ какъ Богъ.

Европейскіе государи не заходили въ логикѣ такъ далеко, быть можетъ потому, что династіи ихъ были для этого слишкомъ молоды. Однако во Франціи, при Бурбонахъ, правила этикета уже получили такое значеніе, что занимали у придворныхъ почти всѣ часы дня и каждый былъ необходимъ на своемъ мѣстѣ —необходимъ не столько потому, что этого требовало преданіе, сколько потому, что правила этикета требовали учрежденія цѣлаго ряда должностей, которыя не имѣли бы смысла,

если бы король уклонялся отъ исполненія этихъ правилъ. Съ уничтоженіемъ этихъ должностей революціей церемоніи этикета могли бы вывестись изъ обычая; но преданіе жило: могъ-ли правитель считаться монархомъ, если онъ не былъ окруженъ толпой придворныхъ и не подчинялся установленному церемоніалу? Съ другой стороны, надо было много мужества, чтобы подчиняться ему, переносить изодня въ день это своего рода рабство. Сколько надо было терпѣнія, чтобы каждый день выполнять безконечныя церемоніи, какими сопровождался до послѣднихъ временъ бурбонской монархіи хотя бы напримѣръ, такой простой актъ, какъ утренній туалетъ.

Старшій камердинеръ, спящій въ комнатѣ короля, призываетъ камеръ-лакеевъ, которые тихо открываютъ ставни и, полуотворивъ дверь, пропускаютъ въ комнату приближенныхъ. Когда король просыпается, приглашаются придворные чины. Король встаетъ и оберъ-камергеръ или старшій камеръ-юнкеръ подаетъ ему халатъ; затѣмъ послѣ установленныхъ промежутковъ, гофмейстеръ, состоящій при гардеробѣ, надѣваетъ на короля камзолъ и голубую орденскую ленту и во время каждой изъ этихъ церемоній допускаются соотвѣтствующіе чины: одна партія—когда король умылъ руки; другая—

когда онъ надѣлъ сорочку; и каждая приближается съ граціозными поклонами, почти танцуя, словно въ какой-нибудь сценѣ изъ Мольера или изъ балета. И дѣйствительно, вся эта церемонія имѣла видъ балета, но балета религіознаго, исполняемаго серьезно, разсчитанно, какъ танцуютъ жрецы предъ своими кумирами.

Налить спирта на руки короля, подать ему кропило, разстегнуть правый или лѣвый рукавъ его камзола,—все это считалось особенными привилегіями. Надѣвать королю сорочку было честью, на которую имѣли право прежде всего сыновья и внуки французскаго дома, затѣмъ принцы крови, затѣмъ принцы по праву рожденія и только за недостаткомъ ихъ оберъ-камергеръ, а за нимъ другіе придворные члены, исходя по іерархической лѣстницѣ. Сорочка, нагрѣтая, крытая тафтой, подносилась королю тѣмъ или другимъ способомъ, смотря по рангу подносящаго, и пока послѣдній входилъ въ уборную, снималъ перчатки и становился въ надлежащую позу, король, стоя нагой за халатомъ, который держали передъ нимъ въ видѣ ширмы два камеръ-лакея, могъ трястись отъ холода.

Возможно-ли предположить, чтобы Наполеонъ могъ ждать такимъ образомъ, пока ему подадутъ сорочку? Если бы даже темпераментъ его допускалъ

подчиненіе подобнымъ мелочамъ, то имѣлъ-ли онъ на это время?

Жизнь его была слишкомъ полна труда, чтобы тратить такимъ образомъ часы. Да и какъ было возстановить всю эту роялистскую ветошь во дворцѣ, стѣны котораго еще носили слѣды бомбардировки 10-го августа, а на паркетѣ еще виднѣлись пятна отъ пролитой крови швейцарцевъ и дворянъ? Вѣдь для того, чтобы эти церемоніи не имѣли карнавальнаго вида, для того, чтобы онѣ могли внушать уваженіе, говорить о достоинствѣ престола или, по крайней мѣрѣ, приниматься серьезно,—надо было, чтобы онѣ имѣли смыслъ, исходили изъ преданій, будили воспоминанія. Между тѣмъ ничего этого уже не было: никакой традиціи, кромѣ традиціи Бурбоновъ, никакихъ воспоминаній, которыя были бы связаны съ новой династіей.

Для новаго культа нужны были священнослужители, которые вѣрили бы въ совершаемыя ими таинства. Самъ Наполеонъ не могъ вѣрить въ душѣ въ незыблемость своей власти, какъ вѣрили въ нее потомки Гуга Капета; для него самого этикетъ составлялъ только необходимость монархіи, а не догматъ вѣры. Въ примѣненіи къ его личности, онъ былъ только обязательнымъ учрежденіемъ, уставомъ. Но сколько уставовъ было отмѣнено и позабыто въ

послѣднія десять лѣтъ! Установленному Наполеономъ этикету могли только повиноваться потому, что въ его рукахъ была сила, но уважать его не могли. Люди, созданные революціей, могли смотрѣть на этикетъ императорскаго двора серьезно только когда въ немъ былъ замѣшанъ ихъ личный интересъ, а не интересъ другихъ; люди же стараго режима могли видѣть въ немъ только пародію на прошлое; онъ не могъ быть въ ихъ глазахъ кодексомъ церемоніала, каждый параграфъ котораго имѣетъ свой историческій прецедентъ, а былъ только обязательнымъ уставомъ, который могъ держаться лишь нока держится власть того, кто его издалъ.

Стало быть, о возстановленіи монархическаго церемоніала въ его цѣломъ нечего было и думать, и это не потому, чтобы Наполеонъ боялся сдѣлаться смѣшнымъ—онъ не понималъ смѣшнаго: «сила никогда не можетъ быть смѣшной», говорилъ онъ,—онъ не желалъ возстанавливать старый этикетъ, находя его слишкомъ стѣснительнымъ для себя, и не могъ сдѣлать этого за недостаткомъ толпы придворныхъ, необходимой для того, чтобы не уступать въ пышности прежнимъ королямъ.

Соратники его не годились для такихъ службъ. Ихъ разъѣзды по Европѣ со смертью за плечами сдѣлали спины ихъ недостаточно гибкими для роли

царедворцевъ. Они не съумѣли бы приспособиться къ ней и надѣлали бы неловкостей. Царедворцемъ надо родиться и все воспитаніе должно быть направлено къ этой роли; даже болѣе молодые люди, еще не дошедшіе до высшихъ степеней, но приближенные къ консульской семьѣ были люди дѣла и головы, также рѣдко годившіеся для роли царедворцевъ. Бонапартъ набиралъ ихъ, не разбирая ни происхожденія, ни школы, изъ которой они вышли, и руководствуясь только доказательствами ихъ храбрости, честности и ума, видѣнными имъ при осадѣ Тулона, въ день вандемьера, въ штабѣ Бертье или въ дѣлѣ при Маренго. Были между ними и дворяне, но немного, да и тѣ больше изъ мелкаго дворянства, никогда не бывавшаго при дворѣ. Изъ знати былъ всего одинъ, призванный въ главный штабъ въ послѣднія времена консульства болѣе за свое имя, чѣмъ за свои военныя заслуги.

Что касается дворцовыхъ префектовъ, назначенныхъ императоромъ около того же времени, для встрѣчи гостей во время большихъ пріемовъ, для руководства церемоніаломъ и наблюденія за матеріальною частью двора, то это были большею частью люди буржуазнаго происхожденія, изъ которыхъ только немногіе состояли въ родственной связи съ какими нибудь финансовыми тузами; а наиболѣе

опытные въ придворномъ этикетѣ занимали когда-то мелкія должности при королевскомъ дворѣ — изъ тѣхъ должностей, которыя полировали буржуа, помогали ему присоединить къ своему крестному имени названіе какого нибудь земельнаго участка и, послѣ двухъ-трехъ поколѣній, украситься присвоеннымъ или контрабандным титуломъ.

О привлеченіи настоящей, старинной знати, изъ которой набирались высшіе чины королевскаго двора, нечего было и помышлять. Уцѣлѣвшіе отъ гильотины жили в ъ изгнаніи, сохраняя вѣрность королю, который оставался въ ихъ глазахъ коронованнымъ, хотя и низвергнутымъ государемъ. Милостынераздаватель прежняго двора, кардиналъ Монморанси, проживалъ въ Альтонѣ, оберъ-гофмейстеръ, принцъ Конде, оберъ-камергеръ, принцъ Гемене, оберъ-шталмейстеръ, принцъ Ламбескъ, оберъ-егермейстеръ, герцогъ Пантьевръ, принцы королевскаго и Лотарингскаго домовъ,—всѣ находились въ изгнаніи и ужъ конечно не они заняли бы мѣста при новомъ дворѣ; главный кравчій, маркизъ Вернёйль, умеръ; главный ловчій, герцогъ Бриссакъ, былъ убитъ, главный сокольничій, маркизъ Водрейль, находился при королѣ; распорядитель придворными облавами на волковъ, графъ д'Оссонвиль, только что вернулся изъ эмиграціи. Онъ умеръ въ 1806 г., а сынъ его

лишь спустя четыре года изъявилъ готовность принять званіе камергера при императорскомъ дворѣ. Изъ камеръ-юнкеровъ, капитановъ гвардіи, дворцовыхъ префектовъ, ни одинъ не домогался чести служить при императорскомъ дворѣ въ XII году: ни Ришелье, ни Дюрфоръ, ни д'Омонъ, ни Флери, ни Ноайль, ни Люксанбургъ, ни де-Пуа. Высшее дворянство оставалось вѣрнѣе, чѣмъ думаютъ, своимъ прежнимъ королямъ. Хотя впослѣдствіи Наполеонъ и успѣлъ набрать, для вида, нѣсколькихъ голодающихъ младшихъ сыновей, но главныхъ представителей дворянскихъ родовъ и носителей ихъ гербовъ онъ не скоро залучилъ къ себѣ, если даже и залучилъ.

Между тѣмъ, безъ участія этой блестящей толпы возстановленіе стараго этикета было немыслимо; одни эти люди и знали его тайны, одни они были знакомы со всѣми его мелочами и могли впродолженіи вѣковъ стоять между монархомъ и народомъ, не вызывая ропота со стороны послѣдняго. Имена ихъ были на столько славны, что блескъ ихъ заслугъ возвеличивалъ достоинство престола въ глазахъ народа.

Наполеонъ не вѣрилъ въ слово „невозможно“, но были причины, которыхъ и онъ не могъ не принять въ разсчетъ въ этомъ случаѣ.

Старая монархія была основана династической фикціей, новая-же опиралась только на мнѣніе націи о своемъ правителѣ. Капетингская династія держалась тайной, невѣдѣніемъ, въ которомъ оставался народъ на счетъ личныхъ свойствъ своего короля. Престижъ-же имперіи питался постояннымъ общеніемъ императора съ солдатами и убѣжденіемъ всѣхъ гражданъ въ его геніальности.

Бурбонская Франція сложилась вѣками; каждый король внесъ въ нее свой камень, каждая королева—свое приданое; и каждое изъ входящихъ въ составъ ея племенъ, признавая надъ собою верховную власть короля, сохраняло свои мѣстныя учрежденія. Всѣ эти народцы, между которыми король служилъ соединительнымъ звеномъ, жили своею особою жизнью, имѣли свой духъ, свой языкъ, свои обычаи и никогда, несмотря ни на какія попытки, не сливались въ единую, великую націю. Между ними не было ни общаго духа, ни общей цѣли, ни общихъ законовъ; французскій король, бывшій въ сущности только королемъ Иль-де-Франса, долженъ былъ-бы, по примѣру другихъ государей, присоединять къ своему титулу названія княжествъ и графствъ, которыхъ онъ былъ верховнымъ властителемъ, еслибы онъ не считался превыше всѣхъ послѣ Бога. Въ сущности, какъ уже сказано, онъ одинъ свя-

зывалъ своею особой всѣ эти разнородные элементы, сосредоточивая въ своихъ рукахъ права, не столько въ силу завоеваній, сколько съ согласія народныхъ вождей. Онъ стоялъ во главѣ феодальной іерархіи каждаго княжества или графства, не какъ король, а скорѣе какъ князь или графъ.

Поколебать хотя одинъ сводъ въ этомъ зданіи значило бы расшатать весь его строй. Надо было полагаться на вѣковую вѣру, что этотъ строй, сложившійся въ шесть столѣтій и уже два вѣка какъ нашедшій свою формулу, продержится еще впродолженіи многихъ царствованій. Механизмъ былъ сооруженъ и какъ-никакъ, а дѣйствовалъ; оставалось только предоставить ему дѣйствовать, не пытаясь извлекать изъ него безполезныя пружины или замѣнять истершіяся новыми. Въ этомъ механизмѣ каждый зналъ свое мѣсто и каждое учрежденіе, какъ бы оно ни казалось обветшалымъ, имѣло свою причину существовать и приносило свою долю пользы. И для того, чтобы народы относились съ уваженіемъ къ этой огромной машинѣ, заржавѣлой и запыленной, не замѣчали ея трещинъ и, прозрѣвъ, не вздумали бы сломать ее, надо было окружить ее туманной, золотистой атмосферой, въ которой всѣ предметы сливаются въ одну огромную величавую массу.

Но народъ зашевелился, воспрялъ, захотѣлъ жить. Границы между княжествами пали, народы заговорили между собою черезъ ихъ развалины и, къ удивленію своему, убѣдились, что они понимаютъ другъ друга. Еще шагъ—и они узнали другъ друга, убѣдились, что у нихъ одинаковыя сѣтованія, нужды, интересы, одинъ и тотъ же идеалъ. И изъ конца въ конецъ этого государства, у котораго не было ничего общаго, кромѣ короля, пробѣжалъ одинаковый трепетъ: люди различныхъ расъ, говорившіе на различныхъ нарѣчіяхъ, почувствовали себя одною націей и стали Франціей.

Наполеонъ сталъ избранникомъ этой націи. Онъ самъ соорудилъ свой механизмъ согласно своимъ желаніямъ и желаніямъ націи, и этотъ новый, прочный механизмъ не терялъ отъ близкаго знакомства съ нимъ. Императоръ собралъ валявшіяся части механизма и, передѣлавъ ихъ по своему, присоединилъ къ нимъ новыя, или казавшіяся новыми, но которыя, всѣ были доставлены ему націей. Онъ постарался не вносить въ нихъ ничего чужеземнаго, зная, что Франція можетъ довольствоваться своимъ и не нуждается въ заимствованіяхъ. Онъ сдѣлалъ этотъ механизмъ настолько широкимъ, что онъ могъ править міромъ, и на столько гибкимъ, что онъ могъ совершенствоваться и примѣняться къ новымъ

потребностямъ. Испортилось одно колесо,—его снимаютъ, истерлась одна пружина, — ее мѣняютъ, и машина продолжаетъ работать. Механизмъ не зависитъ даже отъ своего творца: онъ верховный, но не необходимый двигатель его. Для полнаго хода, конечно, нужно, чтобы главный двигатель былъ избранникомъ всѣхъ, но даже и не на этой почвѣ механизмъ продолжаетъ дѣйствовать.

Что касается лично Наполеона, то онъ вполнѣ сознавалъ, что онъ всѣмъ обязанъ верховной власти народа. Если даже временами онъ пытался связать свою династію съ династіей Бурбоновъ, выдать себя нѣкоторымъ образомъ за ихъ преемника, придать своей власти одинаковую внѣшность съ ихъ властью,—все-же онъ никогда не терялъ сознанія необходимости соприкасаться съ націей. Въ тѣ дни, когда могущество его казалось на столько упроченнымъ, что ничто не могло ему грозить, онъ могъ окружать себя стѣной посредниковъ, являться народу не иначе, какъ во всемъ блескѣ своего величія, въ императорской порфирѣ; могъ, подобно другимъ монархамъ, окутывать свою персону тайной, скрываться въ своемъ гаремѣ; но наступали тревожные дни, когда ему грозила европейская коалиція, и онъ самъ уходилъ въ народъ, чтобы снова закалиться въ его средѣ. Онъ являлся передъ нимъ

въ своемъ военномъ мундирѣ, обходилъ улицы и площади, братался съ народомъ, признавая, что „вся власть исходитъ отъ народа, и только то законно, что дѣлается съ его согласія“.

Поэтому, сознавая, что для престижа его необходимо, какъ и для другихъ государей, организовать дворъ и установить этикетъ, но въ то же время понимая, что подчиненіе старому этикету, съ одной стороны, невозможно для его темперамента, съ другой — отняло бы у него драгоцѣнное время и могло бы быть опасно и вредно для самой его власти, онъ избралъ и въ этомъ случаѣ, средній путь, которому онъ слѣдовалъ и въ законодательствѣ, и во внутренней и внѣшней администраціи, и въ церковныхъ дѣлахъ, и въ управленіи недвижимой собственностью, и въ организаціи движимой. Надо было найти формулу — дѣло самое трудное, хотя, по мнѣнію иныхъ, не особенно важное — такую формулу, которая связала бы настоящее съ прошлымъ и придала бы новой монархіи, вмѣстѣ съ желаемымъ блескомъ и пышностью, необходимую свободу движеній и сравнительную независимость. Формула эта должна была обезпечивать свободу государя, какъ въ частной его жизни, такъ и въ общественныхъ трудахъ; давать ему возможность находиться въ постоянномъ общеніи съ

арміей и поддерживать достаточно частыя сношенія съ націей, чтобы знать господствующія въ ея средѣ теченія; принимать частныя прошенія отъ гражданъ и быть въ состояніи исправлять несправедливости и злоупотребленія со стороны агентовъ власти.

Наполеонъ нашелъ эту формулу и, можно сказать, нашелъ сразу и не ощупью. Онъ различалъ два существа въ своемъ лицѣ: одно, имѣющее свои потребности физическаго, умственнаго и нравственнаго порядка, которыя нуждаются въ полной свободѣ и должны быть уважаемы; другое, подчиненное своему сану и повинующееся указаніямъ оберъ-церемоніймейстера своего двора. На этомъ второмъ существѣ лежатъ обязанности представительства, опредѣляемыя этикетомъ, и оно обязано, являясь въ своей оффиціальной формѣ, подчиняться всѣмъ обрядамъ, установленнымъ для самодержавныхъ монарховъ. Человѣкъ сохраняетъ свое право думать, работать, жить, ѣсть, какъ ему хочется; государь же сохраняетъ необходимый для его достоинства штатъ, но принимаетъ отъ этого штата только символическія услуги, представляющія тѣ дѣйствительныя, для которыхъ были учреждены во время оно должности этого штата. Наполеонъ въ правѣ указывать на то, что онъ первый отдѣлилъ *почти-*

ную службу (какъ выражались въ его время) *отъ службы нужной* и замѣнилъ дѣйствительныя и тривіальныя услуги чисто номинальными и декоративными.

Онъ основывалъ это нововведеніе на слѣдующемъ соображеніи: монархъ есть продуктъ цивилизаціи, а не природы. Онъ не можетъ быть нагимъ, онъ всегда одѣтъ. Теорія эта однако вѣрна только въ примѣненіи къ нему самому, но не къ королямъ въ силу собственнаго права. Они, конечно, не продукты природы, но это потому, что они считаются выше природы. Ихъ власть и по происхожденію своему, и по способу передачи, носитъ характеръ сверхъестественный. Такъ, по крайней мѣрѣ, она понимается ими самими и окружающими ихъ. Носятъ ли они знаки своего достоинства или нѣтъ—это безразлично; ихъ характеръ неизгладимъ. Коронованіе ихъ не есть инвеститура, а только посвященіе ихъ на царство. Нагіе ли, или одѣтые—они все равно остаются королями и домашнія обязанности, исполняемыя при нихъ высшими сановниками государства, свидѣтельствуютъ о безспорномъ величіи монарха.

Роль же Наполеона носила совершенно новый характеръ, зависѣвшій отъ тронной инвеституры: военной, національной и церковной. Онъ ни съ

чѣмъ не связанъ, ни въ прошломъ, ни въ будущемъ. Отдаваемыя ему почести относятся къ облекающей его власти, знаки которой онъ обязанъ носить, а не къ человѣку; послѣдній сохраняетъ за собою право жить частной, неоффиціальной жизнью, не роняя своего монаршаго достоинства, какъ роняли его Людовикъ XV-й и въ особенности Людовикъ XVI.

Очень можетъ быть, что это различіе не сознавалось Наполеономъ, а еще вѣроятнѣе, что онъ, даже и въ бытность свою на о-вѣ Св. Елены, не хотѣлъ говорить о немъ, такъ какъ это значило бы признать, что власть его была ниже власти Бурбоновъ; но это различіе вытекаетъ изъ фактовъ и онъ не могъ не подчиниться ему. Когда онъ говоритъ: „если бы я былъ моимъ внукомъ!...—“ представляя себѣ, какъ велика была бы его власть, если бы она продолжалась хотя бы въ двухъ поколѣніяхъ, онъ этимъ самымъ признаетъ, до какой степени его имперіи не доставало традицій. Лишь только онъ, не довольствуясь своимъ реальнымъ демократическимъ правомъ, сталъ домогаться признанія его власти священною, какъ оказался ниже своихъ предшественниковъ и натолкнулся на препятствіе, передъ которымъ онъ былъ безсиленъ, — онъ, не признававшій ничего невозможнаго для себя. Пре-

пятствіе это было *время*, придающее династіямъ въ глазахъ народа священный характеръ.

Чтобы согласить реальность своей власти съ тѣмъ, что составляло для него собственно *представительность* ея, онъ вынужденъ вести двойную жизнь: одну, показную, въ парадныхъ покояхъ дворца, въ церкви, въ театрахъ, въ Законодательномъ корпусѣ, въ Сенатѣ, въ соборѣ Парижской Богоматери, въ Ратушѣ,—словомъ, на всѣхъ сценахъ, гдѣ онъ долженъ выступать передъ публикой въ роли императора; другую, личную жизнь человѣка, труженика, мужа, любовника, — во внутреннихъ покояхъ дворца. Тамъ онъ является такимъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности, со своими привычками, со своимъ методомъ работы, со своей маніей къ порядку и аккуратности. Тамъ и надо разсматривать его, чтобы составить себѣ приблизительно вѣрное исторической правдѣ понятіе о томъ, какимъ онъ долженъ былъ быть въ своей нормальной жизни, позволившей ему выполнить свое призваніе.

II.

Покои дворца. Охрана.

Чтобы описать домашнюю жизнь и привычки Наполеона слѣдуетъ взять за типъ внутреннiе покои Тюльерiйскаго дворца; но для этого надо перестроить весь этотъ дворецъ, довольствуясь недостаточными документами, не представляющими почти ничего графическаго; такъ какъ въ новѣйшемъ своемъ видѣ онъ былъ только тѣнью дворца, въ которомъ можно было искать тѣни императора. Правда, Наполеонъ проживалъ и въ Компьенѣ, и въ Рамбулье, и въ Фонтенебло, но не долѣе, чѣмъ въ Шенбруннѣ или Потсдамѣ, и эти дворцы столь-же мало могутъ дать понятiя объ его привычкахъ, какъ и главныя квартиры въ Марракѣ или Майнцѣ, или императорскiе дворцы въ Страсбургѣ или Бордо. Долѣе всего онъ проживалъ въ Тюльери или въ Сенъ-Клу, и въ обоихъ этихъ мѣстахъ не осталось почти и слѣда его.

Съ флореаля XII г. по апрѣль 1814, Тюльери

служилъ оффиціальной резиденціей императора приблизительно по три мѣсяца въ году. Это не значитъ впрочемъ, что въ эти мѣсяцы онъ жилъ тамъ безвыѣздно или ночевалъ каждую ночь. Наполеонъ не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, хотя его страсть къ переселеніямъ и не была такъ велика, какъ у Людовиковъ XIV и XV, искавшихъ разсѣянія отъ скуки въ постоянномъ перекочевываньи изъ Версаля въ Марли, въ Шуази, въ Сентъ-Юберъ, въ Бельвю, въ Компьенъ или Фонтенебло́. Нерѣдко, съ наступленіемъ вечера, императоръ вдругъ приказывалъ приготовиться къ отъѣзду въ Мальмезонъ или въ Сенъ-Клу, переселялся на нѣсколько дней въ Елисейскій дворецъ, отправлялся провести день или вечеръ въ одномъ изъ замковъ, подаренныхъ имъ своимъ соратникамъ — напримѣръ, въ Гробуа или Гриньонъ; но это не считалось оффиціальнымъ переселеніемъ и, въ первое время, даже не вписывалось въ „Дневникъ путешествій“. Въ началѣ царствованія полагали, что онъ дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы постоянно держать дворъ на готовѣ къ тревогѣ, пріучить его къ мобилизаціи каждый данный часъ. Императору словно нравилось доставлять какъ можно болѣе хлопотъ своему гофмаршалу и всему придворному штату, хотя въ сущности онъ только удовлетворялъ своей постоянной потребности въ

дѣятельности и движеніи. Но куда-бы онъ ни переселялся, онъ любилъ, чтобы всюду расположеніе комнатъ было такое же, какъ въ Тюльери, чтобы внутренніе покои были такими же, какъ тамъ, и мебель такого-же фасона, и стояла на тѣхъ же мѣстахъ. Какъ скоро необходимыя вещи были разложены и портфели открыты, онъ вездѣ чувствовалъ себя дома. Ни у кого не было менѣе разнообразныхъ потребностей, менѣе прихотей, чѣмъ у него, и никто не оставался такъ вѣренъ своимъ привычкамъ. Обычная обстановка его умѣщалась въ нѣсколькихъ ящикахъ, или даже въ нѣсколькихъ чемоданахъ, и какъ ни велико было его стремленіе окружать себя пышностью, однако изъ-подъ императора всетаки сквозилъ подпоручикъ, готовый при первой тревогѣ выступить въ походъ, въ нѣсколько минутъ уложить свой багажъ. Поэтому и покои его во дворцахъ походили на гостинницу. Все, что должно было быть у него подъ рукой, слѣдовало за нимъ, и съ отъѣздомъ его не оставалось никакого слѣда его пребыванія, никакого признака его характера или привычекъ. Кромѣ его иниціалъ на мебели и обояхъ и его герба, ничто не напоминало о немъ. Изъ экономіи ли или по небрежности, эти знаки, впослѣдствіи признанные мятежными, были прикрыты кусками матерій, и короли

снова чередовались въ обстановкѣ, на которой не осталось слѣдовъ того, кто въ ней когда-то жилъ.

Поэтому Наполеонъ и вошелъ въ эти покои такъ же свободно, какъ онъ входилъ въ свои главныя квартиры: Остероде или Финкенштейнъ, Эскуріалъ или Кремль. Онъ вездѣ былъ, какъ дома: у Людовика XIV и у Филиппа II, у Ивана Грознаго и у Фридриха. Разложивъ свои карты на большомъ столѣ, поставленномъ на козлы, онъ принимался за работу, нисколько не развлекаясь новымъ мѣстомъ. У него была страсть къ порядку, но онъ довольствовался необходимымъ, не гоняясь ни за богатствомъ мебели, ни за пышностью убранства; онъ требовалъ только, чтобы все необходимое для жизненнаго обихода или для умственной работы находилось на своемъ мѣстѣ. Поэтому расположеніе его покоевъ, сдѣланное по его собственному плану и одинаковое—хотя бы съ помощью ширмъ—всюду, гдѣ бы онъ ни жилъ, лучше знакомитъ съ его характеромъ, чѣмъ убранство ихъ, и разстановка мебели говоритъ болѣе, чѣмъ ея качество. Первая носитъ печать привычекъ Наполеона, вторая только показываетъ искусство фабриканта. Въ Тюльери, какъ и въ другихъ императорскихъ резиденціяхъ, часть дворца, которую занималъ Наполеонъ, дѣлилась на три рода аппартаментовъ: на парадные, на

внутренніе покои императора и внутренніе покои императрицы. Здѣсь мы будемъ говорить только о двухъ первыхъ.

Парадные покои предназначались для пиршествъ, церемоній, раутовъ и большихъ пріемовъ. Ими рѣдко пользовались. Первая зала—такъ называемая зала Маршаловъ—предназначалась для концертовъ. Она занимала, вмѣстѣ съ парадной лѣстницей и большимъ вестибюлемъ, весь центральный павильонъ, служа связью между двумя флигелями: лѣвымъ, въ двухъ этажахъ котораго находились покои императора и императрицы, и правымъ, вмѣщавшимъ въ себѣ залу государственнаго совѣта, церковь и театральную залу. Далѣе, въ такъ называемомъ павильонѣ Дѣтей Франціи, выходившимъ фасадомъ въ улицу Риволи, находились покои гофмаршала и иностранныхъ принцевъ.

Зала Маршаловъ вела въ Тронную залу, а эта послѣдняя въ салонъ или парадный кабинетъ императора и, наконецъ, въ галлерею Діаны. Здѣсь и кончались парадные покои.

За галлереей Діаны находились *обычные покои* императора, имѣвшіе особый ходъ на лѣстницу близъ павильона Флоры; эти покои также дѣлились на *почетные* и *внутреннiе*. Почетные состояли изъ залы Тѣлохранителей и двухъ салоновъ, пер-

ваго и второго; внутренніе лежали за ними и состояли изъ рабочаго кабинета императора, гдѣ онъ принималъ по утрамъ въ аудіенціи, изъ топографическаго бюро, ванны, спальни, уборной, гардеробной и передней.

Надъ этими покоями находились въ видѣ антресоли другіе, подобные же, состоявшіе изъ передней, столовой, рабочаго кабинета, двухъ салоновъ, спальни, будуара и гардеробной. Послѣдніе нерѣдко назывались *секретными*, но оффиціальное названіе ихъ: *малые покои его величества*; въ нихъ былъ входъ только черезъ внутренніе покои.

Чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ странномъ расположеніи комнатъ, трудно поддающемся описанію, слѣдуетъ перенестись — теперь, когда Тюльерійскій дворецъ не существуетъ болѣе, — въ малые покои Версальскаго дворца. Тамъ, въ этихъ темныхъ корридорахъ, по которымъ два человѣка не могутъ идти рядомъ, на этихъ узкихъ, витыхъ лѣстницахъ, требующихъ освѣщенія даже днемъ, въ этихъ маленькихъ, низкихъ комнатахъ, гдѣ почти достаешь головой до потолка—комнатахъ, гдѣ проводили жизнь короли, королевы, принцессы и фаворитки всѣхъ разрядовъ, — тамъ только можно составить себѣ понятіе о томъ, что такое былъ Тюльерійскій дворецъ.

На одномъ концѣ внутренніе покои были, какъ уже сказано, отдѣлены отъ лѣстницы павильона Флоры залой Тѣлохранителей, въ которой дежурили пажи и одинъ изъ капраловъ конной гвардіи. Эта зала вела въ первый салонъ, куда по праву входили дежурный генералъ-маіоръ и офицеры императорскаго штаба, и гдѣ находились дежурные флигель-адъютантъ, камергеръ, дворцовый комендантъ и шталмейстеръ. Въ этой залѣ принимались лица, допущенныя къ аудіенціи или призываемыя дѣлить труды императора. Называлась она залой *дежурныхъ*.

Вторая комната, сообщавшаяся съ первой и съ кабинетомъ Наполеона, была предназначена спеціально для аудіенцій. Въ дверяхъ каждой залы стоялъ приставъ, а у дверей залы Тѣлохранителей,— швейцаръ съ булавой и при шпагѣ.

На другомъ концѣ внутреннихъ покоевъ, у дверей передней, примыкавшей къ корридору и къ лѣстницѣ въ галлерею Діаны, дежурилъ приставъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ. Въ передней ждали приказаній императора канцелярист и камеръ-лакей. Другой стражи не было. Во внутреннихъ покояхъ не находилось ни одного солдата. Единственный караульный постъ при нихъ помѣщался въ лѣвомъ флигелѣ, подъ лѣстницей залы

государственнаго совѣта. Но и этотъ постъ служилъ только почетнымъ карауломъ и состоялъ всего изъ двадцати солдатъ. Единственный часовой внутри дворца стоялъ подъ центральнымъ павильономъ, въ открытомъ для публики пассажѣ между дворомъ и садомъ. Стояли еще посты изъ сорока одного человѣка въ павильонѣ Флоры, изъ двадцати — на разводномъ мосту, изъ двадцати одного кавалериста — на двухъ гауптвахтахъ у рѣшетки Каруселной площади, изъ семи жандармовъ и семи пожарныхъ — на другихъ пунктахъ; но ни одинъ изъ этихъ 118 солдатъ не имѣлъ доступа въ покои дворца. Правда, кромѣ приставовъ, швейцаровъ и камеръ-лакеевъ, за внутренними покоями имѣли непрерывный надзоръ еще флигель-адъютанты, помощники гофмаршала и плацъ-адъютанты, но съ теченіемъ времени число ихъ сократилось до невѣроятности. Во времена консульства мы видимъ двѣнадцать плацъ-адъютантовъ отъ бригаднаго генерала до капитана включительно; въ XII году ихъ остается столько же, въ томъ числѣ три генерала, шесть полковниковъ, два батальонныхъ командира и одинъ капитанъ. Но при имперіи восьмеро изъ нихъ приставлены къ различнымъ дворцамъ въ качествѣ комендантовъ или помощниковъ коменданта и только четверо остаются въ прежнемъ

званіи. Въ 1807 они принимаютъ названіе помощниковъ гофмаршала, а въ 1808 совсѣмъ исчезаютъ и замѣняются двумя гофъ-фурьерами и четырьмя фурьерами. Такимъ образомъ эти лица, да дворцовый комендантъ, обязанности котораго являются чисто-почетными, помощникъ его и плацъ-адъютантъ составляютъ всю охрану особы императора.

Но все это были лица, заслуживавшія безусловнаго довѣрія: изъ двухъ помощниковъ, имѣвшихъ чинъ полковника, одинъ, Рейно, былъ ветеранъ безпримѣрной храбрости, покрытый ранами. Онъ сдѣлалъ съ Бонапартомъ всѣ походы и, дослужившись до генеральскаго чина, былъ посланъ въ Испанію, гдѣ имѣлъ несчастіе попасть, въ 1811 г., въ плѣнъ къ мятежникамъ. Другой, Клеманъ, поступившій въ 1782 г. рядовымъ въ нестрійскій полкъ, былъ взятъ первымъ консуломъ въ его штабъ, изъ штаба генерала Дезэ, равно какъ Саварп и Раппъ. Придворная служба не помѣшала Клеману участвовать въ кампаніи 1805 г., въ качествѣ полковника 22-го пѣхотнаго полка, и получить рану въ бедро осколкомъ бомбы. Это былъ республиканецъ, обязанный своей карьерой одному себѣ, любезный, благовоспитанный и, подобно Рейно, беззавѣтно преданный Наполеону.

Филиппъ де-Сегюръ,—генералъ и писатель, заслуживающій особаго мѣста въ исторіи того времени, — находился въ чинѣ капитана, когда былъ назначенъ, въ 1802 г., ко двору. Первый консулъ призвалъ его въ Сенъ-Клу и сказалъ: „Гражданинъ Сегюръ, я назначилъ васъ въ штабъ при моихъ внутреннихъ покояхъ. На васъ будетъ лежать командованіе караульными постами при моей особѣ. Вы видите, какъ я довѣряю вамъ,—и вы, конечно, оправдаете мое довѣріе. Ваши заслуги и таланты позволяютъ вамъ разсчитывать на быстрое повышеніе“. Сегюръ, уже преданный Бонапарту душой и тѣломъ, былъ удивленъ и тронутъ этимъ знакомъ довѣрія и оправдалъ его до конца. Онъ началъ службу республикѣ, поступивъ волонтеромъ въ гусарскій полкъ съ цѣлью сдѣлать кампанію 1800 г.; отецъ же его, присоединившійся къ новому режиму однимъ изъ первыхъ, былъ произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника въ ожиданіи должности оберъ-церемоніймейстера новаго двора.

Четвертымъ помощникомъ гофмаршала былъ Таше, родственникъ Жозефины. Наполеонъ видимо былъ невысокаго мнѣнія о немъ, но тѣмъ не менѣе, быстро провелъ его черезъ всѣ степени (1803—1808) до званія батальоннаго командира. Посылая его въ адъютанты къ своему брату Іосифу, онъ писалъ:

„Пускай онъ послужитъ и пріучится, чтобы сдѣлаться годнымъ на что нибудь“. Неизвѣстно, воспользовался ли Таше этимъ наставленіемъ, но онъ быстро пошелъ по службѣ. Полковникъ въ 1808 г., графъ имперіи въ 1810 г., бригадный генералъ въ 1814, онъ достигъ всего. Когда кузина-императрица не могла болѣе покровительствовать ему во Франціи, онъ нашелъ себѣ другую поддержку, женившись въ Испаніи на дѣвушкѣ знатной фамиліи Клари, что придало ему еще болѣе значенія. Впослѣдствіи онъ передался Бурбонамъ, но не долго пользовался ихъ милостями. Онъ заболѣлъ и умеръ въ началѣ 1816 г.

Тюльерійскіе коменданты слишкомъ часто мѣнялись, чтобы имѣть дѣйствительный авторитетъ. Сначала этотъ постъ занималъ Кафарелли, но онъ сдѣлался потомъ морскимъ и военнымъ министромъ въ Италіи; послѣ него — Флёріё, для котораго эта должность была своего рода пенсіей послѣ неудачной службы въ генералъ-интендантствѣ; наконецъ комендантомъ Тюльери сдѣлался д'Арвиль, бывшій камергеръ Жозефины, покинувшій этотъ постъ послѣ развода, и получившій постъ коменданта Тюльери въ видѣ синекуры. Укрывшись въ этой тихой гавани отъ своихъ кредиторовъ, онъ не давалъ себѣ много труда въ исполненіи своихъ обязанностей. Помощ-

никъ его, храбрый Маконъ, не долго оставался въ этой должности. Назначенный на этотъ постъ 29 брюмера XIII г., онъ тѣмъ не менѣе сдѣлалъ прусскую кампанію, потомъ былъ назначенъ губернаторомъ Лейпцига и умеръ тамъ въ 1806 г. отъ гнилой горячки.

Послѣ него должность помощника коменданта Тюльери не замѣщалась болѣе и всѣ обязанности ея пали на плацъ-адъютанта Огюстена Оже, который, по странному случаю, въ 47-лѣтнюю военную службу не сдѣлалъ ни одной кампаніи и, если видѣлъ огонь, то развѣ только во время парижскихъ мятежей. Между тѣмъ, съ 1768 г. по IV республики онъ служилъ въ различныхъ полкахъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ; наконецъ поступилъ въ консульскую гвардію и былъ назначенъ старшимъ плацъ-адъютантомъ Тюльерійскаго дворца. Въ этой должности онъ оставался до августа 1815 г. и черезъ два мѣсяца послѣ отставки умеръ. Съ 1804 по 1815 г, настоящимъ комендантомъ Тюльери былъ Оже, которому помогали въ этой должности четверо гофъ-фурьеровъ: Дешанъ, Бальонъ, Пико и Эмери. Всѣ они вышли изъ отборной жандармеріи, всѣ имѣли ордена за свои заслуги и доказали свою преданность.

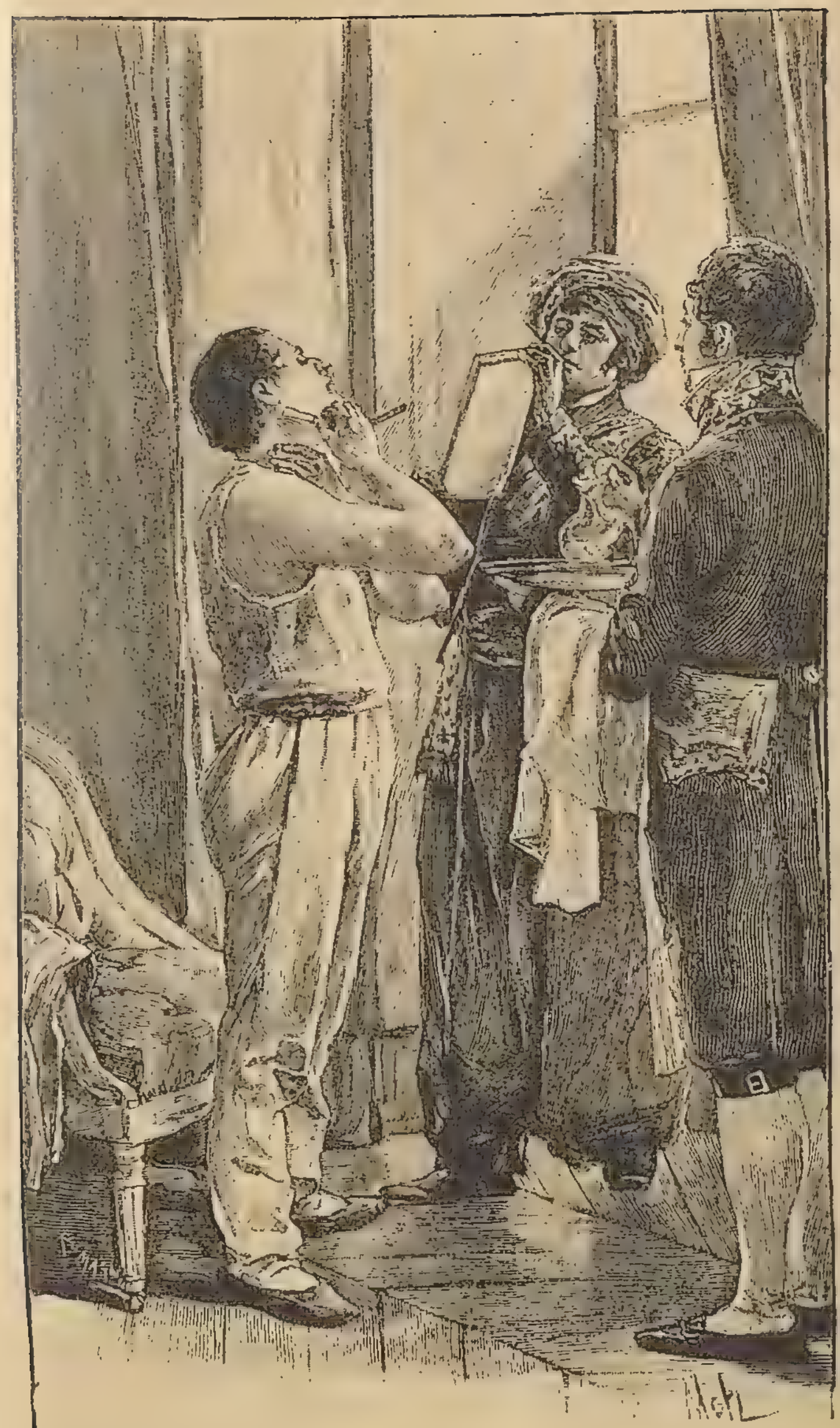
Въ продолженіи дня, плацъ-адъютанты, помощники и фурьеры дѣлали частые обходы въ необи-

таемыхъ покояхъ дворца, но въ *обычные покои* не входили; тамъ довольствовались охраной дежурныхъ офицеровъ. Эти обязанности не были однако безопасными. Въ XI г. въ переднюю внутреннихъ покоевъ вошелъ какой-то человѣкъ въ статскомъ платьѣ. Опрошенный дежурнымъ офицеромъ, почему онъ не снимаетъ шляпы, незнакомецъ выхватилъ изъ-подъ сюртука саблю и хотѣлъ броситься на офицера, но тотъ успѣлъ занять оборонительное положеніе и пригвоздилъ безумца своею шпагой къ стѣнѣ. Сбѣжавшіеся люди узнали въ раненомъ бывшаго квартирмейстера колонновожатыхъ, потерпѣвшаго отъ какой-то несправедливости и вздумавшаго, въ припадкѣ бѣшенства, отомстить за себя убійствомъ перваго консула. Его вылечили, дѣло затушили и Бонапартъ назначилъ пожизненную пенсію этому человѣку, покушавшемуся на его жизнь.

Охрана не усиливалась и по ночамъ. Надо замѣтить, что въ то время дворецъ отдѣлялся отъ публичнаго сада одною террассой, очень не широкой и поднятой не болѣе какъ на три-четыре ступени. Злонамѣренный человѣкъ легко могъ, въ случаѣ оплошности часового, влѣзть на стѣну и забраться въ покои. Въ виду этого по ночамъ учащались дозорные обходы. Однажды вечеромъ Сегюръ засталъ на выступѣ окна какого-то человѣка, выжи-

давшаго удобной минуты, чтобы проникнуть въ покои. Эта была единственная серьезная тревога и о ней никто не зналъ бы, если бы она не была разсказана Сегюромъ. Въ другой разъ, послѣ большого раута, нашли человѣка, спрятавшагося за занавѣсами кабинета; но это былъ несчастный сумасшедшій, бывшій придворный истопникъ, которому чудилась въ огнѣ тѣнь его отца. Его помѣстили въ Шарантонъ. Другихъ подобныхъ случаевъ не было. Не смотря на легкій доступъ въ Тюльери, ни въ одномъ изъ заговоровъ, составлявшихся противъ Наполеона, не предполагалось произвести на него покушенія въ этомъ дворцѣ, такъ какъ всѣ были увѣрены въ силѣ его охраны. Изъ сказаннаго видно, какъ ошибочно было это убѣжденіе.

Ночью, какъ и днемъ, дозоры не проникали въ обычные покои. Въ залѣ дежурныхъ спалъ дежурный адъютантъ, прислонившись головой къ двери; впослѣдствіи къ нему были присоединены ординарецъ и пажъ. Въ слѣдующей залѣ спали бригадиръ и камеръ-лакей. Во внутреннихъ покояхъ у двери спалъ мамелюкъ, для другаго камеръ-лакея и служителя при гардеробѣ, дежурившихъ по ночамъ, стояли койки въ темныхъ маленькихъ кабинетахъ. Когда приходила какая нибудь экстренная депеша, адъютантъ стучался въ дверь, возлѣ которой спалъ



Утренній туалетъ.

мамелюкъ. Тотъ отпиралъ, впускалъ адъютанта и тщательно запиралъ за нимъ дверь, дабы никто не могъ проникнуть вслѣдъ за адъютантомъ. Послѣдній тихо стучался въ дверь спальни, запертую изнутри. Наполеонъ вставалъ и отпиралъ, только узнавъ голосъ стучащаго. Всѣ эти предосторожности, подробно внушенныя императоромъ своему брату Іосифу, строго соблюдались. «Онѣ нисколько не стѣснительны, прибавлялъ Наполеонъ, а между тѣмъ внушаютъ довѣріе и подчасъ могутъ спасти тебѣ жизнь“,

Впродолженіи почти всего царствованія такой надзоръ оказывался достаточнымъ. Когда, въ маѣ 1806 г., значительное число бывшихъ королевскихъ тѣлохранителей, не эмигрировавшихъ и уже успѣвшихъ доказать свое усердіе на службѣ новому режиму, ходатайствовали о назначеніи ихъ къ особѣ императора въ прежнемъ званіи, Наполеонъ отказалъ. Онъ находилъ это „неумѣстнымъ“, но такъ какъ это были люди надежные, то онъ послалъ ихъ въ Неаполь, къ своему брату Іосифу, которому горячо рекомендовалъ ихъ. Позже, въ 1808 г., когда Іосифъ хотѣлъ учредить у себя корпусъ тѣлохранителей, императоръ писалъ ему: „Я не думаю, чтобы вамъ слѣдовало учреждать такой корпусъ: это не отвѣчаетъ этикету нашей фамиліи“. Однако 30-го декабря 1812 г., быть можетъ, подъ влія-

ніемъ услугъ, оказанныхъ *священнымъ эскадрономъ*, во время отступленія изъ Россіи, а въ особенности въ предупрежденіе возможныхъ послѣдствій схватки, подобной дѣлу Мале, императоръ продиктовалъ слѣдующую ноту: „Находятъ, что императорская гвардія недостаточно блестяща и мундиры ея не отвѣчаютъ пышности и величію, которыми должны быть окружены монархи. Находятъ, что входы во дворецъ и его покои недостаточно надежно охраняются, потому ли, что пристава и швейцары не исполняютъ своихъ обязанностей, или потому, что они недостаточно хорошо вооружены. Можно бы разработать проектъ образованія ротъ тѣлохранителей, которыя, представляя собой настоящую стражу, служили бы въ то же время учебными кадрами для офицеровъ арміи. Можно бы также разработать проектъ сформированія одной или нѣсколькихъ ротъ дворцовой стражи, по образцу венгерской дворянской гвардіи въ Вѣнѣ, или швейцарской сотни въ Саксоніи. Можно бы присвоить имъ красивый мундиръ, а тѣлохранителямъ дать латы“.

Проектъ этотъ тщательно разрабатывался Дюрокомъ и Кларкомъ и неоднократно представлялся императору. Тотъ издалъ нѣсколько декретовъ, въ которыхъ опредѣлялись въ малѣйшихъ подробностяхъ составъ и обмундировка новыхъ корпусовъ, слу-

жебныя обязанности ихъ въ мирное и военное время, привилегіи офицеровъ и солдатъ. Но постепенно идея эта, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, измѣнилась и рѣчь зашла не о тѣлохранителяхъ „для постовъ въ первой комнатѣ покоевъ императора, императрицы и римскаго короля“, а о солдатахъ, экипирующихся на свой счетъ, которымъ сулились исключительныя льготы для привлеченія ихъ къ немедленному поступленію въ армію. Случай, разсказанный генераломъ Сегюромъ, заставляетъ усомниться въ томъ, что почетная стража, въ качествѣ тѣлохранителей, представляла тѣ гарантіи вѣрности и преданности, которыя были желательны императору.

Вышеупомянутый проектъ разработывался цѣлыхъ девять лѣтъ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей утверждаютъ, что онъ хотя и былъ задуманъ давно, но постоянно откладывался; изъ боязни возбудить неудовольствіе императорской гвардіи, однако, въ этомъ позволительно сомнѣваться. Бракъ съ Маріей Луизой и дѣло Мале способны только объяснить его, но не оправдать. Не было примѣра, чтобы стража тѣлохранителей остановила вторженіе во дворецъ народной революціи, но бывали примѣры, что сама эта стража производила дворцовую революцію.

III.

Туалетъ.

Спальня Наполеона нѣсколько разъ мѣняла форму и размѣры, вслѣдствіе нѣкоторыхъ пристроекъ, но расположеніе ея въ общемъ оставалось прежнимъ. Во времена консульства Бонапартъ вовсе не жилъ въ ней; онъ раздѣлялъ спальню съ Жозефиной. Это была комната, расположенная въ первомъ этажѣ и сообщавшаяся узкой темной лѣстницей съ *внутренними апартаментами.* Принужденный въ первое время имперіи измѣнить своимъ привычкамъ, Наполеонъ, отправляясь въ походъ противъ Германіи, приказалъ, чтобы въ его отсутствіе расширили и украсили для него другую комнату, которая, повидимому, служила только парадной спальнею, такъ какъ Наполеонъ оказывалъ предпочтеніе спальнѣ въ антресолѣ надъ *малыми апартаментами.*

Работа была быстро выполнена дворцовыми архитекторами Фонтенемъ и Персье. Они покрыли

стѣны богатыми обоями изъ ліонской парчи, съ напелью, украшенной золотыми орнаментами; лѣпные пилястры окаймляли дверныя и окопныя отверстія. На потолкѣ, разрисованномъ и позолоченномъ, были изображены фигуры Юпитера, Аполлона, Марса и Венеры, написанныя въ два тона, съ украшеніями изъ золота на лазоревомъ фонѣ; гербы, императорскіе вензеля съ военными трофеями и крылатыми геніями, поддерживающими гирлянды, дополняли орнаменты. Кровать, поставленная на возвышеніи, обитомъ бархатомъ, помѣщалась въ глубинѣ комнаты, противъ оконъ.

Мебели не было почти никакой: нѣсколько деревянныхъ креселъ, позолоченныхъ и покрытыхъ гобеленовыми коврами, нѣчто вродѣ большого англійскаго комода, украшеннаго мѣдью,—вотъ и все.

Поутру, часу въ седьмомъ, главный камердинеръ императора входилъ въ спальню. Г-жа Ремюза говоритъ, что „Наполеонъ просыпался обыкновенно въ грустномъ настроеніи и казался удрученнымъ, такъ какъ у него довольно часто бывали спазмы желудка, вызывавшія иногда рвоту“. По словамъ же Маршана, напротивъ того, Наполеонъ просыпался въ веселомъ настроеніи. То-же подтверждаютъ Констанъ, Рустамъ и всѣ, кто прислуживалъ императору. Остается предположить, что г-жа Ремюза,

вообще хорошо освѣдомленная, видѣла Наполеона послѣ дурно проведенной ночи.

Способность его спать произвольно, и не долѣе шести часовъ—подъ рядъ или съ промежутками, — подтверждается всѣми приближенными къ нему, равно какъ и способность переходить сразу отъ очень крѣпкаго сна къ полному пробужденію. Этими свойствами обладали многіе изъ членовъ его семейства.

Сразу проснувшись, Наполеонъ нѣкоторое время шутилъ со своимъ камердинеромъ: „Отвори окна, говорилъ онъ, я хочу дышать воздухомъ, который Богъ сотворилъ“. Несмотря на свою обычную зябкость, въ комнатахъ Наполеонъ любилъ свѣжій воздухъ и не терпѣлъ спертаго или дурнаго запаха; такъ, запахъ краски вызывалъ у него даже болѣзненные припадки, и его жажда свѣжаго воздуха по утрамъ свидѣтельствуетъ о чуткости его обонянія. Единственные духи, которые онъ любилъ, былъ запахъ дерева алоэ: вѣроятно, онъ пріобрѣлъ въ Египтѣ эту склонность, сохранившуюся у него до самой смерти. Всюду, гдѣ бы онъ ни находился, онъ приказывалъ жечь на маленькихъ курильницахъ айялуджинъ, чтобы очистить и надушить воздухъ въ комнатахъ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ топить начинали очень поздно.

Главнымъ камердинеромъ впродолженіи почти всего періода имперіи былъ Констанъ Вери, замѣнившій сперва Амбара, отъ старости нѣсколько выжившаго изъ ума и получившаго отставку съ пенсіей и съ назначеніемъ кастеляномъ въ Медонъ; затѣмъ Гебера, также ушедшаго на покой съ пенсіей въ 1200 франковъ и съ мѣстомъ кастеляна въ Рамбулье. Констанъ былъ бельгіецъ; родился онъ 2-го декабря 1778 г. въ Перювельцѣ,—деревнѣ, вошедшей впослѣдствіи съ составъ Жемапскаго департамента. Отецъ его, хозяинъ гостиницы на водахъ Сентъ-Аманъ, поручилъ мальчика, по его словамъ, одному изъ посѣтителей водъ, графу де-Люру, который обѣщалъ позаботиться о его воспитаніи, но эмигрировалъ и бросилъ его. Констанъ пѣшкомъ пробрался въ свою деревню и нашелъ ее во власти австрійцевъ. Онъ попалъ къ нѣкоему коменданту Мишо, принявшему его къ себѣ въ услуженіе, послѣ этого служилъ у купца Гобера и наконецъ, благодаря знакомству съ однимъ изъ слугъ г-жи Бонапартъ, нанялся къ ней въ то время, когда генералъ находился еще въ Египтѣ. По возвращеніи изъ Египта Евгенія Богарнэ, Жозефина помѣстила Констана къ нему,—но затѣмъ опять взяла его къ себѣ, и первый консулъ, передъ отъѣздомъ въ Маренго, сдѣлалъ его своимъ камердинеромъ. Съ тѣхъ поръ

по апрѣль 1814 года Констанъ, можно сказать, не на шагъ не покидалъ Наполеона; онъ похваляется тѣмъ, что пользовался всего два раза отпускомъ, одинъ разъ—на три дня, другой—на недѣлю. Это вполнѣ вѣроятно. Въ 1814 году онъ былъ замѣщенъ, какъ извѣстно, достойнымъ Маршаномъ, преданность и вѣрность котораго своему опальному господину, дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ изгнанниковъ Св. Елены.

Констанъ былъ мало образованъ, писалъ крупными буквами, пренебрегая орѳографіей; тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень смѣтливъ и зналъ о многомъ, благодаря своему другу Вейра, генералъ-инспектору полиціи, который ежедневно передавалъ черезъ него императору бюллетени для контроля донесеній префекта полиціи. Констанъ оставилъ замѣтки, по которымъ книгопродавецъ Ладвока поручилъ составленіе мемуаровъ, и эти мемуары, при осмотрительномъ отношеніи къ нимъ, могутъ дать много цѣнныхъ свѣдѣній. Однако, Констанъ обнаруживаетъ нѣкоторую неблагодарность, жалуясь на недостаточную щедрость къ нему императора: кромѣ 6000 фр. жалованья и 2000 фр. на платье, кромѣ квартиры въ семь комнатъ, стола на четыре куверта, кареты съ упряжкой и кучера, безплатнаго входа на четыре большихъ представленія и экстренной платы

за сопровожденіе императора въ походахъ и путешествіяхъ, онъ получилъ съ 1808 по 1814 г. 1800 ливровъ ренты, годовую пенсію въ 6000 фр. и деньгами до 261000 фр. Это не помѣшало ему покинуть Наполеона въ Фонтенебло, прихвативъ съ собой, по словамъ императора, много серебра и драгоцѣнностей.

Главный камердинеръ носилъ французскій фракъ изъ зеленаго сукна, съ золотымъ шитьемъ на отворотахъ и воротникѣ, бѣлый кашемировый жилетъ, черные брюки и шелковые чулки. Такой же костюмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ шитьѣ, былъ присвоенъ и приставамъ, и камеръ-лакеямъ, и гардеробнымъ служителямъ. Констанъ увѣряетъ, что эта форма не была для него обязательною и что онъ часто одѣвался какъ вздумается; это довольно вѣроятно.

Послѣ провѣтриванія комнаты, императоръ, быстро вставъ и одѣвшись въ халатъ, принималъ изъ рукъ своего личнаго секретаря корреспонденцію. Онъ садился передъ каминомъ и собственноручно вскрывалъ письма, изъ которыхъ заслуживавшія вниманія откладывалъ всторону, чтобы на досугѣ заняться ими, другими же постепенно забрасывалъ коверъ, что онъ называлъ „своимъ отвѣтомъ“. Затѣмъ онъ просматривалъ журналы, тѣ узкіе и ко-

роткіе журналы, столбцы которыхъ онъ единолично заполнялъ и въ которыхъ малѣйшій абзацъ, сдѣланный безъ его вѣдома, рѣзалъ ему глаза. Послѣ этого онъ спрашивалъ имена лицъ, ожидавшихъ въ первой залѣ, и называлъ тѣхъ, кого самъ желалъ видѣть. Гардеробмейстеръ, присутствовавшій по обязанности, во время туалета, и гофмаршалъ входилъ безъ зова; часто призывались также архитекторъ Фонтень и библіотекарь Барбье, а въ опредѣленные дни являлись лейбъ-медикъ Корвизаръ и ординарный хирургъ Иванъ.

Медицинскою помощью Наполеонъ пользовался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, хотя съ начала Имперіи онъ пріобрѣлъ довольно плотную комплекцію и изъ года въ годъ все полнѣлъ. Ординарный врачъ, Жакъ Ноэль Галле, пересталъ являться къ нему съ того дня, какъ Наполеонъ однажды, во время туалета, вздумалъ потянуть его за уши. „Мнѣ больно, государь!“ съ досадою воскликнулъ Галле и демонстративно вышелъ изъ комнаты. Въ качествѣ члена института и профессора Collège de France онъ продолжалъ, однако, фигурировать въ государственной росписи суммою въ 15,000 франковъ годоваго оклада.

Въ походахъ при Наполеонѣ находились врачи походной квартиры, сначала двое, а впослѣдствіи

четверо, съ годовымъ окладомъ по 8000 франковъ. По его указанію, они должны были лечить тѣхъ больныхъ, въ которыхъ онъ почему либо принималъ участіе; но въ Парижѣ они дѣйствовали по указаніямъ старшаго врача. Что касается до четырехъ врачей-консультантовъ, получавшихъ по 3000 франковъ, и окулиста,—то эти должности считались только почетными.

Хирурговъ было болѣе, но изъ нихъ извѣстностью пользовался только Иванъ. Ни Буаіе, главный хирургъ съ окладомъ въ 15000 фр., ставшій въ 1810 году барономъ съ пенсіей въ 4000 фр., ни пять хирурговъ военной квартиры съ жалованьемъ по 6000 фр., ни четверо консультантовъ, получавшихъ по 3000 фр., не появлялись во дворцѣ. Хирурги военной квартиры, участвовали въ походахъ и нѣкоторые изъ нихъ заслужили своимъ самоотверженіемъ орденъ Почетнаго Легіона; но, въ противоположность врачамъ, которые, въ отсутствіе Корвизара, пользовали императора, хирурги приближались къ нему лишь въ исключительныхъ случаяхъ; одинъ хирургъ Иванъ сопровождалъ его повсюду. Этотъ Иванъ (Александръ Урбэнъ) находился при генералѣ Бонапартѣ, со времени итальянскаго похода. Уже въ Миланѣ жена его бывала во дворцѣ Сербелони, въ салонѣ г-жи Бонапартъ, между тѣмъ

какъ самъ онъ гарцовалъ въ штабѣ генерала. Въ VIII году, онъ былъ настолько близокъ къ семьѣ Бонапарта, что почти къ одному ему обратились для подписанія брачнаго контракта сестры Наполеона, Каролины. Сверхъ годоваго оклада въ 12000 фр., онъ занималъ должности главнаго хирурга Инвалидовъ, имѣлъ золотой офицерскій крестъ Почетнаго Легіона, титулъ барона съ рентою въ 9000 фр., не считая наградъ, сумма которыхъ доходила ежегодно до 25 — 30000 фр., Въ Фонтенебло, вечеромъ 14-го марта 1814 года, внеся въ роспись двухъ милліоновъ его окладъ въ 40000 франковъ, императоръ выдалъ ему сумму въ 200,000 фр. и командорскій крестъ Почетнаго Легіона; а нѣсколько часовъ спустя Иванъ, обезумѣвшій отъ страха, кинулся въ конюшни, взялъ тамъ лощадь и ускакалъ въ Парижъ. Наполеонъ не могъ простить ему этого.

Изъ всѣхъ врачей онъ довѣрялъ одному Корвизару. „Въ дѣлѣ медицины я полагаюсь на моего главнаго врача Корвизара“, писалъ Наполеонъ г-жѣ де Монтескью въ 1812 году. Онъ держалъ его со времени косульства, когда, по указанію г-жи Ланнъ, Жозефина настояла, чтобы Наполеонъ, здоровье котораго было давно уже разшатано, пригласилъ его на консультацію. Корвизаръ, которому въ ту пору было сорокъ семь лѣтъ, находился на вер-

шинѣ славы, снисканной имъ въ клиникѣ Charité новымъ методомъ изслѣдованія. Онъ тщательно примѣнилъ этотъ методъ къ изслѣдованію организма консула, ознакомился съ состояніемъ каждаго его органа и нашелъ у него вогнанную внутрь чесотку, которая, вслѣдствіе неправильнаго леченія, повела къ сильному исхуданію и къ пораженію легкихъ. „Это ничего, говорилъ онъ; это просто золотуха, бросившаяся внутрь, и намъ слѣдуетъ выгнать ее наружу“. Онъ наложилъ ему на грудь въ двухъ мѣстахъ нарывной пластырь, что повело къ немедленному облегченію. Кашель постепенно прекратился и Наполеонъ, изумленный простотою средства, а равно и правильностью діагноза, взялъ его къ себѣ въ качествѣ домашняго врача. (Званіе это носилъ Бартезъ, но онъ жилъ въ Монпелье, и жалованье было назначено ему Наполеономъ единственно въ память отца, Шарля Бонапарта, котораго Бартезъ пользовалъ во время его послѣдней болѣзни).— Корвизаръ былъ главнымъ врачемъ съ первыхъ дней консульства по 1814 годъ, получая до 30,000 фр. въ годъ, кромѣ ренты въ 10,000 фр., связанной съ его титуломъ барона; тѣмъ не менѣе, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, хотя сверхъ всего имѣлъ обширную практику въ Парижѣ. Женившись во время революціи на дѣвушкѣ благород-

ной фамиліи, чтобы узаконить прижитаго съ нек
сына, онъ, однако, вскорѣ потерялъ этого ребенка и
развелся съ женою, чтобы вновь начать жизнь хо
лостого человѣка. Дворъ не нравился ему, и оффи-
ціальный міръ не представлялъ для него ничего
притягательнаго. Онъ проводилъ досуги или у
своего стараго друга Гегенека, любившаго, какъ и
онъ, пряныя удовольствія, или же въ обществѣ еще
болѣе веселомъ, гдѣ встрѣчались водевилисты въ
родѣ Барре и Дефонтена, балетмейстеръ Депрео,
мужъ Гимаръ, разбитные кутилы и красивыя жен-
щины. Равріо, торговецъ бронзовыми издѣліями и
подчасъ сочинитель пѣсенъ, воспѣвалъ добродѣтели
доктора, который былъ порою милъ, всегда ра-
спутенъ и посвящалъ свои произведенія пирушкамъ, на которыхъ присутствовалъ Корвизаръ. Содержаніе этихъ пѣсенъ было довольно грубо. Корвизаръ почти не показывался при туалетѣ императора, кромѣ дней своего дежурства, по средамъ и субботамъ. Наполеонъ встрѣчалъ его шутками: „А, вотъ и вы, великій шарлатанъ! Многихъ ли вы отправили сегодня на тотъ свѣтъ?“ И Корвизаръ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, позволялъ теребить себя за уши, умѣя улучить удобный моментъ, чтобы что нибудь выклянчить: онъ былъ изъ тѣхъ, черезъ руки которыхъ проходило много ми-

лостей. Не пренебрегалъ онъ извлекать выгоду и для себя изъ своихъ обязанностей, такъ какъ былъ страстнымъ охотникомъ до рѣдкостей, картинъ и другихъ произведеній искусства. Пацієнты не жалѣли ихъ для него, о чемъ свидѣтельствуетъ удивительная табакерка съ античной камеей, подарокъ Жозефины, завѣщанная Корвизаромъ графинѣ де-Суле а послѣдней профессору Жюлю Клоке; табакерка эта находится теперь въ музеѣ Клюни подъ № 5,293. Особенно много подарковъ получалъ Корвизаръ отъ Маріи-Луизы. Но, какъ и всѣ истинные любители, онъ предпочиталъ купленныя вещи даренымъ.

Однажды Наполеонъ увидѣлъ у Корвизара палку. „Что это вы держите въ рукѣ?“ спросилъ онъ.— Это моя трость, государь. —„ Не красива она! Какъ вы можете ходить съ такой скверною тростью?— Государь эта трость драгоцѣнна для меня, и пріобрѣлъ я ее очень дешево.—„Сколько-же вы дали за нее?“—Тысячу пятьсотъ франковъ, государь; это не дорого.—„Боже! полторы тысячи франковъ! Покажите-ка эту дрянь“. Императоръ беретъ трость, разсматриваетъ ее и замѣчаетъ на ручкѣ маленькій позолоченный медальонъ Жанъ-Жака Руссо. „Скажите! Да это трость Жанъ-Жака! Откуда вы взяли ее, Корвизаръ? Вѣроятно, это подарокъ кого нибудь изъ вашихъ пацієнтовъ? Недурной сувениръ!“—Из-

вините, государь, я заплатилъ за нее полторы тысячи франковъ.—„Это не дорого, Корвизаръ. Вѣдь Руссо былъ великій человѣкъ, то есть великій шарлатанъ... Право, Корвизаръ, онъ былъ въ своемъ родѣ великій человѣкъ; онъ сдѣлалъ не мало хорошихъ дѣлъ“. И Наполеонъ хватаетъ Корвизара за уши, смѣется и прибавляетъ: „Не намѣрены ли вы обезьянничать съ Жанъ-Жака, Корвизаръ?“.

Другою страстью Корвизара была охота. Отправляясь на охоту, онъ никому не говорилъ, куда идетъ, боясь, что его станутъ искать. Онъ любилъ охотиться въ своемъ имѣніи Геренѣ, или въ Везине, у Ланна, зятя своего друга Гегенека; онъ любилъ охотиться ради охоты и притомъ въ обществѣ веселыхъ товарищей. Собираясь однажды утромъ на ружейную охоту въ Сенъ-Жерменъ, императоръ сказалъ своему главному врачу: „Пойдемте со мной охотиться; я хочу знать, хорошо ли вы стрѣляете“. Корвизаръ извинился, говоря, что при немъ нѣтъ его ружей; императоръ возразилъ, что ему дадутъ ружья. На это Корвизаръ заявилъ, что онъ не можетъ пользоваться ими, такъ какъ онъ лѣвша, и уступилъ лишь передъ формально выраженнымъ приказаніемъ Наполеона.

Такія сцены составляли обычное явленіе во время малыхъ пріемовъ. Наполеонъ обладалъ очень звуч-

Наполеонъ и Корвизаръ.

нымъ, хотя и низкимъ голосомъ, который проникалъ въ душу; произношеніе его, какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, было до такой степени оригинально, что врядъ ли встрѣчалось еще у кого нибудь. Онъ сильно скандировалъ слоги, словно пѣлъ, причемъ длинные слоги звучали у него совсѣмъ особеннымъ образомъ. Даже будучи веселъ, онъ никогда громко не смѣялся: голосъ лишь слегка измѣнялся, въ немъ звучала легкая иронія, и только въ глазахъ пробѣгала какъ бы мимолетная усмѣшка.

Въ отсутствіе Корвизара императоръ болталъ съ своимъ камеръ-лакеемъ, освѣдомлялся о городскихъ толкахъ, заставлялъ разсказывать себѣ разныя исторіи, забавлялся мелкими происшествіями. Въ этомъ заключалась одна изъ обязанностей Констана, а впослѣдствіи Маршана. Любопытству Наполеона не было границъ. Ему приходилось сообщать всѣ городскія сплетни, даже докладывать „о разговорахъ и ссорахъ между лакеями“.

Продолжая болтать, онъ выпивалъ чашку чая или настоя изъ померанцеваго цвѣта, которую главный камеръ-лакей подавалъ ему на позолоченномъ подносѣ изъ его нессесера. Оттуда же бралась и вызолоченная чашка, согласно строгому приказанію императора не подавать ему никакой другой посуды. Онъ собственноручно клалъ въ напитокъ сахаръ и

если находилъ хотя малѣйшій посторонній привкусъ, то немедленно отталкивалъ чашку, слѣдуя совѣту Корвизара. Это было единственною предосторожностью, которую онъ принималъ противъ отравленія.

Обутый въ красныя или зеленыя туфли, которыя онъ носилъ всегда до полнаго износа, не позволяя чинить, онъ отправлялся въ ванну, которая была прежде молельнею Анны Австрійской, а затѣмъ, послѣ передѣлки, служила чуланомъ возлѣ спальни. Теплая ванна была, нѣкоторымъ образомъ, страстью Наполеона. Онъ оставался въ ней нерѣдко по цѣлому часу, постоянно открывая кранъ съ горячей водой и доводя температуру до такой теплоты, что вся комната наполнялась туманомъ и приходилось отворять дверь. Если приходили важныя депеши, то личный секретарь читалъ ихъ ему, или же передавалъ ему содержаніе. Помимо того, что ванна была пріятна Наполеону, она была ему также необходима, такъ какъ онъ съ дѣтства былъ склоненъ съ хроническимъ запорамъ. Послѣ 1797 года, во время пребыванія въ Италіи, онъ страдалъ геморроемъ, отъ котораго радикально излѣчился, какъ онъ пишетъ, поставивъ три или четыре піявки; но около того-же времени у него появились первые припадки дизуріи, которые съ лѣтами повторялись

все чаще и болѣзненнѣе. Это заставляло его все долѣе и долѣе оставаться въ ваннѣ, и на островѣ Св. Елены онъ принужденъ былъ проводить въ ней цѣлые дни и даже ночи.

Выйдя изъ ванны, онъ надѣвалъ фуфайку, потомъ рубашку, подобную той, которая была на немъ ночью: всѣ его рубашки изъ полуголландскаго полотна,—по 60 франковъ, впослѣдствіи по 48 фр. штука, — были одинаковы. Затѣмъ онъ надѣвалъ свои комнатный костюмъ, состоявшій, лѣтомъ, изъ длинныхъ брюкъ и длиннаго редингота или халата изъ бѣлаго пикейнаго канифаса; зимою—изъ бумазейныхъ панталонъ и бѣлаго мультоноваго халата. На головѣ оставался мадрасовый платокъ, которымъ онъ подвязывалъ ее на ночь, спуская концы на затылокъ. Въ такомъ костюмѣ онъ подолгу работалъ со своимъ секретаремъ, диктуя ему, а также принималъ по неотложнымъ дѣламъ нѣкоторыхъ министровъ въ комнатѣ, находившейся за кабинетомъ.

Втеченіе всего этого времени камеръ-лакеи приготовляли уборную и хранитель гардероба, Шарве, раскладывалъ принадлежности костюма. Одинъ изъ камеръ-лакеевъ Наполеона получилъ извѣстность — это мамелюкъ Рустамъ. Императоръ пріобрѣлъ его въ Египтѣ, отъ шейха Эль-Бекри, привезъ его во Францію, велѣлъ обучить его въ Версали у Буте

обращаться съ оружіемъ и всегда держалъ его при себѣ. Многіе изъ высшихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ египетской экспедиціи, также держали мамелюковъ: таковы принцъ Евгеній, Мюратъ Бесьеръ и многіе другіе; но извѣстностью пользуется одинъ Рустамъ. Его видѣли на всѣхъ парадахъ, при всѣхъ процессіяхъ. Одѣтый въ удивительный костюмъ, шитый золотомъ, въ бархатномъ тюрбанѣ съ султаномъ, голубымъ или краснымъ, также съ золотымъ шитьемъ, онъ гарцовалъ, звеня саблею, на конѣ въ восточномъ уборѣ. Къ коронаціи для него были сдѣланы два костюма по рисунку Изабе, которые обошлись въ 9000 фр. Рустамъ, въ качествѣ мамелюка, получалъ 2400 франковъ, да столько же въ качествѣ младшаго оруженосца, не говоря о подаркахъ, по меньшей мѣрѣ удвоивавшихъ его доходъ. Послѣ каждой кампаніи ему жаловали 3000 франковъ, въ новый годъ отъ 3000 до 6000; въ XIII году ему дали 500 ливровъ ренты, въ Фонтенебло, въ 1814 году 50,000 фр. кромѣ мѣста въ лотерейномъ бюро. Въ 1806 году онъ женился на дочери Дувиля, камеръ-лакея императрицы, и Наполеонъ уплатилъ за его свадебный обѣдъ 1341 франкъ. Все это не помѣшало мамелюку въ 1814 году бѣжать вслѣдъ за своимъ товарищемъ Констаномъ. Но кто знаетъ, подъ какими вліяніями находились эти лакеи?

Рустамъ не лишенъ былъ наблюдательности, что доказываютъ его воспоминанія—одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ, относящихся до временъ имперіи. Онъ былъ храбръ, какъ и всѣ товарищи его по Эскадрону мамелюковъ, въ которомъ онъ числился до 1806 г., очень расторопенъ въ услугахъ, заключавшихся въ сопутствованіи Наполеона во всѣхъ кампаніяхъ. Въ Тюльери, какъ и всюду, онъ ночевалъ въ помѣщеніи, непосредственно примыкавшемъ къ спальнѣ императора, гдѣ для него приготовлялась койка. Дюрокъ хотѣлъ было для большей опрятности устроить кровать въ одномъ изъ шкаповъ, но однажды ночью императоръ, вмѣсто того чтобы позвонить, отправился самъ за мамелюкомъ и, не найдя его сразу, сильно разсердился. Тогда вернулись къ старому порядку.

Въ началѣ обязанности Рустама были гораздо сложнѣе, такъ какъ онъ прислуживалъ за столомъ перваго консула; но появились пажи, и онъ пересталъ прислуживать. Во времена консульства онъ постоянно фигурировалъ на большихъ парадахъ, въ штабѣ, какъ свидѣтельствуетъ „Revue du Décadi“, гдѣ помѣщенъ также портретъ его, сдѣланный Изабэ. Но это было не по вкусу офицерамъ, которые, несмотря на приказаніе Наполеона готовить для него лошадь, всячески старались помѣшать ему поль-

зоваться ею. Въ концѣ концовъ его низвели мало по малу на степень обыкновеннаго слуги, но престижъ его все таки устоялъ. Всякій иностранецъ, пріѣхавшій въ Парижъ, желалъ видѣть его. Одинъ изъ нихъ писалъ въ 1807 году: „У Рустама красивая фигура и добродушное выраженіе лица, что рѣдко встрѣчается среди его соплеменниковъ. Цвѣтъ лица его не очень смуглый. Онъ высокъ и дороденъ“. Онъ безпокоился о своей родинѣ и по поводу своей женитьбы „на красивой парижанкѣ“. Со времени своего пребыванія въ Парижѣ, Рустамъ привыкъ производить сенсацію всюду куда ни появлялся. Въ VIII году, 10 брюмера, на представленіи „La Caravane“, всѣ слѣдили за проявленіями его чувствъ, чтобы описать ихъ въ „Moniteur“ѣ, куда заносились разныя замѣчанія этого дикаря; интересъ къ нему сильно раздували. Каждый живописецъ спѣшилъ снять съ него портретъ, который воспроизводился потомъ гравюрой въ тысячахъ экземплярахъ, а m-lle Гортензія Богарне, воспользовавшись тѣмъ, что паденіе съ лошади помѣшало Рустаму слѣдовать за первымъ консуломъ въ Маренго, выпросила у него нѣсколько сеансовъ, чтобы написать съ него прекрасный портретъ, который она поднесла начальницѣ своего пансіона. Когда позированье очень надоѣдало Рустаму, то, чтобы под-

бодрить его, она пѣла ему веселыя пѣсенки. Удивительно, что этого большаго ребенка не успѣли испортить. По крайней мѣрѣ, поступки его были вполнѣ безотчетны, что нельзя сказать о Константѣ. Въ 1815 году, по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, Рустамъ хотѣлъ опять поступить къ нему на службу, но императоръ отвѣтилъ Маршану, взявшемуся передать отъ него просьбу: „Онъ подлецъ; брось это въ огонь, и ни слова больше о немъ“. Такой рѣзкій отвѣтъ со стороны Наполеона, который въ эту минуту прощалъ все и всѣхъ, свидѣтельствуетъ о сильномъ раздраженіи и показываетъ, до какой степени Наполеонъ довѣрился ему, привязавшись къ нему такъ, какъ привязываются къ собакѣ.

Въ легендахъ Рустаму приписывается свирѣпый драматическій характеръ исполнителя казней, состоящаго при особѣ императора. Нѣтъ нужды опровергать этотъ вымыселъ.

Генералъ Бонапартъ вывезъ изъ Египта еще одного мамелюка, по имени Али, котораго онъ подарилъ своей женѣ. Этотъ Али, безобразный и ужасно злой, при всякомъ поводѣ обнажалъ свой кинжалъ. Несмотря на то, что Жозефина была чрезвычайно добра къ нему, онъ перессорился со всѣмъ домомъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что его отослали

въ качествѣ комнатнаго лакея, въ Фонтенебло. Взамѣнъ его съ 1811 года императоръ принялъ къ себѣ въ услуженіе Луи-Этьена Сенъ Дени, которому въ это время было, повидимому, не болѣе тринадцати или четырнадцати лѣтъ; несмотря на то, что онъ родился въ Версалѣ, его прозвали именемъ Али, когда онъ вступилъ въ домъ Бонапарта, и одѣли въ костюмъ мамелюка, Это тотъ самый Сенъ-Дени, или Али, который сопровождалъ съ тѣхъ поръ императора въ его походахъ; въ 1814 году былъ заключенъ въ тюрьму въ Майнцѣ. Освободившись, онъ поспѣшилъ къ своему господину на о Эльбу; сдѣлалъ, въ 1815 г., всю кампанію Ватерло сопровождалъ его на Беллерофонѣ на островъ Св. Елены и былъ свидѣтелемъ его медленной агоніи. Имя его было упомянуто въ завѣщаніи Наполеона.

Надо полагать, что при туалетѣ его обязанности были незначительны, чего нельзя сказать о трехъ камеръ-лакеяхъ: Сенешалѣ, Пелярѣ и Гюберѣ. Сегюръ говорилъ о Гюберѣ, что онъ выдавался среди своихъ товарищей воспитаніемъ, умомъ, способностями и характеромъ. Онъ порядочно рисовалъ и оставилъ, между прочимъ, любопытный документъ— сдѣланный имъ портретъ императора. Гюберъ, вмѣстѣ съ Пеляромъ, послѣдовалъ за своимъ господиномъ на о. Эльбу и остался при немъ въ 1815

году. Сенешаль и Пеляръ получили мѣста кастеляновъ при дворцахъ.

Нужно взглянуть на цифры, чтобы судить, какъ относился Наполеонъ ко всѣмъ этимъ мелкимъ служащимъ. Жалованье камеръ-лакея—2400 франковъ; сверхъ того на платье 1200 франковъ; во время похода за каждый день прибавлялось по 6 фр.; затѣмъ новогодніе подарки колебались между 1500 и 3000 франковъ на человѣка. Въ случаѣ женитьбы кого либо изъ нихъ, Наполеонъ выдавалъ на свадьбу 6000 франковъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что если не въ Парижѣ, то во время похода, служба эта была тяжелая и притомъ сопряженная съ опасностями.

Необходимость обезпечить себя штатомъ служителей во всѣхъ частяхъ Европы, куда дѣла могли призвать императора, достаточно объясняетъ большое число камеръ-лакеевъ, къ которымъ слѣдуетъ еще причислить Шарве, хранителя гардероба, трехъ лакеевъ при гардеробѣ, которые также поочереди слѣдовали за императоромъ въ походахъ (одинъ изъ нихъ, Клеманъ, умеръ при возвращеніи изъ Россіи), и нѣсколькихъ комнатныхъ слугъ. Наполеонъ съ самаго начала своего возвышенія обнаруживалъ настоятельную потребность въ услугахъ. Въ Египтѣ онъ имѣлъ при себѣ трехъ лакеевъ. Констанъ мѣтко охарактеризовалъ Наполеона, сказавъ: «Онъ созданъ для лакеевъ».

Для бритья ему требовалось не менѣе двухъ человѣкъ; весьма немногіе брились въ то время сами, и потому всѣмъ казалось страннымъ, когда императоръ сталъ учиться бриться самъ. Г-жа Ремюза приписываетъ честь обученія его этому искусству своему мужу, гардеробмейстеру Ремюза. «Онъ видѣлъ, говоритъ она, какое возбужденіе и даже безпокойство овладѣвало Бонапартомъ, когда эту операцію совершалъ цирюльникъ». Констанъ объясняетъ это проще: по уходѣ Амбара, преемникъ его, Геберъ, человѣкъ крайне робкій, никакъ не могъ рѣшиться брить императора, и эта обязанность была перенесена на него, Констана; но необходимость прибѣгать ежедневно къ услугамъ одного и того-же лакея создала для него родъ постоянной зависимости, отъ которой онъ хотѣлъ избавиться (къ тому-же онъ никогда не рѣшился бы предоставить себя въ руки профессіональнаго цирюльника: помимо этикета, противъ этого говорила также осторожность), и послѣ многихъ попытокъ, довольно неудачныхъ, онъ добился этого. Удивляться этому не слѣдуетъ: обыкновеніе бриться самому распространилось весьма недавно. Въ XVIII вѣкѣ парикмахеръ игралъ въ жизни настолько значительную роль, былъ такъ необходимъ, что естественно было возлагать на него и эту обязанность, которая въ

ряду его прочихъ услугъ врядъ ли считалась значительною. Лишь съ тѣхъ поръ, какъ стали вообще стремиться къ упрощенію существованія мужчины посредствомъ освобожденія его отъ всякихъ ухищреній въ костюмѣ и туалетѣ, лишь съ упраздненіемъ парика, пудры, духовъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, и со введеніемъ единообразія въ костюмѣ, упрощенномъ до дого, что онъ сталъ одеждой, а не украшеніемъ, явилось желаніе освободиться и отъ брадобрѣя, какъ впослѣдствіи освободились и отъ парикмахера. Но въ эпоху Наполеона, и даже при слѣдующемъ поколѣніи, люди, брившіеся сами, были чрезвычайно рѣдки. Ихъ считали чудаками и чуть не указывали на нихъ пальцемъ. Несомнѣнно, что и брадобрѣи, чтобы сохранить свою практику, поддерживали басню, будто эта операція необыкновенно деликатна и выполнять ее слѣдуетъ чрезвычайно старательно, такъ какъ она опасна даже въ томъ случаѣ, если производить ее самому; тѣмъ съ большими церемоніями, конечно, производилось бритье императора.

Констанъ подавалъ тазъ и мыло; Рустамъ держалъ со стороны свѣта большое зеркало изъ несессера, императоръ въ фуфайкѣ покрывалъ себѣ половину лица намыленной водою, разбрызгивая ее во всѣ стороны, затѣмъ вытирался, бралъ бритву

съ перламутровой, украшенной золотомъ ручкой, которую предварительно опускали въ горячую воду, и начиналъ бриться *сверху внизъ*, что вначалѣ повело ко многимъ случайностямъ, такъ какъ у цирюльниковъ кажется, взято за правило брить снизу вверхъ.

Говорятъ, что Наполеонъ не употреблялъ другихъ бритвъ, кромѣ англійскихъ, которыя покупались для него въ Бирмингамѣ и стоили по двѣ гинеи пара. Его ювелиръ, Бьеннэ, неоднократно изготовлялъ впрочемъ для его приборовъ бритвы съ перламутровыми ручками, но нѣкоторые ящики по шести и по двѣнадцати бритвъ заключали въ себѣ, вѣроятно, и англійскія бритвы. Что же касается мыла для бритья, то оно изготовлялось для него Жерве-Шарденомъ изъ душистыхъ травъ или изъ апельсиновъ и было, повидимому, чисто французскимъ.

Въ то время, какъ императоръ кончалъ брить одну половину лица, всѣ переходили на другое мѣсто: Рустамъ со своимъ зеркаломъ переходилъ справа налѣво или слѣва направо, смотря по тому, съ какой стороны былъ свѣтъ, и операція продолжалась. Подъ конецъ императоръ спрашивалъ у каждаго, хорошо ли выбрита его борода. Весело шутя, онъ любилъ драть своихъ камеръ-лакеевъ за

уши, если замѣчалъ, что какой нибудь волосокъ ускользнулъ отъ его вниманія. У него была густая борода, довольно жесткая и какъ будто разноцвѣтная, но она только казалась такою. Никогда, ни въ какомъ періодѣ своей жизни, за исключеніемъ самыхъ послѣднихъ дней на островѣ Св. Елены, Наполеонъ не забывалъ бриться; борода, не бритая недѣлю, была у него рѣдкостью. По нѣсколькимъ волоскамъ, сохранившимся въ числѣ реликвій, нельзя составить точнаго понятія объ ея цвѣтѣ.

Покончивъ съ бородою, императоръ умывалъ руки миндальнымъ тѣстомъ, а не то розовымъ или виндзорскимъ мыломъ; лицо онъ обмывалъ двумя нѣжнѣйшими губками, причемъ очень часто погружалъ голову въ серебряную чашку, которую по размѣрамъ можно было принять за маленькую ванну; умывальникъ этотъ, пятнадцати дюймовъ въ діаметрѣ, былъ перевезенъ въ 1815 г. изъ Елисейскаго дворца на островъ Св. Елены. Умывъ лицо и руки, Наполеонъ старательно чистилъ зубы буксовой зубочисткою, затѣмъ медленно теръ ихъ щеткой, обмокнутой въ зубную кашку, и завершалъ чистку каралловымъ порошкомъ. Послѣ этого онъ выполаскивалъ ротъ смѣсью водки со свѣжей водой и чистилъ языкъ серебрянымъ, вызолоченнымъ или черепаховымъ скребкомъ. Этимъ тщательнымъ ухо-

домъ за зубами онъ объяснялъ полную сохранность ихъ; они были у него прекрасны, крѣпки и ровны. Втеченіе всего своего царствованія онъ никогда, кажется, не прибѣгалъ, за исключеніемъ чистки, къ помощи своего дантиста, Дюбуа, получавшаго окладъ въ 6000 франковъ; у этого дантиста хранился золотой наборъ, инструменты котораго предназначались исключительно для императора.

Всѣ туалетныя принадлежности, употреблявшіяся Наполеономъ, брались исключительно изъ несессеровъ, которые поставлялъ Біеннэ, торговавшій подъ вывѣскою Лиловой Обезьяны въ улицѣ Сентъ-Оноре, № 283. Кромѣ большихъ полныхъ несессеровъ, заключавшихъ въ себѣ всѣ принадлежности работы, туалета, стола, въ родѣ того, который онъ оставилъ своему сыну и который впослѣдствіи былъ подаренъ городу Парижу генераломъ Бертраномъ, или большаго несессера, купленнаго по возвращеніи изъ Испаніи, въ январѣ 1803 г., у него были еще несессеры меньшаго размѣра и меньшаго вѣса, въ родѣ чемодановъ, которые онъ употреблялъ только въ походѣ, въ ожиданіи прибытіи багажа.

Заботливость Наполеона о своемъ тѣлѣ, его необычайная чистоплотность, потребность въ ваннѣ,— все это мало соотвѣтствовало нравамъ того времени. Г-жа де-Ремюза заявляетъ, что „онъ не имѣлъ ни

малѣйшаго понятія о стыдливости, присущей всякому благовоспитанному человѣку". Разумѣется, онъ ни мало не стѣснялся показываться раздѣтымъ и совершать свой туалетъ передъ приближенными, а при нуждѣ и передъ цѣлой арміей, какъ это было напримѣръ на островѣ Лобау; но онъ никогда и не воображалъ, чтобы въ этомъ могла заключаться нескромность. Походные обычаи, по которымъ генералъ, какъ бы онъ ни былъ одѣтъ, всегда находится передъ глазами своихъ адъютантовъ, разумѣется пріучили его считать такую стыдливость лицемѣріемъ; быть можетъ и кровь его греческихъ предковъ Каломероевъ располагала его къ наслажденію чувствомъ *наготы*, если можно такъ выразиться, которое свойственно многимъ изъ людей его расы. Нагота въ скульптурѣ, въ живописи и въ натурѣ нисколько не шокировала ихъ; она казалась имъ античной.

Умывшись Наполеонъ тщательно обстригалъ себѣ ногти, причемъ требовалъ, чтобы ножницы были очень остро отточены; у него были красивыя руки, и, зная это, онъ старательно ухаживалъ за ними. Если ножницы не рѣзали такъ, какъ ему хотѣлось, то онъ ломалъ ихъ о камень, вслѣдствіе чего Бьеннэ приходилось изготовлять ихъ для него дюжинами. Уходъ за руками былъ изобрѣтенъ лишь незадолго

передъ тѣмъ нѣсколькими женщинами, раззоренными революціей; но Наполеонъ никогда не пользовался этимъ искусствомъ, между тѣмъ какъ для ухода за мозолями при немъ находился нѣкій Тобіасъ Кенигъ, нѣмецкій еврей, выпросившій себѣ разрѣшеніе носить шпагу и шитый золотомъ костюмъ, на подобіе камеръ-лакейскаго. Маленькій ростомъ, съ сильнымъ германскимъ акцентомъ, Кенигъ являлся къ туалету въ двѣ недѣли разъ. Наполеонъ рѣдко нуждался въ его услугахъ, но онъ развлекался, задавая Кенигу цѣлую кучу вопросовъ относительно его кліентовъ, за что тотъ получалъ 2,400 франковъ.

Другой артистъ приходилъ всякую недѣлю: это — Дюпланъ, куаферъ ихъ величествъ, единственный человѣкъ, который, по словамъ Наполеона, умѣлъ стричь волосы, а по словамъ Жозефины—единственный человѣкъ, который умѣлъ причесывать. Она до такой степени успѣла убѣдить Наполеона въ его талантахъ, что послѣ развода онъ пожелалъ, чтобы Дюпланъ принадлежалъ исключительно къ штату новой императрицы. Ему платили 4,000 франковъ содержанія по дворцовой смѣтѣ, 6,000 франковъ пенсіи изъ шкатулки Маріи-Луизы, 6,000 и затѣмъ 12,000 франковъ изъ малой шкатулки императора, и 1,166 франковъ

Аудієнція до утренняго туалета.

въ мѣсяцъ изъ театральной кассы; такое вознагражденіе требовалось ему за отказъ отъ остальной своей практики. Жозефина разрѣшала ему имѣть ее въ городѣ, но Наполеонъ рѣшительно запретилъ ему это, съ тѣхъ поръ какъ приставилъ его къ Маріѣ-Луизѣ. Несмотря на свои 40,000 франковъ, Дюпланъ жаловался, что терпитъ убытки, и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выпрашивать подачки, которыя доходили иногда до 12,000 франковъ. Онъ также умѣлъ забавлять императора, разсказывая ему анекдоты. Онъ такъ преуспѣвалъ въ этомъ, что составилъ себѣ состояніе, и сынъ его былъ при второй имперіи вліятельнымъ депутатомъ.

Волосы императора были не черные, а каштановые. Нельзя, конечно, точно судить о цвѣтѣ ихъ по тѣмъ волосамъ, которые сохранились подъ стекломъ и могли подъ вліяніемъ свѣта вылинять; но есть образчики, которые, по снятіи съ головы, были тщательно завернуты и хорошо сохранились. Они также свидѣтельствуютъ о темно-русомъ цвѣтѣ волосъ Наполеона, соотвѣтствовавшемъ чисто-голубому цвѣту глазъ.

Наполеонъ сталъ носить короткіе волосы лишь съ послѣдняго времени консульства, и надо полагать, что причиной этому была та преждевременная

плѣшивость, которая замѣтна уже на прекрасномъ портретѣ Жерара, написанномъ въ 1803 году. Въ Италіи онъ носилъ совсѣмъ длинные волосы, падавшіе на лицо; лишь нѣсколько прядей ихъ было заплетено въ косу и связано лентой. Вся голова была слегка напудрена. По возвращеніи же изъ Италіи, онъ по просьбѣ Жозефины отказался отъ пудры, но во время перехода отъ Тулона до Александріи еще сохранялъ длинные волосы. Въ Каирѣ, быть можетъ даже во время битвы при пирамидахъ, волосы его были уже подстрижены. Переднія пряди, окаймлявшія лицо Наполеона легкимъ, развѣвающимся ореоломъ, были срѣзаны, да и вся голова, кромѣ затылка, была острижена, хотя и не такъ коротко, какъ можно бы подумать: объ этомъ свидѣтельствуетъ серія бюстовъ, сдѣланныхъ съ натуры по возвращеніи его во Францію и показывающихъ, что въ ту пору у него были еще длинныя пряди волосъ, падавшія на лобъ и закрывавшія на три четверти уши и значительную часть воротника. Въ тоже время первый консулъ отпустилъ бакенбарды, которые заходили ниже мочки уха и казались довольно густыми. Бакенбарды исчезли одновременно съ тѣмъ, какъ были укорочены волоса на затылкѣ, но лишь въ самомъ концѣ консульства Наполеонъ сталъ „бритымъ“, какъ звали его солдаты. Съ тѣхъ

поръ лобъ его сталъ понемногу обнажаться, такъ что на нѣсколькихъ схожихъ эскизахъ конца имперіи уже замѣтно, что длинная прядь, придающая его лицу такое характерное выраженіе, начесана на лобъ сбоку.

Покончивъ съ ногтями, Наполеонъ снималъ фуфайку и ему поливали голову одеколономъ, между тѣмъ какъ самъ онъ растиралъ себѣ жесткою щеткой грудь и руки. Затѣмъ камеръ-лакей тою же щеткой растиралъ ему спину, плечи и все тѣло, обильно поливая его одеколономъ. Эти растиранія, по словамъ Наполеона, были имъ усвоены на востокѣ, и онъ приписывалъ имъ отчасти свое здоровье. Онъ не любилъ, чтобы его при этомъ щадили: „Три крѣпче!“ говорилъ онъ камеръ-лакею. „Крѣпче! Скреби, какъ осла“.

Растираніе щеткой, какъ и ванна, должно было содѣйствовать правильнымъ отправленіямъ кожи. „Лишь только, говоритъ одинъ изъ его врачей, ткани его кожи сжимались подъ вліяніемъ нравственной или атмосферической причины, явленія раздраженія проявлялись болѣе или менѣе сильно, а поэтому и припадки кашля и задержаніе мочи принимали болѣе рѣзкую форму“. Явленія эти прекращались, какъ скоро дѣятельность кожи возстановлялась. Съ этою цѣлью онъ вызывалъ у себя испарину то про-

должительными ваннами, то чрезмѣрнымъ кутаньемъ въ постели, нагрѣтой до послѣдней степени, то ѣздой верхомъ по шестидесяти верстъ заразъ. Послѣ сильнаго утомленія онъ, съ этою-же цѣлью, давалъ себѣ цѣлые сутки полный отдыхъ. Его организмъ представлялъ одну рѣдкую особенность, которая проявлялась періодически, оказывая несомнѣнное вліяніе на состояніе его здоровья; прекращеніе проявленій ея на о. Св. Елены вызвало смертельное ухудшеніе его болѣзни. „Я буду спасенъ, если пропотѣю и если рубцы на моемъ бедрѣ раскроются“, говорилъ онъ 22 января 1821 года, за три мѣсяца до смерти; но „природа не отвѣчала болѣе на его мольбы“.

Послѣ купанья, мытья и растираній, императоръ одѣвался. Онъ надѣвалъ фланелевую фуфайку, на которой, во время походовъ, носилъ съ 1808 года на черномъ шнуркѣ мѣшечекъ изъ чернаго атласа величиною съ орѣхъ. Подъ шелковой оболочкой была другая, кожаная, въ которой заключался ядъ, изготовленный по рецепту, данному Кабанисомъ Кондорсе, и дѣйствующій навѣрняка. Впослѣдствіи, въ 1812 году, императоръ замѣнилъ его другимъ ядомъ, приготовленнымъ Иваномъ по другому рецепту; однако этотъ ядъ измѣнилъ ему въ 1814 году. Наполеонъ, еще отправляясь въ испанскій походъ,

принялъ мѣры, чтобы не отдаться живымъ въ руки враговъ Франціи. Если въ 1815 году, послѣ Ватерлоо, онъ не захотѣлъ прибѣгнуть къ тому смертельному средству, дѣйствіе котораго было ему извѣстно и которое онъ постоянно носилъ съ собой въ мѣшечкѣ, прикрѣпленномъ къ подтяжкѣ, то это потому, что онъ счелъ за лучшее дать свершиться своей судьбѣ, чтобы явить собою поразительный примѣръ превратности человѣческой судьбы. Онъ думалъ расплатиться своимъ мученичествомъ и смертью съ побѣжденной Франціей за торжество Англіи.

Затѣмъ надѣвалась рубашка. Ноги обувалъ Констанъ въ тонкіе шерстяные носки, а сверху— въ бѣлые шелковые чулки, державшіеся эластическими подвязками, и подавалъ кальсоны изъ очень тонкаго полотна или изъ бумазеи, а затѣмъ бѣлые казимировые панталоны, скрѣпленные у колѣнъ маленькой золотой пряжкой. Если же вмѣсто башмаковъ съ золотыми пряжками нужно было обуться въ мягкіе ботфорты, Наполеонъ надѣвалъ очень узкіе панталоны изъ бѣлаго казимира или трико. Короткіе, какъ и длинные панталоны, равно поддерживались эластическими подтяжками.

Фуфайки изготовлялись для Наполеона его портнымъ, Шевалье, по 40 франковъ за штуку; рубашки

поставлялись большими бѣльевыми магазинами m-lles Лоливъ, де Бёври и К°, въ улицѣ Neuve des Petits Champs; та же фирма поставляла и галстухи изъ черной кипорной матеріи, по 8 франковъ за штуку. Шелковые чулки отъ Панье обходились по 18 франковъ пара, что вызывало однако неудовольствіе Наполеона. „Почему-же съ меня берутъ дороже, чѣмъ съ другихъ? говорилъ онъ. Я не понимаю этого. Неужели меня слѣдуетъ обкрадывать?“ Башмаки, какъ и сапоги, очень удобные, дѣлались на сантиметръ длиннѣе ступни, въ которой было ровно 26 сантиметровъ, и на полъ сантиметра больше въ срединѣ ступни, ширина которой была 7 сантиметровъ. Башмаки съ золотыми пряжками, изготовленные Жакомъ, въ улицѣ Монмартръ, были на шелковой подкладкѣ, и втеченіе трехъ дней ихъ разнашивалъ гардеробный слуга, по имени Іосифъ Линденъ, у котораго нога была совершенно тѣхъ-же размѣровъ, какъ и у императора. Пара башмаковъ стоила обыкновенно 15 франковъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, вѣроятно въ походахъ, Наполеонъ надѣвалъ сверхъ башмаковъ калоши. На охоту, какъ и при верховой ѣздѣ, онъ обувалъ ноги, сверхъ шелковыхъ чулковъ, въ ботфорты, подбитые до верху сафьяномъ или шелковымъ плюшемъ; подкладка эта ежедневно обновлялась, благодаря чему не было не-

обходимости мѣнять чулки, переобувая ноги изъ ботфортъ въ башмаки. Ботфорты, стоившіе 80 франковъ пара, украшались маленькими серебряными шпорами, не болѣе сантиметра длиною; нѣкоторыя изъ этихъ шпоръ были совсѣмъ иступлены. У Наполеона ихъ было двѣнадцать паръ и камеръ-лакеи знали, при какихъ случаяхъ онъ носилъ тѣ или другія изъ нихъ. Такъ были шпоры дрезденскаго и шпоры французскаго походовъ. Послѣднія Наполеонъ подарилъ Ласъ Казасу съ такими словами: „Возьмите ихъ, мой другъ: онѣ служили мнѣ при Шампоберѣ“.

Обувшись и повязавъ вокругъ шеи очень узкій кисейный галстухъ, а сверху надѣвъ твердый шелковый воротникъ чернаго цвѣта, очень высокій и просторный, съ нагрудникомъ напереди, Наполеонъ надѣвалъ вырѣзной жилетъ изъ бѣлаго казимира, спускавшійся ниже, чѣмъ носятъ теперь. Этотъ жилетъ вмѣстѣ со штанами портной Шевалье поставлялъ за 85 франковъ, а замѣнившій Шевалье въ 1815 году Лежень — за 64 франка. Императоръ каждое утро мѣнялъ жилетъ и панталоны, употребляя ихъ всего по одному разу и отдавая въ стирку не болѣе трехъ или четырехъ разъ. Несмотря на крайне тщательный уходъ за своимъ тѣломъ, Наполеонъ чрезвычайно мало заботился о

платьѣ. Онъ вытиралъ перо о панталоны или забрызгивалъ ихъ чернилами, отряхивая перо у письменнаго стола. Это не побуждало его мѣнять ихъ въ теченіе дня, точно также какъ не мѣнялъ онъ и шелковыхъ чулковъ, несмотря на привычку тереть ногу, если она чесалась, каблукомъ другого башмака. Обновленіе запаса жилетовъ и панталонъ было цѣлымъ событіемъ. Ихъ изготовляли по сорока восьми штукъ въ годъ и служить они должны были въ теченіе трехъ лѣтъ; но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ постоянно ощущался недостатокъ. Въ 1811 году, во время провѣрки гардероба, ихъ оказалось на лицо всего семьдесятъ четыре, вмѣсто ста сорока четырехъ; остальные, по всей вѣроятности, были исключены изъ употребленія.

Сверхъ жилета Наполеонъ застегивалъ свою портупею, много разъ мѣнявшую свою форму. То она была съ пряжками въ видѣ щитовъ, украшенныхъ орлиными головами, держащими букву „N“, съ извивающеюся въ видѣ змѣи буквою „S“, то изъ красной шелковой матеріи; то изъ черной кожи, или изъ оленьей, на золотой подкладкѣ; то просто въ видѣ легкой перевязи на рубашкѣ подъ жилетомъ, причемъ шпага прицѣплялась къ простому ремню, изъ бѣлой кожи; обыкновенно же императоръ носилъ

портупею на жилетѣ или подъ нимъ и снималъ ее, находясь въ своемъ кабинетѣ.

Въ постоянномъ употребленіи у Наполеона было только двѣ шпаги, съ золотыми чашками, съ черепаховыми ножнами, обдѣланными въ золото; посрединѣ эфеса одной изъ нихъ была изображена желѣзная корона, окруженная лавровымъ вѣнкомъ, а по бокамъ ея головы Минервы и Геркулеса въ медальонахъ, украшенныхъ арабесками. Головка шпаги имѣла форму совы и оканчивалась шлемомъ; дужка у эфеса, украшенная орлами и пчелами, оканчивалась маленькой античной головою льва; на чашкѣ, въ видѣ опрокинутой раковины, былъ вычеканенъ щитъ съ орломъ, держащимъ молнію; по краямъ щита было изображено шестнадцать пчелъ,—столько, сколько было когортъ въ Почетномъ Легіонѣ; вылитый изъ стали клинокъ былъ инкрустированъ орнаментами. Эту шпагу дѣлалъ Бьеннэ и стоила она 5,700 франковъ.

Можетъ показаться маловѣроятнымъ, чтобы Наполеонъ обыкновенно употреблялъ всего двѣ шпаги, однако во всѣхъ инвентаряхъ значится не болѣе двухъ. Несомнѣнно, что кромѣ того были у него шпаги и для церемоній, но въ очень небольшомъ числѣ. Въ 1811 году у него было всего на всего четыре шпаги: двѣ для повседневнаго употребленія,

одна французская, изъ вызолоченнаго серебра, и одна шпага съ гладкимъ клинкомъ и чашкой изъ слоновой кости. Шпага, бывшая на императорѣ при Аустерлицѣ и съ которой онъ съ тѣхъ поръ почти не разставался, была завѣщана имъ сыну и впослѣдствіе поднесена генераломъ Бертраномъ, у котораго она находилась на храненіи, королю Луи-Филиппу; въ настоящее время эта шпага хранится при гробницѣ императора, въ домѣ Инвалидовъ.

На жилетъ Наполеонъ надѣвалъ ленту Почетнаго Легіона большаго креста; лишь въ торжественныхъ случаяхъ онъ носилъ эту ленту сверхъ фрака.

Наконецъ, Наполеону подавали мундиръ обыкновенно стрѣлка его конной гвардіи; а по воскресеньямъ и къ церемоніямъ, когда онъ не облекался въ парадную форму, онъ надѣвалъ мундиръ пѣшаго гренадера, изъ голубого драпа, съ голубымъ воротникомъ безъ канта, съ бѣлыми, прямыми обшлагами безъ канта и ярко красными отворотами, также безъ канта, съ клапанами въ три петли, на ярко красной подкладкѣ, застегнутый и украшенный четырьмя гранатами на бѣломъ сукнѣ, вышитомъ золотомъ. Разрѣзъ кармана былъ украшенъ продольной ярко-красною выпушкой, пуговицы были позолоченныя, съ орломъ, увѣнчаннымъ короной. Мундиръ коннаго стрѣлка былъ изъ зеленаго сукна, съ зао-

стренными отворотами, съ подкладкою изъ того-же сукна; воротникъ и обшлага также красные, на складкахъ гусиныя лапки, зеленыя, съ краснымъ кантомъ; отвороты украшены охотничьими рогами, вышитыми золотомъ; пуговицы, какъ у гусаровъ, съ орломъ въ коронѣ. На нѣкоторыхъ мундирахъ, между прочимъ, на томъ, который находится въ музеѣ Сана, пуговицы круглыя и гладкія.

Эти мундиры первый консулъ началъ носить лишь съ вандеміера IX года. Однажды въ Морфонтенѣ, у Іосифа Бонапарта, онъ увидѣлъ на креслѣ сложенный сюртукъ. Онъ взялъ его и развернулъ—это былъ мундиръ полковника консульской гвардіи. „Надо примѣрить его“, сказалъ Наполеонъ и снявъ свой сюртукъ, надѣлъ тотъ. „Этотъ мундиръ хорошъ, прибавилъ онъ, глядясь въ зеркало. Лучше его нѣтъ, кромѣ моего сюртука артиллерійскаго офицера“. Съ этого времени онъ сталъ носить такой мундиръ и въ частной жизни—для церемоній у него былъ генеральскій или консульскій—а во времена имперіи только его и надѣвалъ. Быть можетъ, онъ это дѣлалъ изъ подражанія Фридриху II, который всегда носилъ военный мундиръ и чаще всего мундиръ своей пѣшей гвардіи. Это вошло въ обыкновеніе у тѣхъ государей, которые были его поклонниками. Въ 1815 году Наполеонъ нѣсколько разъ надѣвалъ

мундиръ національной гвардіи, но во времена консульства никогда не носилъ его, хотя нѣкоторые и утверждаютъ противное: въ данномъ случаѣ недоразумѣніе могло возникнуть вслѣдствіе сходства мундира національнаго гвардейца съ мундиромъ пѣшаго гренадера.

Эполеты были у Наполеона легкія, небольшія и совершенно гладкія; густая бахрома терялась въ складкахъ мундира, украшеннаго лишь серебряной звѣздою съ большимъ орломъ Почетнаго Легіона и двумя орденами — Почетнаго Легіона и Желѣзной Короны. Серебряные знаки Легіона, которые носилъ императоръ до Аустерлица, не были увѣнчаны короной, присоединенной къ нимъ лишь въ апрѣлѣ 1806 года. Со времени Аустерлица и до самой смерти Наполеонъ носилъ золотого офицерскаго орла. Съ 5 іюня 1805 года онъ носилъ, въ перемежку съ Почетнымъ Легіономъ, золотые командорскіе знаки основаннаго имъ ордена Желѣзной Короны; онъ состоялъ изъ ломбардской короны съ медальономъ, на которомъ былъ изображенъ въ профиль его основатель съ вѣнцомъ на головѣ; сверху медальона красовался орелъ; орденъ этотъ подвѣшивался на оранжевой лентѣ съ зеленою каймой. Наполеонъ никогда не носилъ ордена „Трехъ рунъ“, который былъ утвержденъ имъ 15 августа 1809 г. и знаки

котораго существовали лишь въ проектѣ. Извѣстно также всего два или три портрета, на которыхъ онъ изображенъ въ лентѣ или со звѣздою ордена Соединенія, основаннаго 19 октября 1811 года. Однако, на нѣкоторыхъ пластинкахъ съ его орденами, голубая лента Соединенія красуется рядомъ съ лентами Желѣзной Короны и Легіона. Возможно, что онъ надѣвалъ его въ 1811 году, во время путешествія въ присоединенные департаменты; это подтверждается и тѣмъ, что два упомянутые портрета принадлежатъ кисти голландскихъ художниковъ.

Форма коннаго стрѣлка стоила 200—210 франковъ; пара эполетъ—148 франковъ; звѣзда Легіона—62 франка. Гренадерскій мундиръ стоилъ дороже,—до 240 и 250 франковъ. Портной Шевалье имѣлъ склонность постоянно повышать свои цѣны. Такъ, въ 1813 году другой портной, Лежень, поставлялъ гренадерскую форму, съ эполетами и звѣздой, за 340 франковъ, а полный стрѣлковый костюмъ—за 330 франковъ. Такое удешевленіе было результатомъ управленія Тюренна, новаго гардеробмейстера.

19 августа 1811 года императоръ былъ вынужденъ, наконецъ, заявить Ремюза, что „онъ будетъ отнынѣ обходиться безъ его услугъ по гардеробу“. Окончательно вывело его изъ себя то, что

поставщики стали предъявлять ему лично свои счеты. „Катаясь въ Сенъ-Клу, разсказывалъ Наполеонъ, и сидя въ коляскѣ рядомъ съ императрицей, среди несмѣтной толпы народа, я вижу вдругъ, что ко мнѣ, словно къ султану, направляющемуся въ мечеть, обращается по восточному обычаю человѣкъ, работавшій на меня, и проситъ уплатить значительную сумму, въ которой ему долго отказывали. Оказалось, что это совершенно вѣрно, но не я былъ виноватъ въ этомъ, такъ какъ я давно уже выплатилъ по этому счету. Очевидно, виною былъ посредникъ“. По своей-ли безалаберности, или по чему либо худшему, Ремюза накоплялъ долги, между тѣмъ какъ гардеробъ находился далеко не въ такомъ видѣ, въ какомъ ему надлежало быть. Если это происходило по небрежности, то онъ былъ сугубо виновенъ, такъ какъ и онъ самъ, и его жена были всѣмъ обязаны императору. Онъ исторгъ Ремюза изъ безвѣстности, почти изъ нищеты, взялъ сначала въ домъ перваго консула, потомъ возвысилъ до званія камергера и даже до главнаго камергера, и, наконецъ, возвелъ въ графское достоинство. Онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что тотъ присвоилъ себѣ частицу „de“, на которую не имѣлъ никакого права. Осыпанный денежными подарками, почетными для вѣрнаго и преданнаго человѣка, но позор-

ными для измѣнника (между прочимъ, онъ получилъ 28 мессидора XII г. по указу императора подарокъ въ 200,000 франковъ), этотъ человѣкъ далеко не принадлежавшій къ числу тѣхъ, кому обширный умъ не позволяетъ вдаваться въ мелкіе разсчеты, доказалъ, что, расточительный во всемъ, что касалось его господина, онъ былъ отвратительно скупъ, когда дѣло касалось его собственнаго кошелька. Супруги Ремюза, помимо ихъ жалованья, достигавшаго по разнымъ статьямъ 42,000 франковъ, не считая побочныхъ доходовъ, подарковъ, прибылей отъ главнаго инспекторства театровъ и прочаго, получали съ ноября 1807 года, на содержаніе дома и пріемъ иностранцевъ, субсидію изъ секретныхъ фондовъ сперва по 2,000 франковъ въ мѣсяцъ, а вслѣдъ затѣмъ по 5,000 франковъ. Сумму эту они получали полностью въ 1807 и 1808 годахъ, что однако не мѣшало имъ въ октябрѣ 1808 года „серьезно озабочиваться пріемомъ большаго числа гостей во исполненіе воли государя“. Видя результаты своей щедрости, Наполеонъ велѣлъ, въ предостереженіе, уменьшить содержаніе Ремюза до 36,000 франковъ въ 1809 году и до 24,000 франковъ въ 1810 году. Собственно говоря, главный камергеръ и его супруга могли бы быть уличены въ воровствѣ еще въ 1808 году и

съ тѣхъ поръ оно все усиливалось. Въ 1811 году обнаружился недочетъ по туалету въ 16,000 франковъ, послѣ чего императоръ, оставивъ за Ремюза должность главнаго камергера, лишилъ его званія гардеробмейстера.

Чтобы выгородить своего мужа, г-жа Ремюза заявляетъ, что 40,000 франковъ, ассигнуемыхъ на туалетъ императора, не могло хватать. Но указанная ею цифра неточна. Съ XI года по 1811 на туалетъ вносилось въ смѣту не болѣе 20,000 франковъ и съ той поры, какъ завѣдываніе гардеробомъ перешло къ другому лицу, эта сумма оказывалась вполнѣ достаточной. Но помимо дѣйствительной преданности Наполеону, это лицо, графъ Тюреннъ д'Эйнакъ, обладалъ и другими качествами, которыхъ не было у его предшественника: любовью къ порядку и бережливостью. Вдобавокъ онъ былъ и храбръ, что доказалъ во время походовъ, сдѣланныхъ имъ въ качествѣ ординарца; и при этомъ остроуменъ и не безъ свѣдѣній. Его разсказы доставляли удовольствіе императору, прозвавшему его за его англоманію „Milord Kinsester“. Обязанности его, въ качествѣ гордеробмейстера, были сильно упрощены Наполеономъ, который, уплачивая задолженныя суммы, велѣлъ въ тоже время составить, на основаніи существующихъ цѣнъ, подробную смѣту расходовъ и

сдѣлать инвентарь наличнымъ предметамъ. Онъ ввелъ порядокъ въ выпускъ своихъ вещей въ обращеніе, въ ихъ реставрированіе и заказы новыхъ, какъ если-бы онъ дѣлалъ это для одного изъ своихъ полковъ.

Окончивъ свой туалетъ и выходя изъ внутреннихъ покоевъ, Наполеонъ бралъ въ лѣвую руку треуголку, которую подавалъ ему главный камеръ-лакей. Черная касторовая шляпа эта, безо всякой каймы или галуна, украшенная лишь трехцвѣтною кокардой на черной шелковой петлицѣ, была издѣліемъ фирмы Пупаръ и Ко. и стоила 60 франковъ. Такихъ шляпъ требовалось по четыре въ годъ и онѣ должны были носиться по три года. Онѣ были просторны. изъ сравнительно мягкаго кастора, съ тульей, подбитой стеганымъ атласомъ. Шляпу все таки приходилось расширять, прежде чѣмъ надѣвалъ императоръ, голова котораго была чрезвычайно чувствительна. Треуголка эта была крайне неудобна, такъ какъ, пробывъ долгое время подъ дождемъ, касторъ размягчался и крылья шляпы спереди и сзади падали на лицо и плечи; тѣмъ не менѣе, Наполеонъ всегда оставался вѣренъ ей: она служила его отличительнымъ признакомъ и по ней его всюду можно было узнать. Постоянно носить ее онъ началъ лишь около 1802 года, приблизительно въ то время, когда Изабэ написалъ съ него, въ Маль-

мезонѣ портретъ во весь ростъ. Во времена консульства онъ надѣвалъ ее лишь въ походахъ и въ домашнемъ кругу. На церемоніяхъ на немъ была вышитая треуголка безъ перьевъ. При имперіи у него было повидимому намѣреніе носить каску изъ позолоченной мѣди; по крайней мѣрѣ, одна такая каска найдена въ его гардеробѣ. Одѣваясь въ статское платье, онъ употреблялъ круглую шляпу; можно, однако, съ увѣренностью сказать, что Наполеонъ надѣвалъ статское платье лишь для очень рѣдкихъ выходовъ инкогнито. Въ Тюльери у него не было другой шляпы, кромѣ его маленькой треуголки, но за то она была у него постоянно если не на головѣ, то въ рукахъ, даже когда онъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую. Онъ бралъ ее за переднее крыло и часто, во время разговора, трепалъ ее. Если онъ гнѣвался или дѣлалъ видъ, что гнѣвается, онъ бросалъ ее на полъ и толкалъ ногой.

Послѣ шляпы камеръ-лакей подавалъ ему платокъ, надушенный одеколономъ; платокъ этотъ Наполеонъ подносилъ къ губамъ, затѣмъ ко лбу и послѣ того слегка проводилъ имъ по вискамъ. Платокъ былъ изъ очень тонкаго батиста, намѣченный литерой „N“ подъ короной, какъ и все бѣлье, поставлявшееся г-жами Лоливъ и Бёври. На нѣкото-

рыхъ платкахъ была виньетка, отпечатанная въ нѣсколько красокъ. Эти платки стоили по 12 франковъ штука. Затѣмъ Наполеонъ бралъ лорнетку, бонбоньерку съ лакрицей и анисомъ и табакерку. Онъ никогда не выходилъ изъ комнаты, не положивъ въ карманы своего платья всѣхъ этихъ предметовъ. Привычка эта была такъ хорошо извѣстна слугамъ, что если онъ ни слова не говоря начиналъ шарить за столомъ въ одномъ изъ своихъ кармановъ, метръ-д'отель бросался за желаемымъ предметомъ и немедленно приносилъ его. „Однако, Дюнанъ, сказалъ ему однажды Наполеонъ, вы словно колдунъ: всегда знаете, что именно я забылъ“ — „Государь, отвѣчалъ Дюнанъ, я замѣтилъ, что ваше величество всегда кладете платокъ въ правый карманъ, а табакерку—въ лѣвый“.

Карманныя лорнетки, которыя изготовлялъ Леребуръ, знаменитый оптикъ на площади Понъ-Нёвъ, обыкновенно были позолоченныя, размѣромъ отъ 18 до 21 линіи, и стоили 180—220 франковъ. Хотя Наполеонъ былъ гораздо менѣе близорукъ, чѣмъ его братья Люсьенъ и Жеромъ, все же онъ не видѣлъ вдали и не только въ походѣ, но и въ обыденной жизни, въ Парижѣ, употреблялъ лорнетку или бинокль.

Маленькія, круглыя бонбоньерки его были хру-

стальныя или черепаховыя, оправленныя въ золото, иногда съ портретомъ матери или королевы Каролины. Лакрица была нарѣзана, или вѣрнѣе нарублена, чрезвычайно тонкими кусочками, чтобы они могли растворяться сразу, не окрашивая слюны и только придавая рту свой запахъ. Это было, въ сущности, единственнымъ лакомствомъ, которое Наполеонъ позволялъ себѣ, но и оно лишь замѣняло для него духи.

Табакерокъ у Наполеона было много и всякаго сорта: были между ними подарки папы, султана, императрицъ Жозефины и Маріи-Луизы, матери императора, его свояченицъ Екатерины и Юліи, сестры Каролины. Нѣкоторыя изъ принадлежавшихъ ему табакерокъ помѣчены первыми годами консульства, и онъ сохранялъ эти вещицы, такъ какъ съ каждою изъ нихъ была связана для него какая нибудь мысль, или воспоминаніе. Извѣстна табакерка, которую онъ употреблялъ, будучи въ Италіи, и на крышкѣ которой былъ портретъ Жозефины; извѣстенъ и тотъ суевѣрный страхъ, который объялъ его, когда онъ разбилъ у нея стекло. Въ мессидорѣ IV года онъ потерялъ эту табакерку и немедленно написалъ Жозефинѣ: „Прошу тебя, выбери мнѣ табакерку, довольно плоскую, и вели сдѣлать на крышкѣ хорошенькую надпись изъ твоихъ волосъ“.

Во всю жизнь онъ не употреблялъ роскошныхъ табакерокъ, украшенныхъ брилліантами, вырѣзанныхъ изъ рѣдкихъ камней или обдѣланныхъ дорогою рѣзьбой. Онъ предпочиталъ овальныя, узкія табакерки съ пружиной, черепаховыя или даже деревянныя, выложенныя внутри золотомъ и украшенныя камеями или античными медалями. Такъ, въ повседневномъ употребленіи у него были: овальная продолговатая табакерка, черепаховая снаружи и золотая внутри, украшенная четырьмя серебряными медалями, изображающими Регула, Силлу, Помпея и Юлія Цезаря; другая, также овальная, черепаховая, обдѣланная внутри золотомъ, съ медальономъ кисти Изабэ, изображающимъ римскаго короля; третья, полученная изъ Вѣны въ день свадьбы, носила изображеніе Маріи-Лупзы. Медальонами табакерки украшались не безъ цѣли: говорятъ, что Наполеонъ желалъ имѣть постоянно передъ глазами великихъ вождей народа служившихъ ему образцами: Александра, Петра Великаго и Карла XII, Карла V и Франциска I, Фридриха II, Августа, Цезаря и Тимолеона; затѣмъ основателей династій: Дмитрія Поліоркета, Антіоха, Митридата, Фраата II и Константина.

Овальныя табакерки имѣли то преимущество, что открывать ихъ можно было одной рукой, не те-

ряя времени, какъ при открываніи круглыхъ или квадратныхъ табакерокъ.

Табакъ былъ натертъ очень крупно, состоялъ изъ нѣсколькихъ различныхъ сортовъ и стоилъ у Ансеста или Робильяра отъ 3 франковъ до 3 франковъ 60 сантимовъ. Сохранялся онъ въ большомъ лакированномъ глиняномъ или оловянномъ горшкѣ, или же въ шкатулкахъ подъ замкомъ, который отворялся лишь главнымъ камердинеромъ. Предосторожность эта принималась съ тѣхъ поръ, какъ однажды, въ Мальмезонѣ, консулъ увидѣлъ на столѣ возлѣ себя табакерку, совершенно похожую на его собственную и наполненную отравленнымъ табакомъ. Поэтому заведенъ былъ обычай, чтобы никто не смѣлъ прикасаться къ его табаку, кромѣ Констана.

Однажды вечеромъ, въ то время, какъ императоръ выходилъ изъ-за стола, одинъ изъ камергеровъ замѣтилъ, что его табакерка пуста, и поспѣшилъ наполнить ее. Наполеонъ взялъ ее, открылъ, и выбросивъ въ огонь все содержимое, приказалъ метръ-д'отелю самому подать ему табакъ. Сдѣлано это было не изъ недовѣрія, а лишь въ видѣ напоминанія, что у всякаго есть свои обязанности въ домѣ, и что ему не нравится неумѣстное подслуживанье.

Наполеонъ расходовалъ много табаку, но нюхалъ его мало. Онъ бралъ большую щепотку и приближалъ ее къ ноздрямъ, не вдыхая, такъ что вся она просыпалась. Зачастую онъ просто водилъ открытую табакерку мимо своего носа. Его платки почти никогда не были запачканы. Въ такомъ родѣ была и его попытка курить табакъ. Не вдыхая нюхательнаго табака и удовлетворяясь однимъ ощущеніемъ его запаха, онъ думалъ и курить, не вдыхая дыма. Взявъ однажды раскуренную восточную трубку, онъ сунулъ янтарный мундштукъ себѣ въ ротъ, но тотчасъ закашлялся и началъ плевать, говоря: „Па! па! Уберите прочь это свинство!“ Съ тѣхъ поръ онъ и не пробовалъ курить. Чубуки изъ жасминоваго дерева, съ янтарными мундштуками, украшенными драгоцѣнными каменьями, которые онъ привезъ изъ Египта и нѣсколько дней спустя послѣ брюмера показывалъ Моро, въ улицѣ Побѣды, такъ и оставались въ гардеробной, гдѣ ихъ нашли въ августѣ 1814 года.

Повидимому Наполеонъ не имѣлъ обыкновенія носить часы. Если онъ и носилъ ихъ иногда, то мало заботился о нихъ и, раздѣваясь, швырялъ ихъ, какъ и всѣ остальныя вещи, которыя были на немъ. Сердясь или только желая выразить гнѣвъ,

онъ бросалъ часы на полъ съ такою же силой, какъ и шляпу; но часы были не такъ прочны и починять ихъ, поэтому, приходилось чаще.

Часы, находившіеся въ гардеробѣ императора II, по всей вѣроятности, служившіе ему, были съ репетиціей, безъ украшеній и вензеля, съ гладкимъ золотымъ корпусомъ и съ циферблатомъ подъ стекломъ. У него была также пара серебряныхъ съ боемъ. Поставщиками часовъ были Лепинъ, Бреге и Мюнье. Нѣкоторые изъ часовъ находились у Наполеона со времени итальянскаго похода, между прочимъ, тѣ, которые онъ отдалъ на о. Св. Елены оберъ-гофмаршалу со словами: „Возьмите ихъ, Бертранъ; на нихъ пробило два часа въ ту ночь въ Риволи, когда я отдалъ приказъ Жуберу идти въ атаку“.

Денегъ Наполеонъ никогда не носилъ при себѣ. Если внѣ дома ему приходилось подать кому-нибудь милостыню, то онъ обращался къ адъютанту, къ шталмейстеру или къ дежурному камергеру, смотря по тому, кто былъ подъ рукою.

Дома у него лежали въ одномъ изъ ящиковъ стола свертки золота, предназначавшіеся для мелкихъ выдачъ; если же требовалась крупная сумма, то онъ подписывалъ чекъ на имя главнаго казначея

или давалъ приказаніе секретарю уплатить изъ своей шкатулки.

Ровно въ девять часовъ туалетъ оканчивался и начинался оффиціальный день.

IV.

Выходъ.

Незадолго до девяти часовъ слышался легкій стукъ въ дверь. Стучался дежурный камергеръ, одѣтый въ красный шелковый камзолъ, шитый серебромъ, бѣлый жилетъ и бѣлые панталоны; надъ правымъ карманомъ камзола былъ прикрѣпленъ большой бантъ изъ зеленой ленты, съ золотой каймой и такими же кисточками, а на бантѣ былъ подвѣшенъ ключъ безъ язычка изъ того же металла, кольцо котораго изображало орла въ коронѣ надъ щиткомъ съ литерой „N“. Камергеръ этотъ, какъ и всѣ дежурные при дворѣ чины, гражданскіе и военные, всегда былъ въ мундирѣ. Императоръ не потерпѣлъ бы, чтобы кто-нибудь изъ этихъ лицъ пренебрегъ, подъ предлогомъ удобства, своими знаками отличія и явился въ гражданскомъ платьѣ. Но съ 1807 г. всѣ лица, не состоявшія на очередномъ дежурствѣ при дворѣ и приглашаемыя на какое-нибудь празднество, должны были непремѣнно

являться въ шелковомъ или бархатномъ фракѣ. Этимъ способомъ поощрялось развитіе ліонскихъ мануфактуръ. Дежурный камергеръ, одѣвавшійся во дворцѣ, гдѣ ему была отведена комната, прежде всего осматривалъ, все-ли въ исправности въ императорскихъ покояхъ, и на своихъ-ли мѣстахъ всѣ служащіе при нихъ, и въ свое время подходилъ къ двери спальни императора и тихо стучался. Камеръ-лакей, по приказанію императора, вводилъ его и онъ подавалъ списокъ лицъ, дожидавшихся выхода. Удалившись, онъ проходилъ черезъ залу, у каждой двери которой стояло по два пристава во фракахъ изъ зеленаго сукна съ золотымъ шитьемъ на рукавѣ и обшлагахъ, въ красномъ жилетѣ и черныхъ брюкахъ, и возвращался въ залу дежурныхъ, гдѣ уже находились въ сборѣ дежурные придворные чины.

Въ числѣ ихъ были: оберъ-камергеръ, мундиръ котораго отличался отъ мундира камергера только большимъ богатствомъ шитья и большими размѣрами ключа; второй дежурный камергеръ, на обязанности котораго лежалъ присмотръ за пріемными аппартаментами, оберъ-шталмейстеръ и шталмейстеръ въ свѣтло-голубыхъ мундирахъ; оберъ церемоніймейстеръ и церемоніймейстеръ — въ фіолетовыхъ; съ такимъ же ключомъ, какъ у оберъ-камер-

гера; оберъ-егермейстеръ и егермейстеръ,—въ зеленыхъ; дворцовый комендантъ (гофмаршалъ, присутствовавшій при туалетѣ) — въ амарантовомъ; придворный духовникъ и его дежурный помощникъ въ рясахъ, соотвѣтствующихъ ихъ духовному званію; генералъ-интендантъ, коронный казначей и дежурный генералъ-маіоръ въ мундирѣ того полка, которымъ онъ командовалъ: гренадерскомъ, егерскомъ или артиллерійскомъ (съ аксельбантомъ, отличительнымъ признакомъ гвардіи, который носили и флигель-адъютанты на своемъ полковничьемъ или генеральскомъ мундирѣ).

Ровно въ девять часовъ императоръ выходилъ изъ своихъ внутреннихъ аппартаментовъ. Если онъ былъ готовъ раньше, то ждалъ, пока не пробьетъ девяти часовъ. Одновременно съ его выходомъ дежурный камергеръ вводилъ въ залу весь придворный штатъ. Обыкновенно аудіенція была краткой, почти молчаливой, и ограничивалась раздачей императоромъ необходимыхъ приказаній. Исключеніе составляли только тѣ случаи, когда Наполеону надо было пустить какой-нибудь слухъ, дать огласку своему мнѣнію о чемъ-нибудь, или, говоря съ присутствующими, сдѣлать косвенное внушеніе отсутствующимъ; или же, когда римскія дѣла требовали его вниманія,— поговорить объ этимъ съ придворнымъ духовникомъ,

аббатомъ де Прадтъ, если тотъ присутствовалъ на выходѣ. Случалось также, что императоръ распекалъ кого-нибудь изъ высшихъ чиновъ двора, цѣлясь черезъ его голову въ цѣлый классъ людей или въ цѣлое учрежденіе. Такъ оберъ-церемоніймейстеру Сегюру или генералъ-интенданту Дарю, которые оба принадлежали къ французской академіи, нерѣдко приходилось отвѣчать за нее, впрочемъ не принимая на свой счетъ замѣчаній императора, подчасъ очень рѣзкихъ. Онъ хорошо зналъ, что требуемый эффектъ будетъ достигнутъ, какъ скоро въ Парижѣ заговорятъ о томъ, что̀ онъ сказалъ на выходѣ.

За исключеніемъ этихъ случаевъ, выходъ имѣлъ характеръ скорѣе раздачи приказовъ, чѣмъ аудіенціи. Все въ немъ было холодно и точно, какъ военная дисциплина. Никакихъ анекдотовъ или шутокъ, ни малѣйшей тѣни фамильярности, никакихъ попытокъ войти въ милость. Люди являлись сюда не на поклонъ, а просто, чтобы отдать отчеты и принять приказанія. Поэтому Наполеонъ и требовалъ, чтобы надлежащіе чины аккуратно являлись на выходъ. Опаздывавшимъ прощалось за находчивое словцо, вродѣ сказаннаго однажды Сегюромъ въ 1809 г.: „На улицахъ нѣтъ проѣзда; я попалъ въ веренницу королей“.

Штатъ отпускался короткимъ поклономъ и ка-

мергеръ вводилъ лицъ, явившихся на *большой выходъ*. Честью этой пользовались такія лица, какъ принцы императорскаго дома и принцы имперіи, кардиналы, высшіе чины имперіи, чины штата императрицы, принцы и принцессы, президенты высшихъ государственныхъ учрежденій и высшіе чины парижскаго муниципалитета. Всѣ они выходили изъ экипажа у подъѣзда павильона Флоры, такъ какъ экипажи въѣзжали во дворъ. Гости, встрѣчаемые у внутренняго входа привратникомъ, поднимались по ступенямъ на площадку, гдѣ часовой отдавалъ имъ честь аллебардой, смотря по ихъ рангу. Они проходили залу Тѣлохранителей, только что украшенную Фонтеномъ и Персье, съ великолѣпно расписаннымъ плафономъ, на которомъ былъ изображенъ Марсъ на своей боевой колесницѣ. Пажи, сидѣвшіе на диванахъ, прежде просто обитыхъ утрехтскимъ бархатомъ, а теперь коврами съ фабрикъ Савонри, поднимались съ мѣстъ съ приближеніемъ гостей, приставъ распахивалъ двери залы дежурныхъ, и прибывшіе располагались въ ней въ ожиданіи пріема ихъ императоромъ.

Имъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ обмѣниваться незначительными фразами. Даже глядѣть было не на что. Кромѣ позолоченныхъ стульевъ и табуретовъ, обитыхъ тканью Бовэ, и подзо-

ровъ изъ той же ткани—драпировка также имѣла свою іерархію: гобелены у императора, Бовэ—въ пріемной, Савонри у пажей — все убранство оставалось такимъ же, какъ и при Людовикѣ XIV; тотъ же портретъ Маріи-Терезіи въ видѣ Минервы на плафонѣ работы Нокре; тѣ же плохіе почернѣвшіе пейзажи на стѣнахъ. Общій видъ былъ тусклый; свѣта было мало въ этихъ аппартаментахъ. Вспоминался отвѣтъ перваго консула Редереру, сказавшему: «Это невесело, генералъ».—«Да, невесело, какъ величіе».

Каждый былъ въ костюмѣ, присвоенномъ его сану, въ мундирѣ, отвѣчающемъ чину или должности, со всѣми своими орденами, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Принцы императорскаго дома, въ другихъ странахъ—короли, являлись не иначе, какъ въ костюмѣ французскихъ принцевъ; Камбасересъ—въ полной фіолетовой формѣ архиканцлера, Лебрёнъ — въ черномъ мундирѣ главнаго казначея; вице-великій курфирстъ, Талейранъ, въ пунцовомъ мундирѣ, замѣнившемъ красный, оберъ-камергерскій. Всѣ имѣли при себѣ шпагу съ эфесомъ въ видѣ орла съ распущенными крыльями, съ рукояткой изъ желобчатаго перламутра и съ головкой въ формѣ двухъ львиныхъ головъ. Министры, сенаторы, депутаты, народные трибуны, префекты, генералы были

въ синихъ мундирахъ съ различнымъ шитьемъ; чины двора императрицы и принцевъ—въ мундирахъ различныхъ тоновъ, соотвѣтственно занимаемой ими должности. Все это представляло великолѣпную картину, разнообразіе которой дополнялось въ иные дни принцами рейнской конфедераціи въ мундирахъ ихъ полковъ.

Камергеръ вводилъ привилегированныхъ по вызову, соотвѣтственно іерархическому порядку, въ салонъ императора. Въ этомъ салонѣ стояло шесть позолоченныхъ креселъ и двѣнадцать стульевъ, обитыхъ гобеленами; оконныя гардины и портьеры были изъ той же ткани; на плафонѣ—торжество Минервы, опять таки съ чертами Маріи-Терезіи. Вошедшіе располагались кругомъ и Наполеонъ обходилъ его, разговаривая почти съ каждымъ. Онъ любилъ, чтобы на выходѣ его было людно, и былъ недоволенъ, когда кто-нибудь манкировалъ. Многіе, благодаря своему постоянному присутствію на этихъ утреннихъ церемоніяхъ, избѣгали подозрѣній, къ которымъ давало поводъ ихъ поведеніе. Талейранъ, даже въ дни наибольшей немилости къ нему императора, пріѣзжалъ первымъ и уѣзжалъ послѣднимъ. Выдержавъ первый толчокъ и видя, что его не арестуютъ и не разстрѣливаютъ, онъ продолжалъ являться каждое утро. Императоръ не говорилъ съ

Завтракъ.

нимъ, придворные чуждались его, вокругъ него была пустота, но онъ оставался, сохранялъ невозмутимый видъ и выжидалъ, разсчитывая на незлопамятность Наполеона. И впослѣдствіи оказалось, что онъ не ошибся.

Императоръ разговаривалъ однако не столько съ придворными чинами и министрами, съ которыми ему предстояло еще работать въ теченіе дня, сколько съ людьми, которыхъ не привыкли видѣть при дворѣ: съ генералами и должностными лицами, вызванными на выходъ черезъ дежурнаго камергера, для полученія отъ нихъ какихъ либо свѣдѣній.

Когда ему нужно было задать головомойку кому-нибудь изъ министровъ, онъ нисколько не стѣснялся присутствіемъ толпы постороннихъ, но въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, онъ говорилъ о дѣлахъ и не тратилъ времени на пустяки. Всѣ разговоры вертѣлись на администраціи и на политикѣ, и никогда не вдавались въ область свѣтскихъ сплетень или въ планы увеселеній. Вопросы, задаваемые императоромъ, часто ставили людей въ тупикъ своею точностью и опредѣленностью, и требовали такого же яснаго и опредѣленнаго отвѣта, или точной цифры, или возможно болѣе сжатаго объясненія. Вопросы его имѣли характеръ судебнаго допроса, и никакой протоколистъ не записалъ бы

отвѣтовъ такъ точно, какъ они запечатлѣвались въ его памяти. Онъ съ неусыпнымъ вниманіемъ обнималъ мыслью всю имперію и всю Европу, и это давалось ему такъ легко, какъ если бы то была община съ тысячью душами жителей; безъ всякой подготовки, не справляясь ни съ какими замѣтками, переходилъ онъ съ Шельды на Дунай, изъ Наполеонвилля въ Эрфуртъ, и мысль его всюду присутствовала, надъ всѣмъ господствовала безъ колебаній, безъ запинокъ, выжимая изъ человѣка всѣ нужные для его цѣлей факты. Зрѣлище это, представляемое имъ каждое утро, все болѣе и болѣе отучало присутствовавшихъ отъ самостоятельной мысли, такъ какъ онъ брался думать за всѣхъ.

Тѣмъ не менѣе и большой выходъ длился недолго. Императоръ не вдавался въ праздные разговоры; если ему нужно было основательно изучить какой-нибудь вопросъ, или кто-нибудь изъ должностныхъ лицъ имѣлъ изложить ему какія-нибудь сомнѣнія, то это дѣлалось въ частной аудіенціи.

Частныя аудіенціи наступали послѣ того, какъ императоръ отпускалъ поклономъ общество, присутствовавшее на большомъ выходѣ, и происходили въ той же самой залѣ, такъ какъ, повторяемъ, въ кабинетъ императора никто не допускался. Принимались сначала тѣ лица, которыя, на большомъ

выходѣ, заявили о своемъ желаніи поговорить съ императоромъ. Затѣмъ всѣ тѣ, кто ходатайствовалъ о пріемѣ ихъ въ частной аудіенціи и получилъ согласіе на это. У дежурнаго камергера находился въ рукахъ списокъ такихъ лицъ, отъ котораго онъ никогда не отступалъ, такъ какъ передъ императоромъ лежалъ дубликатъ этого списка, и онъ не допускалъ фаворитизма. Но находились глупцы вродѣ, напримѣръ, Ремюза. Однажды, въ Сенъ-Клу, полицейскій префектъ Дюбуа, садясь въ карету во дворѣ замка по выходѣ съ аудіенціи, услышалъ, что императоръ зоветъ его съ балкона вернуться, забывъ дать ему какое-то важное приказаніе. Дюбуа поспѣшно вернулся въ залу дежурныхъ, но находившійся тамъ дежурный камергеръ Ремюза отказался впустить его къ императору. Тщетно Дюбуа объяснялъ, кипятился,—Ремюза не хотѣлъ ничего слушать, ссылаясь на установленныя правила. Тѣмъ временемъ Наполеонъ ждалъ, удивлялся и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, отворилъ дверь и засталъ Дюбуа въ жаркомъ спорѣ съ упрямымъ камергеромъ. Говорятъ, у императора вырвался нелестный для ума Ремюза эпитетъ; но не заслуживалъ ли онъ другого? Дѣло шло о Фуше, пріятелѣ г-жи Ремюза, только что помирившей его съ другимъ своимъ пріятелемъ, Талейраномъ: понятно, что старшій камергеръ не

могъ желать, чтобы мѣры, предписанныя императоромъ противъ его сообщника, были усилены.

Едва ли въ этихъ аудіенціяхъ, всегда очень краткихъ, обсуждались какія-нибудь общегосударственныя дѣла, за исключеніемъ совѣщаній съ министрами и должностными лицами, удержанными на большомъ выходѣ. Почти всегда аудіенціи домогались лица, желавшія подать частное прошеніе, и Наполеонъ всегда зналъ напередъ въ чемъ дѣло, и принималъ просителя въ частной аудіенціи лишь въ томъ случаѣ, если намѣревался удовлетворить его просьбу. Однако ему было пріятно иногда показать всѣмъ, что даже худшіе враги его дожидаются въ его прихожихъ въ просительной позѣ, и онъ умышленно заставлялъ ихъ ждать своего благосклоннаго вниманія; онъ хотѣлъ всѣмъ показать, что если иной заговорщикъ былъ помилованъ, иной узникъ освобожденъ, иной ссыльный возвращенъ, то это было достигнуто только просьбами, и онъ надѣялся, что констатированное присутствіе въ его дворцѣ члена опальной фамиліи заставитъ ея союзниковъ быть осторожнѣе на словахъ.

Многіе удивились-бы, пробѣжавъ полный списокъ лицъ, добившихся аудіенціи у императора, а потомъ и милостей. За исключеніемъ принцевъ Бурбонскаго дома—изъ которыхъ, впрочемъ, иные

также получали крупныя пособія, или постоянныя субсидіи — большая часть старинныхъ дворянскихъ фамилій была обязана милости императора своими землями, которыми они пользуются до сихъ поръ. Отчасти возвращеніе этихъ богатствъ оправдывалось военными заслугами, но въ большинствѣ случаевъ они раздавались въ поощреніе за придворныя услуги. и всегда по прошенію.

Наполеонъ принималъ стоя передъ каминомъ, въ которомъ только въ позднее время года разводился довольно большой огонь, который онъ часто поправлялъ своимъ каблукомъ. Его ясные, измѣнчивые голубые глаза, подчасъ, когда онъ сосредоточивалъ на чемъ нибудь свое вниманіе, почти черные, а въ другія минуты, когда онъ волновался или сердился, сѣрые, какъ сталь, и блестящіе, какъ растопленный металлъ, пристально останавливались на лицѣ говорящаго съ нимъ, котораго онъ обыкновенно выслушивалъ до конца. Потомъ онъ дѣлалъ отрывистые вопросы, иногда, когда онъ говорилъ съ женщиной. даже не совсѣмъ вѣжливые. Онъ никогда не могъ выучиться разговаривать съ дамами и принималъ ихъ неохотно; иныя обижались и отвѣчали съ горечью, но императора это только забавляло и онъ не сердился. Рѣдко случалось, чтобы женщина не уносила изъ его пріемной, вмѣстѣ съ милостью, за

которою она являлась, и нѣкоторую досаду на даровавшаго эту милость. Изъ мужчинъ иные по выходѣ съ аудіенціи уносили въ сердцѣ преданность Наполеону, но такіе были рѣдки. Просьбы о субсидіяхъ были также часты, какъ и просьбы о помилованіи, или о возстановленіи въ правахъ. И онъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворялъ ихъ; иногда онъ давалъ деньги въ ссуду, которая вписывалась въ счеты генералъ-интенданта. Но это дѣлалось просто для порядка: кредиторъ никогда не требовалъ возвращенія долга. Чаще всего—если субсидіи просила женщина—онъ посылалъ ей на свадьбу или на крестины корзинку съ какимъ нибудь подаркомъ или съ конфектами, и клалъ на дно банковый билетъ. Но были и такіе кредиторы, которыхъ онъ не упускалъ изъ вида и приказывалъ вносить въ запись ихъ имена до 1815 г.

Если просимая сумма была значительна, онъ набрасывалъ чекъ на государственное казначейство; если же не очень значительна, онъ бралъ свертокъ золота изъ своего ящика, или приказывалъ своему секретарю выдать деньги изъ его собственной казны. Онъ не любилъ, когда его благодарили за эти милости даже приближенные, которыхъ онъ осыпалъ своими щедротами безъ всякой просьбы съ ихъ стороны. Онъ, или посылалъ имъ извѣщеніе о дарованной

наградѣ, или же попросту совалъ имъ въ руку клочекъ бумаги съ цифрой—обыкновенно крупной цифрой пожалованной суммы, которую они могли получить у Эстева.

Во время аудіенцій императоръ не снисходилъ ни до какихъ фамильярностей и держалъ себя на высотѣ своего сана. Онъ давалъ знать, что аудіенція кончилась кивкомъ головы, или взглядомъ на лежавшій на столѣ списокъ дожидавшихся очереди лицъ. Руки онъ никому не протягивалъ. Въ прошломъ вѣкѣ рукопожатіе считалось знакомъ равенства и не допускалось между начальствомъ и подчиненными; цѣлованіе руки, возстановленное Бурбонами, Наполеонъ находилъ нѣсколько унизительнымъ. Поэтому онъ воздерживался отъ этихъ внѣшнихъ знаковъ благорасположенія, которые впослѣдствіи такъ расточались, что потеряли цѣну. Одинъ только разъ онъ, повидимому, не выдержалъ: это было въ 1815 г., въ началѣ ста дней, когда къ нему вошелъ Моле. Наполеонъ пошелъ къ нему навстрѣчу, протянулъ ему руку и обнялъ его. Онъ доказалъ этому Моле свое довѣріе и расположеніе, назначивъ его, въ 29 лѣтъ, членомъ государственнаго совѣта и главнымъ дпректоромъ путей сообщеній; а въ 33 года—министромъ юстиціи и кандидатомъ на должность Камбасереса, архи-канцлера и высшаго сановника

государства. Это было чуть-ли не единственный разъ, когда Наполеонъ, въ своемъ дворцѣ, отложилъ свое императорское достоинство. „Въ противномъ случаѣ, — говаривалъ онъ, — его стали бы хлопать по плечу“.

V.

Завтракъ.

Въ половинѣ десятаго выходъ и аудіенціи должны были кончаться, такъ какъ это былъ часъ завтрака, но часто послѣднія длились до одиннадцати часовъ. Дворцовый префектъ ждалъ; завтракъ стылъ. Противъ отравы не принималось никакихъ предосторожностей. Въ уставѣ придворныхъ службъ, правда, стояло, что кушанья, хлѣбъ, вода и вино должны быть приносимы покрытыми и возлѣ накрытаго стола долженъ неотступно дежурить метръ-д'отель; но нельзя же было ставить накрытый столъ — маленькій столикъ изъ краснаго дерева — въ той комнатѣ, гдѣ давались аудіенціи, а потому завтракъ на серебряныхъ тарелкахъ подъ колпаками съ императорскимъ орломъ грѣлся на посудѣ съ горячей водой, обновляемой по мѣрѣ остыванія, въ углу прихожей внутреннихъ апартаментовъ, пока императоръ не приказывалъ подать его. Столикъ проворно накрывался, и дворцовый префектъ въ пыш-

номъ амарантовомъ мундирѣ съ серебрянымъ шитьемъ, предшествовалъ императору, а потомъ стоялъ возлѣ стола, за которымъ прислуживалъ метръ-д'отель Гинье, онъ же Дюнанъ.

Этотъ Гинье происходилъ изъ семьи, всѣ члены которой служили королямъ и принцамъ Бурбонскаго дома. Одинъ изъ нихъ еще оставался камердинеромъ Людовика XVIII; одна изъ женщинъ служила при хранилищѣ бѣлья Маріи-Антуанеты. Самъ Гинье-Дюнанъ былъ сынъ повара принца Конде и, выучившись своему ремеслу въ Бурбонскомъ дворцѣ, поступилъ главнымъ смотрителемъ дорожныхъ вещей къ герцогу Бурбонскому, послѣдовалъ за нимъ въ изгнаніе и сдѣлался его поваромъ. Когда ему наскучили переѣзды съ арміей Конде, онъ поступилъ къ принцу Луи-де-Роганъ, потомъ добился разрѣшенія вернуться въ Парижъ и былъ принятъ въ домъ перваго консула въ качествѣ метръ-д'отеля, послѣ того какъ Леклеръ сдѣлался кастеляномъ версальскаго дворца. Дюнанъ получалъ по 6,000 фр. въ годъ, не считая частыхъ наградъ, самая крупная изъ которыхъ, въ 3,000 фр., была пожалована ему въ 1810 г. Онъ не первый съ такимъ роялистскимъ прошлымъ служилъ имперіи. Большая часть начальниковъ различныхъ придворныхъ службъ, приставовъ, берейторовъ, выросла при старомъ дворѣ,

и любопытно находить одни и тѣ же имена въ домашнихъ штатахъ претендента въ Гартвелѣ и императора въ Тюльери.

Метръ-д'отель, въ зеленомъ мундирѣ съ серебрянымъ шитьемъ (стоившимъ 500 фр.), въ бѣломъ жилетѣ, черныхъ брюкахъ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, представлялъ наканунѣ меню обѣда контролирующему метръ-д'отелю, который обсуждалъ его въ бюро контроля, потомъ представлялъ дежурному дворцовому префекту и дѣлалъ послѣ того заказы патентованнымъ и присяжнымъ придворнымъ поставщикамъ. Товары представлялись упакованными въ бюро контроля извѣстными ему приказчиками; тамъ они взвѣшивались, изслѣдовались и размѣривались помощникомъ контролера, а затѣмъ сдавались метръ-д'отелю, который лично наблюдалъ за изготовленіемъ блюдъ.

Но меню завтрака, по приказанію императора, всегда было ограниченнымъ и не давало случая Дюнану блеснуть своею изобрѣтательностью. Въ 1810 г. завтракъ состоялъ изъ супа, трехъ горячихъ блюдъ, двухъ блюдъ пирожнаго, двухъ на дессертъ, чашки кофе съ маленькими булками и бутылки шамбертена. Впослѣдствіи завтракъ былъ сокращенъ до двухъ суповъ, жаркого, пирожнаго, двухъ блюдъ

закуски, четырехъ блюдъ десерта (компота, фруктовъ, сыра и сластей) и кофе.

Впрочемъ, такой обильный завтракъ только подавался императору, Ѣлъ же онъ лишь нѣкоторыя изъ этихъ блюдъ, не прикасаясь къ остальнымъ. Ѣлъ онъ очень быстро и несовсѣмъ опрятно; онъ нерѣдко бралъ съ тарелки рукой, сильно загрязнялъ свое платье и не подчинялся никакому порядку: переходилъ отъ пирожнаго къ закускѣ, потомъ возвращался къ жаркому, совсѣмъ не соблюдая общепринятыхъ правилъ, и глоталъ большіе плохо пережеванные куски, лишь бы поскорѣе кончить. Завтракъ длился не долѣе семи-восьми минутъ. Охотнѣе всего онъ Ѣлъ цыплятъ подъ всякими соусами: жареныхъ по провансальски—только безъ лука, котораго онъ не выносилъ,—по итальянски, по татарски, à la Маренго, въ видѣ фрикассе и т. д. Онъ очень любилъ всякаго рода пирожное: съ битыми яйцами или сливками, или такъ называемыя „bouchées à la reine“, или миланскіе пирожки. Любилъ онъ также колбасу à la Ришелье, клецки изъ живности, но больше всего макароны по-итальянски съ пармезаномъ. Изъ рыбъ онъ предпочиталъ барвену, ловимую въ Средиземномъ морѣ; эта рыба была его лакомствомъ. По возвращеніи изъ Египта, на столѣ его долго неизмѣнно являлись пилавъ и

финики, на это была прихоть скорѣе его воображенія, чѣмъ аппетита, точно такъ же, какъ ему казалось одно время, что онъ предпочитаетъ солдатскую похлебку всякимъ утонченнымъ супамъ, а картофель, бобы и чечевицу—всѣмъ овощамъ.

Придворные слуги не одобряли его вкусовъ, такъ какъ въ ту пору у французской кухни были еще свои традиціи, метръ-д'отели имѣли свою амбицію, и составъ меню считался дѣломъ важнымъ, способнымъ прославить или опозорить составителя.

Поэтому, когда императоръ спрашивалъ Дюнана, отчего онъ никогда не подаетъ ему свиныхъ сосисокъ, тотъ отвѣчалъ, что онѣ неперевариы для желудка, хотя въ сущности онъ не подавалъ ихъ—какъ онъ самъ объясняетъ — потому, что находилъ это блюдо „слишкомъ негастрономическимъ и неспособнымъ поощрять императорскихъ поваровъ". На другой день онъ подалъ сосиски изъ тетеревовъ; императоръ нашелъ ихъ превосходными и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ Въ отношеніи стола, какъ и своего гардероба, Наполеонъ похвалялся, что ему „хватало бы капитанскаго жалованья", а между тѣмъ, онъ по три раза въ сутки мѣнялъ свое бѣлье и платье.

Будучи крайне брезгливъ, онъ никогда не ѣлъ зеленыхъ турецкихъ бобовъ изъ боязни найти въ

нихъ нити, напоминавшія ему волосы; а его тошнило при одной мысли о волосѣ въ кушаньи. Между тѣмъ въ Шербургѣ, въ маѣ 1811 г., когда ему вздумалось отвѣдать солдатской пищи и онъ, остановившись у караульнаго поста на плотинѣ, приказалъ подать себѣ солдатской похлебки и хлѣба,— первое, что ему попалось въ этой похлебкѣ, былъ длинный волосъ. Не взирая на тошноту, онъ вытащилъ волосъ и отвѣдалъ похлебки; но тогда на него глядѣли солдаты.

Изъ жаркого онъ ѣлъ лишь наилучше прожаренную темную часть, и не могъ видѣть кровяного мяса.

На завтракъ всѣ блюда подавались разомъ и императоръ самъ снималъ съ нихъ колпаки. Тѣ блюда, которыя не нравились ему, тотчасъ уносились. Если же кушанья слишкомъ нравились ему, онъ ворчалъ на метръ-д'отеля:— „Вы даете мнѣ слишкомъ много ѣсть. Я не люблю этого; это вредно. Я не желаю, чтобы мнѣ подавали болѣе двухъ блюдъ".

Случались и капризы, доходившіе до вспышекъ гнѣва. Такъ, когда Дюнанъ, убѣдившись, что сосиски изъ тетеревовъ понравились императору, снова внесъ ихъ черезъ мѣсяцъ въ обѣденную карту, императоръ поднялъ съ этого блюда колпакъ, разгнѣвался, толкнулъ столъ, опрокинулъ его на коверъ

и ушелъ въ свой кабинетъ. Стольники поспѣшили поднять упавшее, и Дюнанъ, какъ истый потомокъ Вателя, побѣжалъ къ гофмаршалу, чтобы подать ему просьбу объ отставкѣ. Но Дюрокъ утѣшилъ его, ободрилъ и посовѣтовалъ приготовить другой завтракъ. Императоръ дѣйствительно потребовалъ его. Завтракъ былъ поданъ Рустамомъ. Наполеонъ спросилъ, гдѣ метръ-д'отель. Когда тотъ вошелъ, разобиженный, и подалъ жаренаго цыпленка, императоръ похвалилъ блюдо и потрепалъ метръ-д'отеля по щекѣ, говоря: „Ахъ! Дюнанъ, право вы счастливѣе на вашемъ постѣ метръ-д'отеля, чѣмъ я на императорскомъ". У него были пріемы, имѣвшіе характеръ извиненія даже передъ метръ-д'отелемъ или камердинеромъ послѣ короткихъ вспышекъ, или, вѣрнѣе, нетерпѣливыхъ порывовъ, проистекавшихъ отъ причинъ, совершенно чуждыхъ вызвавшему ихъ предмету.

Пилъ императоръ только шамбертенъ, сильно разведенный водой. Виннаго погреба не имѣлось ни въ Тюльери, ни въ другихъ дворцахъ. Вина поставлялись негоціантами Супе и Пьеррюгъ, въ улицѣ Сентъ-Оноре, № 338, обязавшимися поставлять требуемое количество не только въ Парижѣ и въ другихъ дворцахъ, но также и въ походахъ. Съ этой цѣлью одинъ изъ нихъ посто-

янно сопровождалъ главную квартиру. Вина и ликеры всегда поставлялись въ одинаковыхъ бутылкахъ севрской фабрикаціи, и были отмѣчены буквой „N“ подъ короной. Дворъ платилъ только за выпитыя бутылки.

Шамбертенское пяти-или шестилѣтнее вино, которое пилъ императоръ, стоило по шести франковъ бутылка, равно какъ и вина Романѐ, Кло-де-Вужо и Монраше такихъ же лѣтъ, и десяти-или двѣнадцатилѣтній лафитъ. Императоръ такъ привыкъ къ шамбертену, что съ трудомъ пріучился на о-вѣ Св. Елены пить кларетъ, и это лишеніе было однимъ изъ его мелкихъ страданій въ изгнаніи. Съ самаго египетскаго похода онъ пилъ только шамбертенъ, онъ самъ засвидѣтельствовалъ это: послѣ побѣды при Эльхингенѣ, когда онъ ночевалъ въ Оберъ-Фальгеймѣ, весь его багажъ, въ томъ числѣ и бутылки шамбертена, оказался украденнымъ, и Наполеонъ весело замѣтилъ, что онъ „никогда не терпѣлъ недостатка въ этомъ винѣ, даже среди египетскихъ пустынь“. Страсть къ шамбертену была его единственною страстью по этой части, да и то онъ предавался ей умѣренно, никогда не выпивая за разъ даже и полу-бутылки. За завтракомъ не подавалось никакого другого вина, послѣ завтрака — никакихъ ликеровъ.

Утренній кофе.

Столовый сервизъ состоялъ изъ серебряной чеканной посуды съ императорскимъ гербомъ. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ предметахъ, оставшихся отъ временъ консульства, была вырѣзана просто литера „В“. За исключеніемъ колпаковъ, обыкновенно съ орлами, ежедневно употреблявшаяся серебряная посуда была очень простой и самой обыкновенной формы. Солонки, напримѣръ, имѣли форму раковинъ или лебедей; судки—форму лебедей, кадуцей, женскихъ головокъ или пилястровъ. Вызолоченными были только лопаточки солонокъ, все остальное было изъ серебра. На вызолоченной посудѣ обѣдъ сервировался только по воскресеньямъ или при торжественныхъ случаяхъ, тогда какъ принцессамъ постоянно служила серебряная посуда съ позолотой.

Однако, въ серебрѣ не было недостатка: съ самаго египетскаго похода генералъ Бонапартъ имѣлъ къ своимъ услугамъ очень легкую и удобную для путешествій серебряную посуду, послужившую впослѣдствіи образцомъ для охотничьей, но отъ этой посуды уцѣлѣло лишь нѣсколько предметовъ послѣ того какъ весь багажъ генерала Бонапарта былъ украденъ между Фрежю и Э. Въ началѣ консульства приходилось довольствоваться малымъ и семья обзаводилась вещами постепенно. Въ сервизѣ, купленномъ у Біеннэ въ X году, не

хватало крупныхъ предметовъ, и во время большихъ обѣдовъ приходилось брать ихъ на прокатъ. Что касается фаянсовой посуды, бѣлой съ золотомъ и съ золотой литерой „B“, то она была куплена у Сежурнана и стоила 23,463 фр., включая чашки и блюдечки съ лавровыми гирляндами и хрустальные графины и стаканы также съ литерой „B“. Хозяйство постепенно расширялось и въ XIII г. у императора было. кромѣ великолѣпнаго серебрянаго вызолоченнаго сервиза, поднесеннаго ему въ день коронаціи городомъ Парижемъ, еще другой вызолоченный сервизъ на 24 куверта, совершенно новый, помѣченный литерой „B“. Къ этому сервизу принадлежали: девяносто шесть блюдъ для закуски, столько же для горячихъ кушаньевъ, тридцать два для жареннаго и соотвѣтственное число другихъ, но для дессерта у него были только вызолоченные приборы. Для украшенія стола пришлось взять изъ кладовой группу Аполлона, правящаго четырьмя конями Солнца, дополняемую въ иныхъ случаяхъ Геркулесами, исполняющими различныя работы. Въ 1806 г., серебряная посуда Наполеона, дополненная новыми покупками, вѣсила уже 24,449 гектограммъ, и въ 1811, окончательно укомплектованная, она уже оцѣнивалась въ однихъ французскихъ дворцахъ въ 2.193,301 фр. 48 сантимовъ, не счи-

тая находившейся въ Тосканѣ, Римѣ и Голландіи, оцѣнивавшейся въ 843,791 фр. 74 сант.

Завтракалъ Наполеонъ всегда одинъ, за исключеніемъ очень короткаго періода времени между его вторымъ бракомъ и родами императрицы. Жозефина никогда не завтракала съ нимъ, а послѣ рожденія короля, императоръ вернулся къ привычному одиночеству, которое онъ находилъ болѣе удобнымъ для себя. Со времени рожденія его сына, гувернанткѣ „дѣтей Франціи“, г-жѣ Монтескіу, было отдано приказаніе приводить его каждый день къ императору во время завтрака. Онъ сажалъ его къ себѣ на колѣни, давалъ ему отвѣдать воды, подкрашенной виномъ, клалъ ему на губы немного соуса или сиропа, какой случался подъ рукой. Г-жа Монтескіу ужасалась, а императоръ хохоталъ — только въ присутствіи сына и съ сыномъ онъ и предавался такой шумной веселости, — и царственное дитя смѣялось вмѣстѣ съ отцемъ. Нерѣдко присутствовала при этомъ и Марія-Луиза, также забавлявшаяся этими сценами.

У императора онѣ вошли въ обыкновеніе; онъ издавна любилъ, чтобы къ нему приводили во время завтрака его племянниковъ. На извѣстномъ портретѣ работы Дюси, онъ велѣлъ изобразить себя окруженнымъ всѣми дѣтьми своей фамиліи, играю-

щими вокругъ него, пока онъ завтракаетъ. Правда это было въ Сенъ-Клу, но и въ 1809 г., когда баронъ Лежень пріѣхалъ, 27-го февраля, изъ Испаніи съ извѣстіемъ о взятіи Сарагоссы, онъ засталъ императора въ Тюльери, сидящимъ за маленькимъ столикомъ съ хорошенькимъ трехлѣтнимъ мальчикомъ на колѣняхъ. Оба завтракали одной вилкой и, во время разговора съ барономъ, Наполеонъ часто ласкалъ ребенка, старшаго сына брата его Людовика. Когда, послѣ завтрака, императоръ взялся за свой кофе, ребенокъ потянулся рученками къ чашкѣ, но отвѣдавъ горькой жидкости, съ гримасой оттолкнулъ чашку. Императоръ засмѣялся и сказалъ мальчику: „Твое воспитаніе еще не кончено: ты не умѣешь притворяться“.

Случалось, что онъ дразнилъ ребенка и тотъ сердился. Однажды, имѣя возлѣ себя обоихъ сыновей Людовика, онъ заставилъ старшаго отвернуться и отнялъ у него яйцо въ смятку, которое тотъ ѣлъ. Трехлѣтній ребенокъ схватилъ ножикъ и закричалъ: „Отдай мое яйцо, или я тебя убью!“ — „Какъ, негодный мальчикъ, ты хочешь убить твоего дядю?“ — Отдай яйцо, или я тебя убью,— повторилъ племянникъ. Императоръ отдалъ яйцо, говоря: „Однако изъ тебя выйдетъ лихой малый!“

Съ младшимъ братомъ Луи Наполеона, Напо-

леономъ-Карломъ, рано умершимъ, дядя шутилъ другимъ способомъ. Онъ бралъ его на руки, показывалъ ему въ окно садъ и спрашивалъ: „Чей это садъ?“—„Моего дяди“. И дядя далъ его за уши, приговаривая: „А послѣ меня онъ будетъ твой. Надѣюсь, что ты получишь хорошее наслѣдство“. Онъ прощалъ ему все и приходилъ въ восторгъ, когда ребенокъ, завидѣвъ въ саду солдатъ, кричалъ: „Да здравствуетъ Нононъ солдатъ!“ Императоръ забавлялся, заставляя его повторять басни, дурачился съ нимъ, держалъ его на колѣняхъ, пока тотъ ѣлъ по зернышку чечевицу; баловалъ его, какъ и въ 1804 г., когда ребенка приносили къ нему въ Мальмезонъ во время обѣда, и Наполеонъ, посадивъ его на столъ, хохоталъ до слезъ, когда тотъ лѣзъ рукой во всѣ блюда и опрокидывалъ все вокругъ себя.

Съ дѣтьми сестеръ Наполеона, Каролины и Элизы, подобныя шутки выходили не столь удачными: менѣе привычные къ манерамъ своего дяди, выросшіе не въ такой степени любви и почтенія къ нему, какъ дѣти Гортензіи, и окруженные болѣе льстивыми слугами, они сердились за его шутки. Такъ маленькій Ашилль Мюратъ, когда дядя потеребилъ его однажды за уши, бросился на него съ поднятымъ кулакомъ, крича: „Ты гадкій, гадкій,

злой!“ Въ другой разъ, когда съ императоромъ завтракала его маленькая племянница, Наполеона Бачіоки, онъ сказалъ ей: „Прекрасныя вещи я узналъ о васъ, мадмуазель! Вы изволили обмочиться сегодня ночью въ постели“. Дѣвочка съ величественнымъ видомъ поднялась на своемъ маленькомъ креслѣ и отвѣтила: „Если вы, дядя, не имѣете ничего сказать мнѣ, кромѣ глупостей, то я уйду“.

Приводили къ нему за завтракомъ и другихъ дѣтей: маленькаго Леона, маленькаго Валевскаго, находившихся съ нимъ въ извѣстномъ родствѣ и о которыхъ онъ естественно заботился. Онъ ласкалъ и дѣтей своихъ слугъ, какъ напримѣръ сына Рустама, также вызывая ихъ на фамильярность и на «ты» съ собой и также теребя ихъ за уши, но они могли интересовать его только благодаря его особенной любви къ дѣтямъ. Онъ такъ любилъ ихъ, что въ своихъ законахъ прежде всего позаботился о нихъ, и если онъ рѣдко отказывалъ въ чемъ нибудь женщинамъ, то почти не было примѣра, чтобы онъ отказалъ ребенку, котораго подсылали къ нему съ просьбой.

Наполеонъ принималъ за завтракомъ не только дѣтей: это былъ также часъ пріема артистовъ и ученыхъ. Однимъ изъ обычныхъ посѣтителей былъ знаменитый трагикъ Тальма. Императоръ бесѣдовалъ

съ нимъ о драматическомъ искусствѣ и любилъ давать ему совѣты, подкрѣпляемые хорошими наградами. Тальма, сверхъ своего жалованья, получилъ, съ 1806 по 1813 г., изъ театральной кассы въ видѣ наградъ сумму въ 195,200 франковъ. Другимъ частымъ посѣтителемъ императорскихъ завтраковъ былъ главный хранитель музеевъ, Денонъ. Съ нимъ Наполеонъ бесѣдовалъ о картинахъ, которыя онъ намѣревался заказать, и о любви къ искусству, которое онъ стремился, по словамъ его, развить во французской націи. Денонъ успѣшно исполнялъ при императорѣ тѣ обязанности, которыя лежали раньше на главномъ смотрителѣ королевскихъ дворцовъ.

Въ началѣ, передъ египетскимъ походомъ, когда Денонъ, представленный г-жѣ Бонапартъ своей любовницей, г-жей де-Крени, ходатайствовалъ о чести сопровождать генерала въ этотъ походъ, Наполеонъ сильно воспротивился этому. Во первыхъ, онъ не довѣрялъ этой г-жѣ Крени, которая была очень дружна съ Жозефиной, оказывала ей сомнительныя услуги и получала за это награды звонкой монетой; во вторыхъ, онъ и вообще не жаловалъ мужчинъ, пользовавшихся женской протекціей. Между тѣмъ кавалеръ де-Нонъ, еще въ бытность свою секретаремъ посольства, постоянно прокладывалъ себѣ дорогу черезъ женщинъ. Онъ снискалъ себѣ извѣст-

ность не столько своей дипломатіей, за которую онъ впалъ въ Неаполѣ въ немилость, сколько написаннымъ имъ хорошенькимъ разсказомъ „Point de lendemain“, своей любовной связью съ королевой Маріей Каролиной, своими сальными остротами, которыя онъ писалъ на всѣхъ углахъ, и своими успѣхами у женщинъ, со стороны которыхъ онъ не встрѣчалъ жестокосердія, несмотря на свое безобразіе и сходство съ сатиромъ. Понятно, что нужна была сильная и многосторонняя протекція, чтобы побудить перваго консула взять къ себѣ подобную личность. Однако уже въ дорогѣ, а потомъ и въ Египтѣ, онъ былъ очарованъ живыми, остроумными разговорами Денона, его разносторонними свѣдѣніями, неутомимой наблюдательностью, побуждавшей его, съ опаспостью для жизни, снимать какой нибудь эскизъ; его мѣткой и графической оцѣнкой современныхъ событій, его энциклопедическимъ образованіемъ, дѣлавшимъ этого человѣка наилучшимъ судьей въ сферѣ искусства и самымъ компетентнымъ руководителемъ громаднаго предпріятія:—преобразованія въ направленіи искусства въ смыслѣ предпочтенія сюжетовъ, почерпнутыхъ изъ современной исторіи, сюжетамъ античнымъ или чисто фантастическимъ, которыхъ упрямо придерживались до той поры художники. Въ бесѣдахъ императора съ Денономъ опредѣленно

вырабатывались сюжеты тѣхъ картинъ и статуй, которыя Наполеонъ желалъ заказать. Чтобы собрать къ нимъ матеріалы, Денонъ, въ сопровожденіи искусныхъ художниковъ, слѣдовалъ во время кампаній за главной квартирой и заставлялъ рисовать при себѣ, или самъ рисовалъ наиболѣе интересныя сцены. Онъ обозрѣвалъ также музеи въ завоеванныхъ городахъ и выбиралъ въ нихъ картины для пополненія музея Наполеона. Заручившись полномочіями, онъ объѣзжалъ Италію и вывозилъ оттуда во Францію рѣдкія произведенія искусства, или предлагалъ императору покупку наиболѣе важныхъ коллекцій. Ничто не ускользало отъ его вниманія, а черезъ него и отъ вниманія императора, который, возгорѣвшись желаніемъ имѣть какую нибудь вещь, выслѣживалъ ее съ удивительною страстностью. Не Наполеона и не Денона вина, если въ Луврѣ не находится, рядомъ со статуями изъ виллы Боргезе и со „Свадьбой“ изъ виллы Альдобрандини, полная коллекція эгинскихъ мраморовъ.

Архитекторъ Фонтэнъ, честности и прямодушію котораго Наполеонъ безусловно довѣрялъ, единственный человѣкъ послѣ Манзара, умѣвшій строить величавыя зданія даже на тѣсномъ пространствѣ, и который нашелъ, рядомъ съ новымъ стилемъ, строгую и величественную формулу внутренняго убран-

ства, — приносилъ императору планы идеальнаго дворца, о которомъ тотъ мечталъ. Вмѣстѣ съ нимъ Наполеонъ придумывалъ, распланировывалъ и строилъ на бумагѣ этотъ дворецъ, въ которомъ онъ старался соединить всѣ украшенія и удобства, видѣнныя имъ въ своихъ главныхъ квартирахъ — дворцахъ всѣхъ европейскихъ монарховъ.

Затѣмъ къ императору являлись за завтракомъ его спутники по египетскому походу, которыхъ онъ всегда принималъ хорошо. Это были: химикъ Бертолле, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ и никогда не уходившій отъ Наполеона съ пустыми руками, и двое геометровъ, Коста и Монжъ. Послѣднему императоръ даровалъ титулъ графа де-Пелюсъ и достоинства сенатора и кавалера почетнаго Легіона.

За завтракомъ же дозволялось оффиціальнымъ художникамъ снимать съ Наполеона портреты. Такъ дѣлали Жераръ и Давидъ. Послѣдній, въ качествѣ главнаго придворнаго живописца, права котораго онъ пытался расширить въ своего рода диктатуру въ искусствѣ, всегда имѣлъ возможность, благодаря этому, приближаться къ императору. Являлся также Изабэ, но скорѣе въ качествѣ придворнаго рисовальщика, изобрѣтателя гербовъ и устроителя церемоній, чѣмъ въ качествѣ миніатюриста, какимъ онъ считался. Впрочемъ, расположеніе, которымъ

онъ пользовался у перваго консула, нѣсколько охладѣло; вслѣдствіе нѣсколькихъ фамильярностей, которыя онъ позволилъ себѣ, онъ потерялъ то совсѣмъ исключительное положеніе, которое онъ могъ бы занять при дворѣ.

Императоръ любилъ бесѣдовать о всевозможныхъ предметахъ съ этими талантливыми, умными и свѣдущими людьми, и всѣ тѣ изъ нихъ, которые оставили какія нибудь воспоминанія, признаютъ любезность, веселость и живость, которыя вносилъ Наполеонъ въ эти бесѣды, равно какъ и его компетентность во всѣхъ предметахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и его способность запечатлѣвать въ своей изумительной памяти все, до малѣйшихъ фактовъ.

Часто, когда не было другого собесѣдника, онъ задавалъ вопросы дворцовому префекту, который со шляпой подъ мышкой наблюдалъ за услугами метръ-д'отеля. „Гдѣ это куплено? Много ли заплочено?“ спрашивалъ императоръ и, получивъ отвѣтъ, нерѣдко замѣчалъ: „Это стоило гораздо дешевле, когда я былъ подпоручикомъ. Я не желаю платить дороже, чѣмъ платятъ другіе“.

Нельзя было однако не платить дорого, имѣя въ своихъ кухняхъ—въ этихъ тюльерійскихъ кухняхъ, гдѣ, по словамъ Фонтэна, въ каждый сезонъ кто нибудь умиралъ отъ угара—-такихъ артистовъ,

какъ главный поваръ Фарси, помощникъ его Леконтъ и главный кондитеръ Лебо. Послѣдній, признаваемый возродителемъ французскаго кондитерскаго искусства съ перваго же вступленія своего въ домъ перваго консула, произвелъ сенсацію своими кондитерскими шедёврами. Такъ, напримѣръ, на обѣдахъ у перваго консула въ пятый день декады, всѣ восхищались сценами перехода черезъ мостъ въ Лоди, прохода черезъ Тальяменто, а въ особенности сценой перехода черезъ Аркольскій мостъ, художественно выполненными изъ сахара, бисквитъ, пастилы и миндаля. Всякаго рода пирожное при дворѣ, даже для большихъ баловъ, изготовлялъ Лебо. До его поступленія къ первому консулу, большія конфектныя сооруженія заказывались у кондитера Бальи, въ улицѣ Vivienne. Но покупать внѣ дома пирожное для императорскаго стола было дѣло очень рискованнымъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что Лебо былъ однимъ изъ немногихъ слугъ, остававшихся на придворной кухнѣ съ начала до конца царствованія.

Что касается до поваровъ, то, по причинѣ-ли плохой вентиляціи въ тюльерійскихъ кухняхъ, или-же потому, что установленная при дворѣ строгая экономія принуждала ихъ довольствоваться только своими 2,400 фр. жалованья, но они часто мѣнялись. Послѣ Гальона, сопровождавшаго Бонапарта

въ Египетъ и переведеннаго на должность эконома въ Фонтенебло, и послѣ Данже, также сдѣлавшаго египетскій походъ и чуть было не убитаго на обратномъ пути, во время кражи серебряной посуды въ Провансѣ, въ шести миляхъ отъ Э., придворными поварами перебывали съ 1802 г. Венаръ, Делабардъ, Кулонь, Фарси, Лагипьеръ,—поваръ художникъ, взятый къ себѣ Мюратомъ и умершій по возвращеніи изъ Россіи; Дебре, Леконтъ, Гертенъ, Лакомбъ и Лемуанъ. На островѣ Эльбѣ поваромъ Наполеона былъ Фердинандъ, а во время ста дней, главнымъ его поваромъ состоялъ Дуссо. Слѣдуетъ однако прибавить, что въ числѣ этихъ именъ находятся не одни только главные повара, но также и смотрители императорскихъ кухонъ, которые, во время кампаній, командировались со своимъ штатомъ въ различныя мѣста съ тѣмъ, чтобы императоръ всюду, гдѣ бы онъ ни останавливался, находилъ организованную кухонную службу. Несмотря на эти частыя перемѣны, между служителями бывшаго императорскаго дома всетаки нашелся одинъ,—послѣ того какъ десятеро отказались,—достаточно преданный, чтобы послѣдовать за Наполеономъ на островъ Св. Елены. Это былъ Шанделье, служившій въ придворныхъ поварахъ въ 1813 г., потомъ

перешедшій къ принцессѣ Полинѣ. Онъ съ готовностью принялъ предложеніе сопровождать Бонапарта въ ссылку и раздѣлилъ съ другими слугами заботы объ изгнанникѣ. Имя его упомянуто въ завѣщаніи Наполеона.

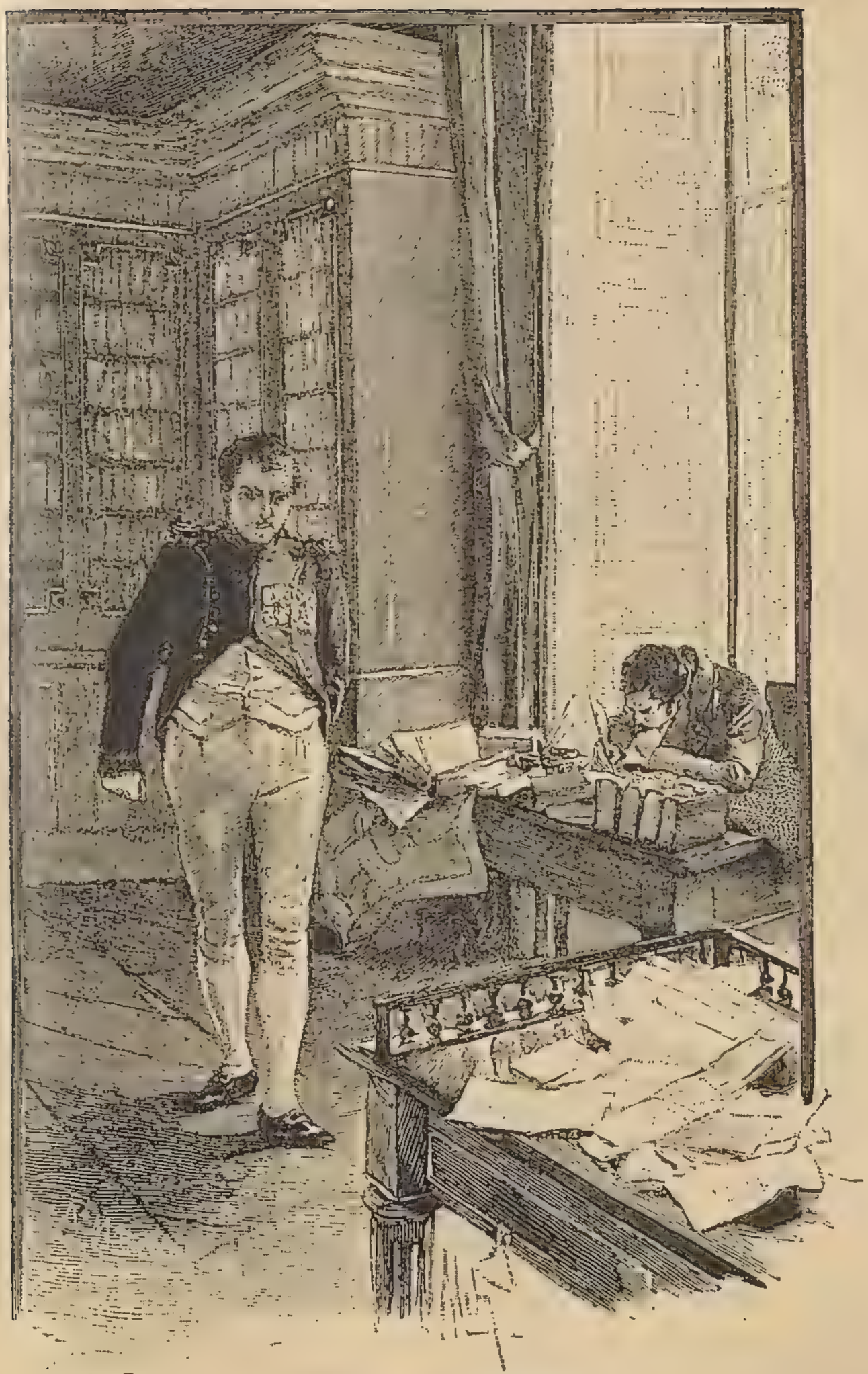
VI.

Рабочій кабинетъ.

Наполеонъ довольно рѣдко оставался за завтракомъ дольше, чѣмъ нужно; это бывало лишь въ тѣ дни, когда онъ ощущалъ потребность, какъ онъ выражался, *запереть свой кабинетъ* и дать маленькій отдыхъ головѣ. Обыкновенно, выпивъ привычную чашку кофе, онъ уходилъ въ свои внутренніе покои; но часто, прежде чѣмъ приниматься за работу, онъ спускался по внутренней лѣстницѣ, чтобы сдѣлать маленькій визитъ императрицѣ. При Жозефинѣ, визитъ этотъ совпадалъ съ тѣмъ моментомъ, когда она завтракала съ приглашенными дамами, и происходившая при этомъ суматоха нѣсколько развлекала Наполеона. При Маріи Луизѣ, ведшей гораздо болѣе тихую жизнь, разговоръ быстро истощался, и Наполеонъ, сидя въ креслѣ, засыпалъ на нѣсколько минутъ. Какъ той, такъ и другой онъ удѣлялъ въ эту пору очень мало времени: его ждали занятія, отъ которыхъ ничто не могло его отвлечь.

Комната, обращенная Наполеономъ въ кабинетъ,

была среднихъ размѣровъ. Освѣщалась она единственнымъ окномъ, продѣланнымъ въ углу и выходившимъ въ садъ. Главною мебелью былъ стоявшій посрединѣ великолѣпный столъ, украшенный золоченою бронзой и поддерживаемый грифонами. Крышка стола двигалась въ пазахъ, такъ что, закрывая его, не нужно было шевелить лежащихъ на немъ бумагъ. Подъ столомъ находился привинченный къ полу шкафъ, и въ него, всякій разъ, какъ императоръ уходилъ, клали портфель, ключъ отъ котораго находился у Наполеона. Передъ столомъ стояло кресло античной формы, спинка котораго была обита вышитымъ зеленымъ казимиромъ, складки котораго были закрѣплены шелковыми снурками, а ручки оканчивались головами грифоновъ. Наполеонъ пользовался кресломъ только для того, чтобы подписывать бумаги. Обыкновенно онъ усаживался направо отъ камина, на козеткѣ, обтянутой зеленой тафтою; около нея находился маленькій столикъ, на которомъ лежали послѣднія донесенія. Экранъ въ нѣсколько створокъ служилъ для защиты отъ излишняго жара. Въ глубинѣ кабинета, по угламъ, стояли четыре книжные шкафа; между двумя изъ нихъ, занимавшими заднюю стѣну, висѣли часы съ регуляторомъ, вродѣ тѣхъ, которые въ 1808 году Бальи поставилъ для кабинета въ Компьенѣ за 4000 франковъ.



Наполеонъ за работой.

Будучи еще консуломъ, Наполеонъ мечталъ обратить или эту комнату или сосѣднюю залу въ библіотеку, которая состояла бы изъ шестнадцати книжныхъ шкафовъ въ семьдесятъ шесть футовъ длины, и вмѣщала бы десять тысячъ томовъ. Каталогъ его частной библіотеки, недавно опубликованный, повидимому, не заключаетъ столь значительнаго числа книгъ, но помѣченныя въ немъ книги не могли бы умѣститься въ упомянутыхъ четырехъ шкафахъ. Были еще книги въ комнатѣ за кабинетомъ, въ комнатѣ хранителя портфеля рядомъ со спальной, а также и въ малыхъ апартаментахъ.

Противъ камина стоялъ длинный стеклянный шкафъ вышиною по грудь человѣка, съ мраморной доскою наверху; внутри этого шкафа хранились папки, а сверху лежали справочныя книги и текущія бумаги; по всей вѣроятности, тутъ-же стояла и конная статуетка Фридриха II, бывшая постоянно передъ глазами императора. Статуетка эта была единственнымъ художественнымъ произведеніемъ, которое императоръ пожелалъ имѣть лично для себя.

Въ амбразурѣ окна помѣщался столъ личнаго секретаря. Нѣсколько стульевъ дополняли убранство комнаты. По вечерамъ столъ Наполеона освѣщался подсвѣчникомъ съ двумя свѣчами и съ большимъ

жестянымъ абажуромъ, вродѣ тѣхъ подсвѣчниковъ, которые называются „bouillotte".

Изъ кабинета была дверь въ комнату за кабинетомъ, меблировка которой состояла изъ нѣсколькихъ стульевъ, крытыхъ зеленымъ сафьяномъ, и изъ круглаго стола, украшеннаго золочеными и бронзовыми орнаментами и выложеннаго инкрустаціей изъ розоваго дерева, изображающаго музыкальные инструменты. Убранство этой комнаты напоминало прежнее ея назначеніе служить будуаромъ.

Имѣвшаяся тутъ живопись всѣми сюжетами своими напоминала о женскихъ занятіяхъ, надъ которыми парила съ плафона Марія-Терезія въ образѣ Минервы. Вдоль одной изъ стѣнъ тянулся книжный шкафъ, вышиною по грудь человѣка. Въ этой комнатѣ императоръ принималъ обыкновенно своихъ министровъ и давалъ аудіенціи передъ выходомъ, въ теченіе дня и вечеромъ. Напомнимъ, что никто изъ постороннихъ не переступалъ порога его рабочаго кабинета.

Нужно было быть очень точно освѣдомленнымъ объ обстановкѣ этого кабинета, чтобы передать кистью его внутренность, изображенную однако по меньшей мѣрѣ на четырехъ картинахъ; три изъ нихъ—Жерара, Давида и Виньерона,—во многихъ отношеніяхъ согласуются между собою, но картина

Гарнье, написанная, по словамъ Меневаля, съ натуры и воспроизведенная въ гравюрѣ Ландона, совершенно сбиваетъ съ толку. Стоящіе передъ книжными шкафами бюсты, а въ глубинѣ комнаты, раздѣленной на двѣ неравныя части, статуи, затѣмъ барельефы, — все это мало идетъ къ рабочему кабинету и напоминаетъ скорѣе парадный кабинетъ. Меневаль утверждаетъ, что видѣлъ эту картину у графа Ле Маруа, который случайно нашелъ и перекупилъ ее. Но на публичной продажѣ у графа Ле Маруа видѣли портретъ Наполеона, сдѣланный Гарнье, совершенно въ томъ же поворотѣ, какъ и на гравюрѣ Ландона, только безъ всякихъ аксессуаровъ и безъ всякаго указанія на кабинетъ. Либо Меневаль, несмотря на его увѣреніе, вовсе не видѣлъ портрета, купленнаго Ле Маруа, либо память ему измѣнила но, во всякомъ случаѣ, тотъ кабинетъ, который изображенъ у Гарнье и на гравюрѣ Ландона, вовсе не кабинетъ Наполеона въ Тюльери. Каковъ былъ тюльерійскій кабинетъ во времена имперіи, такимъ же онъ оставался и при реставраціи, и всѣ описанія его согласны между собою. Судя по всему сказанному, мебели въ немъ было немного. Что касается до украшеній, то они сохранились со временъ Маріи-Терезіи. Въ числѣ панно, къ счастью на три четверти закрытыхъ книжными шкафами,

было семь огромныхъ пейзажей Франциска Миле, на манеръ Пуссена, весьма посредственныхъ и почернѣвшихъ до такой степени, что въ нихъ ничего нельзя было разобрать. Другія картины, менѣе почернѣвшія, принадлежали кисти Нокре: на каминѣ красовалась миѳологическая картина, изображающая Минерву, къ которой Меркурій подводитъ женщинъ преклоняющихся передъ нею, причемъ подъ видомъ Минервы изображена сама Марія-Терезія; на плафонѣ—опять Минерва, увѣнчанная славой и окруженная геніями искусствъ; между пейзажами Миле, въ медальонахъ, аллегорическія изображенія кротости, вѣрности, чистосердечія, вѣры, скульптуры и архитектуры. Только такой равнодушный къ окружающимъ предметамъ человѣкъ, какъ Наполеонъ, могъ проводить свою жизнь въ этомъ пышномъ и въ то же время уныломъ пріютѣ, не чувствуя болѣзненной потребности въ обновленіи его.

Въ слѣдующемъ затѣмъ топографическомъ кабинетѣ не было и слѣда роскоши, — ничего, кромѣ большихъ столовъ да картоновъ, въ которыхъ въ образцовомъ порядкѣ были расположены карты. Комната эта была, вѣроятно, очень низкою; по крайней мѣрѣ, управляющій дворцовой конторою, испросивъ кинкеты для освѣщенія столовъ, дол-

женъ былъ потомъ ввести дымоотводныя трубы, чтобы предохранить потолокъ отъ копоти.

При кабинетѣ были еще три небольшія комнаты: одна, въ которой день и ночь находился хранитель портфеля, была украшена картинами Ноэля Куапеля и плафономъ того же художника, изображавшимъ Аврору среди амуровъ; другая—передняя, съ комнатой для служителей при гардеробѣ, сообщалась маленькою дверцей, охраняемой приставомъ, съ коррндорами Тюльери, а другой дверью — съ комнатой за кабинетомъ. Хранитель портфеля былъ одѣтъ въ мундиръ, жилетъ и панталоны изъ чернаго казимира, съ тридцатью четырьмя петлицами на камзолѣ; на приставѣ былъ такой же мундиръ, какъ и на его товарищѣ въ почетныхъ апартаментахъ.

Таково мѣсто дѣйствія, а вотъ и дѣйствующія лица. Главный сотрудникъ Наполеона — его *личный секретарь*, называвшійся съ 1806 *секретаремъ портфеля*. До 1802 года имъ былъ Бурьень, съ 1802 по 1813 — Меневаль, а съ 1813 по 1814—Фэнъ. Послѣдній занимался сперва подъ руководствомъ Меневаля и сталъ замѣнять его въ случаѣ надобности съ 1806 года. Эти трое людей пользовались наибольшимъ довѣріемъ Наполеона и ближе всѣхъ были посвящены въ его личныя дѣла.

Съ Бурьенемъ онъ разстался съ грустью и сохранялъ къ нему до самой смерти удивительно нѣжныя чувства.

Меневаль, хотя значительно менѣе остроумный и образованный чѣмъ Бурьень, и даже нѣсколько наивный, обладалъ за то необыкновеннымъ трудолюбіемъ, безукоризненной честностью и скромностью, и былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для своей должности. Онъ обладалъ даромъ вполнѣ и постоянно отдаваться своему дѣлу. Получая 24,000 франковъ жалованья, занимая должность старшаго докладчика съ присвоеннымъ ей окладомъ и нося баронскій титулъ съ 30,000 франковъ ежегоднаго дохода, онъ тѣмъ не менѣе оставался для двора совершеннымъ незнакомцемъ, такъ что въ 1813 году многіе камергеры не знали его. Всю жизнь онъ проводилъ во внутреннихъ покояхъ, въ секретныхъ аппартаментахъ и въ четырехъ комнатахъ, отведенныхъ ему въ Тюльери и выходившихъ въ темный коридоръ въ служебномъ этажѣ рядомъ съ комнатами Констана. Онъ не участвовалъ въ церемоніяхъ, не пользовался отпусками, никуда не ходилъ, не имѣлъ никакихъ знакомствъ,—словомъ велъ совершенно затворническую жизнь.

Фэнъ, носившій званіе секретаря-архиваріуса съ февраля 1806 года, велъ такую же жизнь, пока

не замѣнилъ въ 1813 г. Меневаля. Онъ превосходилъ своего товарища умственными качествами, что видно уже изъ его сочиненій, обличающихъ въ немъ замѣчательную честность, полнѣйшее безпристрастіе и самую строгую точность. Въ августѣ 1808 года, Фэнъ получилъ отъ императора пенсію, содержаніе его по штатамъ достигало 18,000 франковъ въ годъ, титулъ барона давалъ ему до 20,000 франковъ и кромѣ того при различныхъ случаяхъ онъ получалъ значительныя награды (18.000 франковъ въ августѣ 1808 года, 100,000 франковъ 27 іюня 1813, 50,000 франковъ въ апрѣлѣ 1814, и т. д.). Меневаль и Фэнъ, да еще архивный служитель, по имени де-Бари, получавшій 6,000 франковъ въ годъ, составляли весь персоналъ кабинета.

При Меневалѣ состояли въ качествѣ канцеляристовъ хранители портфеля Ландуаръ и Гожель, сопровождавшіе его по очереди вовремя похода, вооруженные саблей, образецъ для которой былъ указанъ самимъ Наполеономъ. Они получали содержаніе въ 4,800 фр. и много наградъ отъ 2,000—6,000 франковъ. Они поступили на службу къ Бонапарту еще со временъ консульства, и также были людьми близкими и довѣренными. У Фэна служилъ канцеляристомъ Риберъ, совершенно заурядный человѣкъ, получавшій 1,500 франковъ,

Кромѣ Меневаля и Фэна, при императорѣ состоялъ съ 1806 по 1809 годъ *секретарь по докладу прошеній*, Дешанъ, пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ императрицы Жозефины и бывшій секретаремъ по ея порученіямъ; по спеціальности онъ былъ поэтъ и сочинялъ все, что приходилось, начиная отъ либретто къ пятиактовой оперѣ „Оссіанъ или Барды“, до либретто къ „Наслѣдству“, опереткѣ въ одномъ дѣйствіи. Наполеонъ назначилъ ему содержаніе въ 12,000 франковъ, но, кажется, ни разу не обращался къ его услугамъ.

Гораздо больше значенія, хотя не постоянно и не съ самаго начала, имѣли должности *секретарей кабинета.* Учреждая эти должности 30 вандемьера XIII года, Наполеонъ имѣлъ въ виду, чтобы оба секретаря кабинета, тотъ и другой—члены государственнаго совѣта, непосредственно воспринимали его мысли, одинъ по всѣмъ отдѣламъ, относящимся къ арміи и флоту, а другой — по отдѣламъ внутренняго управленія и финансовъ. Въ помощники къ нимъ у него было въ виду всего одно лицо, нѣкто Кларкъ, способности котораго онъ имѣлъ возможность оцѣнить съ итальянскаго похода, гдѣ ему представлялся также случай узнать и его характеръ.

Кларкъ происходилъ изъ древней ирландской

фамиліи, съ давнихъ поръ находившейся на службѣ Франціи; его дѣдъ де-Ли былъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Почетнаго Легіона; отецъ его служилъ маіоромъ въ полку Бёльклея, съ полномочіями полковника; его дядя Ши, былъ генеральнымъ секретаремъ въ гусарскомъ полку и любимцемъ герцога Орлеанскаго. Этотъ Ши больше всего и содѣйствовалъ карьерѣ Кларка. Протекція герцога Фицъ-Джемса доставила ему двѣ пенсіи, одну въ 300, а другую въ 200 фунтовъ стерлинговъ, а благодаря протекціи Ши, онъ получилъ чинъ капитана въ полку орлеанскихъ драгунъ. Самъ по себѣ онъ обладалъ однимъ качествомъ, которое больше способствуетъ карьерѣ, чѣмъ даже честолюбіе — способностью покидать своихъ покровителей лишь только они перестаютъ быть полезными. Такъ онъ поступилъ съ герцогомъ Орлеанскимъ, съ Кюстиномъ, съ Карно, наконецъ и съ собственной женой, „выдающейся гражданкой“, бракомъ съ которой онъ гордился во времена революціи, какъ патентомъ на цивизмъ, и съ которою развелся въ 1795 году. Такъ онъ поступалъ всегда и со всѣми. Въ данный моментъ онъ весь былъ преданъ Бонапарту или Наполеону и, чтобы добиться у него мѣста, прибѣгалъ и къ просьбамъ, и къ низкопоклонству, рискуя даже показаться назойливымъ. Онъ занялъ на-

конецъ должность секретаря кабинета съ крупнымъ окладомъ въ 25,000 франковъ. Но его вѣчно приходилось розыскивать, когда Наполеону нужно было писать подъ диктовку, и это заставило послѣдняго вернуться къ Меневалю, а Кларка, послѣдовавшаго за нимъ въ походъ 1805 года, онъ назначилъ губернаторомъ Вѣны, затѣмъ давалъ ему разныя порученія; въ 1806 году назначилъ его губернаторомъ Берлина и, наконецъ, въ 1807 году—военнымъ министромъ.

Обѣ должности секретарей кабинета оставались вакантными до февраля 1809 года, когда одна изъ нихъ, по предложенію Маре, была предоставлена Эдуарду Мунье, состоявшему съ 1806 года аудиторомъ государственнаго совѣта, сыну того Мунье, который былъ членомъ учредительнаго собранія. Несмотря на сохраненіе прежняго оклада въ 25,000 фр., первоначальныя привиллегіи, связанныя съ этимъ мѣстомъ, были значительно урѣзаны. Мунье назывался начальникомъ бюро переводчиковъ, состоящихъ при кабинетѣ; бюро это, помѣщавшееся на Карусельской площади, въ домѣ, уцѣлѣвшимъ до сихъ поръ, было значительно расширено, и въ 1812 году въ немъ работало десять чиновниковъ (въ 1809 г. ихъ было восемь), получавшихъ общей сложности, 33,100 франковъ содержанія. Экстрен-

ные расходы по переводамъ, кромѣ того, достигали ежегодно 28,800 франковъ.

Мунье замѣчательно подходилъ для такой должности. Воспитанный въ любопытномъ учебномъ заведеніи, называвшемся Бельведеромъ и основанномъ, послѣ эмиграціи, его отцомъ въ Веймарѣ, онъ превосходно зналъ англійскій, нѣмецкій, итальянскій и многіе изъ остальныхъ европейскихъ языковъ. Поступивъ на мѣсто, онъ призвалъ къ себѣ своего бывшаго учителя Дюво, который писалъ по нѣмецки, какъ нѣмецъ, и такъ хорошо организовалъ свое бюро, что императоръ всегда находился въ курсѣ того, что печаталось и издавалось въ Европѣ. Мунье сопровождалъ главную квартиру въ походахъ 1809, 1812 и 1813 годовъ. Въ 1809 году онъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона, въ 1810 —титулъ барона, ренту въ 10,677 франковъ съ имѣнія въ шведской Померапіи, и званіе докладчика; въ 1811 — акцію имперскаго журнала; въ 1813 г.— золотого орла Легіона, командорскіе знаки ордена Соединенія и должность управляющаго коронными зданіями. Все это доказываетъ, что императоръ цѣнилъ его услуги. Остается спросить, былъ ли Мунье настолько же надеженъ, насколько и уменъ. Большинство переводчиковъ, которыхъ онъ провелъ въ бюро, каковы Гурбильонъ и Дюво, подозрительны;

его собственная преданность также довольно сомнительна. Онъ былъ слишкомъ близокъ къ личности Наполеона, чтобы въ милостяхъ, которыми осыпала его реставрація, не подозрѣвать награды за старыя услуги.

Второе мѣсто секретаря кабинета оставалось незанятымъ до 1810 года, когда оно было поручено Депонтону, очень способному инженерному офицеру. Онъ началъ службу въ итальянской арміи и сдѣлалъ весь походъ, а съ 1806 года Наполеонъ взялъ его къ себѣ въ качествѣ ординарца. Вынужденный правилами удалить его отъ себя вслѣдъ за производствомъ въ званіе баталіоннаго камандира, Наполеонъ, тѣмъ не менѣе, не упускалъ его изъ виду, давалъ ему разныя порученія, ища лишь случая, чтобы вернуть къ себѣ драгоцѣннаго помощника, умѣющаго видѣть вещи въ истинномъ свѣтѣ и отдавать въ нихъ отчетъ.

Такимъ образомъ, оба секретаря кабинета въ сущности не занимались въ кабинетѣ: Мунье имѣлъ свое бюро внѣ дворца, а Депонтонъ большею частью былъ въ разъѣздахъ. Оставались двѣ вещи, которыми необходимо должна была питаться мысль Наполеона: карты и книги; топографическое бюро доставляло первыя, а библіотека вторыя.

Начальникъ топографическаго бюро, Бакле д'Альбъ,

съ которымъ Наполеонъ желалъ имѣть возможность совѣтоваться во всякое время, несомнѣнно былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ людей въ своей сферѣ дѣятельности. Извѣстный Наполеону со времени осады Тулона, онъ еще до революціи проявилъ особенныя способности къ рисованію и къ сниманію плановъ. Онъ провелъ семь лѣтъ въ Альпахъ, изучая ихъ въ топографическомъ отношеніи и срисовывая болѣе замѣчательные виды. Бонапартъ прикомандировалъ его къ главному штабу артиллеріи, а съ тѣхъ поръ, какъ ему было поручено командованіе итальянскою арміей, онъ возложилъ на Бакле д'Альба завѣдываніе своимъ топографическимъ кабинетомъ. Постепенно производимый въ чины, онъ уже въ 1813 году сдѣлался бригаднымъ генераломъ, получивъ еще въ 1809 году титулъ барона, съ рентою въ 10,000 франковъ, помимо многихъ наградъ.

Бакле д'Альбъ не только непрерывно слѣдилъ, какъ въ Парижѣ, такъ и во время походовъ, за движеніями войскъ посредствомъ накалыванія на картѣ булавокъ различныхъ цвѣтовъ, изображая такимъ же способомъ, по непосредственному указанію Наполеона, готовящіяся военныя дѣйствія, но и былъ для Наполеона, такъ сказать, *реализаторомъ* карты. Одаренный необыкновенной способностью, онъ могъ единственно на основаніи карты, безошибочно пред-

ставить панораму той мѣстности, гдѣ императоръ предполагалъ дать сраженіе. По штриховкѣ, по какой нибудь кривой линіи, по бѣлымъ и чернымъ точкамъ, онъ возсоздавалъ, не только въ своемъ воображеніи, но и въ воображеніи другого, не отвлеченное только представленіе, а такъ сказать живую картину мѣстности предстоящаго похода. Онъ, если не изобрѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, вновь открылъ тотъ методъ веденія войны, который въ настоящее время считается общепринятымъ. Въ качествѣ живописца, онъ также проявлялъ дарованіе, оставивъ послѣ себя нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ рисунковъ на современные сюжеты.

Подъ начальствомъ Бакле д'Альба находилось два инженера-географа, не отличавшіеся, впрочемъ, ничѣмъ особеннымъ, Дювивье и Ламо, которые послѣ 1814 года вернулись съ прежнимъ чиномъ капитана въ тѣ полки, откуда они вышли. Въ теченіе 1813 года, помощникомъ завѣдывающаго бюро состоялъ бывшій ординарецъ императора, Аталенъ, впослѣдствіи адъютантъ герцога Орлеанскаго, генералъ-лейтенантъ и перъ Франціи.

При библіотекѣ вначалѣ состояло двое чиновниковъ, но одинъ изъ нихъ служилъ лишь ради чести и оклада, такъ какъ Наполеонъ никогда ничего отъ него не требовалъ. Это былъ аббатъ Денино,

изъ Турина, назначенный библіотекаремъ, потому только, что онъ ранѣе занималъ эту должность или вѣрнѣе носилъ это званіе при Фридрихѣ II. Мысль о прусскомъ королѣ не покидала императора. Изученіе его походовъ въ молодости и впослѣдствіи на о-вѣ Св. Елены, заимствованіе у него формы мундировъ, статуетка Фридриха, какъ единственное украшеніе кабинета, посѣщеніе его могилы, почтеніе къ трофеямъ, вывезеннымъ изъ Берлина,—все, кончая выборомъ Денино на должность библіотекаря, свидѣтельствуетъ о поклоненіи Наполеона тому, кого онъ называлъ „тактикомъ по преимуществу“.

Другимъ библіотекаремъ, втеченіе всего консульства и по 9 сентября 1807 года, былъ Рипо, человѣкъ весьма достойный, сопровождавшій Бонапарта въ Египетъ. Ему принадлежитъ устройство библіотекъ въ Тюльери, въ Лакенѣ, въ Мальмезонѣ, Сенъ-Клу, Фонтенебло, Рамбулье, а также небольшихъ кабинетныхъ библіотекъ во всѣхъ резиденціяхъ. Сверхъ того, съ IX года ему поручено было дѣлать анализы всѣхъ политическихъ журналовъ, брошюръ, театральныхъ пьесъ, афишъ, памфлетовъ, появившихся въ теченіе декады, а также составлять отчетъ о засѣданіяхъ литературныхъ и религіозныхъ обществъ и о выдающихся судебныхъ процессахъ; съ помощью этихъ отчетовъ Бонапартъ слѣдилъ за

всѣмъ, что происходило въ литературномъ и другихъ мірахъ.

Утомленный службою, Рипо вышелъ въ отставку въ 1807 году. Преемникомъ его былъ гораздо болѣе извѣстный Барбье, знаменитый библіографъ, соединявшій съ обязанностями библіотекаря императора должность библіотекаря государственнаго совѣта. При Барбье Наполеонъ могъ быть спокоенъ: не было книги, которую бы онъ не зналъ и не добылъ; не было вопроса, который онъ оставилъ бы безъ отвѣта; не было такого проекта библіотеки—гдѣ бы то ни было и съ какой бы ни было цѣлью,—который бы онъ колебался бы осуществить. Хотѣлось ли Наполеону составить подвижную библіотеку, учредить библіотеку для дѣтей царствующаго дома, составить въ нѣсколькихъ экземплярахъ коллекцію избранныхъ классиковъ; желалъ ли онъ достать новый романъ или какое-нибудь старое сочиненіе — все, что появлялось по какому-нибудь вопросу, или все, что написано о какой-нибудь странѣ,—отвѣтъ получался немедленно, отвѣтъ точный, ясный и полный, со смѣтами и съ картами, если это было нужно. Помимо занятій по библіотекѣ Барбье трудился и на другихъ поприщахъ, въ особенности по части университета и католической церкви; онъ самъ былъ раньше мона-

Пріемъ курьеровъ.

хомъ, но во время революціи разстригся, оставаясь однако католикомъ на свой ладъ,—такимъ, какими были всѣ въ старой Франціи, отъ короля до послѣдняго мірянина. По его мнѣнію, внѣ доктринъ галликанской церкви, выраженныхъ въ четырехъ предложеніяхъ, не существовало ни залога прочности государства, ни гарантіи для самой церкви, которая дошла бы вскорѣ, благодаря крайностямъ ультрамонтанъ, до такихъ обрядовъ благочестія, которыя граничили бы къ идолопоклонствомъ. Барбье всегда выражалъ негодованіе противъ этихъ обрядовъ и противъ тѣхъ, кто ихъ проповѣдывалъ, и его идеи въ этой области до такой степени подходили къ образу мыслей императора, что въ немъ Наполеонъ находилъ незамѣнимаго помощника, одного изъ наиболѣе ловкихъ аргументаторовъ, какихъ когда либо ему приходилось встрѣчать. Барбье довершаетъ характеръ этого кабинета, отличающагося въ одно и то же время ограниченнымъ количествомъ людей и наиболѣе совершеннымъ подборомъ ихъ.

У каждаго была своя спеціальность, и Наполеонъ не жалѣлъ средствъ, чтобы обставить выполненіе ея всѣми необходимыми пособіями. Для картографическаго отдѣла онъ покупаетъ всѣ коллекціи, о которыхъ ему докладываютъ, даже рельефные планы, какъ напримѣръ очень дорогой планъ

Швейцаріи генерала Пфифера; онъ щедро платитъ также за планы его прежнихъ походовъ, за выпускъ въ свѣтъ картъ различныхъ государствъ или предполагаемыхъ войнъ, чертежи тѣхъ путей, которыми можно воспользоваться при вторженіи въ какую-нибудь страну и при завоеваніи ея. Онъ не останавливается ни передъ какой тратой для пріобрѣтенія вещи, полезность которой ему доказана, но роскоши не допускаетъ никакой. На картахъ, исполненныхъ по его приказанію—за исключеніемъ атласа итальянскихъ походовъ,—не было тѣхъ красивыхъ виньетокъ, посредствомъ которыхъ рисовальщики создаютъ себѣ успѣхъ, сообщая пріятную и изящную сторону техническому произведенію. Такъ, на картѣ охотъ, которая была закончена и исправлена по его повелѣнію, заголовокъ совершенно простой и обыкновенный. Къ описаніямъ путешествій съ цѣлью изслѣдованій, какъ, напримѣръ, путешествіе Фрейсине въ южныя страны, выпускавшихся на счетъ императора, прилагались лишь географическіе атласы, въ которыхъ ничто не ласкало взора. Карты, служившія ему самому, были наклеены на толстомъ, прочномъ холстѣ и прятались въ картонный футляръ, покрытый овечьей кожей и ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ такихъ же футляровъ.

Такъ же было и съ книгами; Наполеонъ пріобрѣ-

талъ всѣ, которыя выходили, но обращался съ ними небрежно, просто какъ съ орудіемъ труда. Переплетались онѣ большею частью въ телячью кожу, довольно плохаго качества, съ вытѣсненнымъ на переплетѣ императорскимъ гербомъ и названіемъ библіотеки, къ которой книга относилась, но дѣлалось это безъ всякаго стремленія къ изяществу. Единственныя книги въ изящныхъ переплетахъ, носящія гербъ Наполеона, — это тѣ, которыя были посвящены ему, или которыя онъ самъ кому-нибудь дарилъ. Онъ не скупился на деньги, когда надо было блеснуть пышностью. Книги, напечатанныя по его повелѣнію въ императорской типографіи, большія сочиненія, предназначенныя для подношенія государямъ или сановникамъ, могутъ съ честью выдержать сравненіе съ наиболѣе роскошными изданіями королевской типографіи. Трудно найти что-нибудь подобное „*Греческой и римской иконографіи*“, „*Описанію Египта*“, „*Парижу*“, Бальтара, „*Коронаціонныхъ и свадебныхъ празднествамъ*“ Персье и Фонтена, особенно же огромной книгѣ Изабэ „*Коронація*“. Образцомъ богатства переплетовъ можетъ служить „*Французскій музей*“, экземпляръ котораго сохраняется въ гравюрномъ отдѣленіи дворцовой библіотеки въ С.-Петербургѣ. Каждый томъ этого изданія обошелся въ 11,000 фр.

Но такія книги слишкомъ громоздки, и, въ виду этого недостатка ихъ, Наполеонъ предпочиталъ, чтобы въ книгахъ для собственнаго употребленія, и особенно для его *путевой библіотеки* текстъ былъ напечатанъ вовсе безъ полей,— лучшее доказательство того, что въ книгѣ онъ цѣнилъ не внѣшность, а содержаніе.

Тоже самое доказываютъ и многіе другіе факты. Въ брошюрахъ и романахъ, которыми наполнялась его карета при всякой поѣздкѣ, онъ разрѣзалъ листы пальцемъ и, пробѣжавъ ихъ, выбрасывалъ изъ экипажа. Въ Парижѣ и во дворцѣ они попадали въ каминъ. Если книга возбуждала его особенный интересъ, онъ исписывалъ всѣ поля ея чернилами или карандашемъ.

Но за исключеніемъ брошюръ и романовъ, всякое сочиненіе, показавшееся ему почему либо полезнымъ, сохранялось съ величайшей бережливостью и принимались самыя мелочныя предосторожности противъ утраты книги. По занесеніи ея въ каталогъ, на ней выбивался штемпель: „*Императорскій кабинетъ*“. На о. Св. Елены, за отсутствіемъ такого штемпеля, его замѣняла вымазанная чернилами печать.

Въ шкафахъ книги располагались въ безупречномъ систематическомъ порядкѣ; образцомъ въ этомъ

отношеніи можетъ служить библіотека въ Мальмезонѣ, которою Наполеонъ пользовался всего чаще; и во всѣхъ дворцахъ книги располагались въ томъ же порядкѣ, какъ и въ Мальмезонѣ. Изъ дворцовыхъ библіотекъ книги ни куда не могли быть перемѣщены; если онъ бралъ ихъ съ собою въ походъ, то возвращалъ въ ту же библіотеку. Книги, взятыя имъ изъ Фонтенебло на о. Эльбу, по возвращеніи, были сданы на прежнее мѣсто.

Томикъ „*Исторіи Франціи*“, цѣною въ пятнадцать су, взятый изъ вѣнской библіотеки въ 1809 г. и утерянный императоромъ, безпокоилъ его нѣсколько дней, и онъ велѣлъ купить все сочиненіе, чтобы пополнить утраченный томъ. Прочитанная имъ книга уже никогда не забывалась; если библіотекарь впослѣдствіи не могъ ее сразу найти, то Наполеонъ подробно описывалъ ея обложку, цвѣтъ, корешокъ, и говорилъ, въ какомъ мѣстѣ и въ какомъ шкафу она должна стоять.

То же самое и относительно бумагъ. Роскоши никакой; со времени своего восшествія на престолъ, императоръ вывелъ изъ употребленія тѣ удивительные заголовки, которые Роже выгравировалъ для консульскихъ постановленій и писемъ и которые вносили драгоцѣнную ноту искусства въ самыя серьезныя дѣла. Указы и пожалованія, декреты и

отношенія—все стало писаться на совершенно простой бумагѣ или пергаментѣ. Двойной филигранъ съ изображеніемъ на одной сторонѣ головы Наполеона въ лавровомъ вѣнкѣ, а на другой—императорскаго орла, былъ уже плодомъ изобрѣтательности бумажныхъ фабрикантовъ. Для писемъ императоръ употреблялъ бумагу съ золотымъ обрѣзомъ, но только потому, что этого требовалъ этикетъ; бумага была толстая, плотная, но безо всякихъ каемокъ или символическихъ фигуръ, которыя въ тѣ дни служили однимъ изъ проявленій дамскаго изящества. Зато никто не былъ искуснѣе Наполеона въ классификаціи бумагъ, въ группировкѣ дѣлъ, въ размѣщеніи ярлыковъ. Всѣ дѣла были одинаковаго размѣра въ одинаковыхъ папкахъ и расположены въ одномъ и томъ же порядкѣ. Столь же аккуратно обращался онъ и со всякаго рода смѣтами. У него были портфели, гдѣ всѣ бумаги располагались по вѣдомствамъ, и ключи отъ этихъ портфелей находились у него; другіе портфели перевозились изъ министерствъ въ Тюльери, причемъ одинъ ключъ находился у министра, а другой у императора. Онъ самъ располагалъ и приводилъ въ порядокъ эти портфели.

Свѣдѣнія объ иностранныхъ арміяхъ и флотахъ помѣщались у него въ ящикѣ съ отдѣленіями, въ

которыхъ надписанныя карточки изображали полки и суда. Эти ящики онъ лично заказалъ Бертье (быть можетъ по указаніямъ г-жи Кампанъ, отецъ которой, Жене, могъ ознакомиться съ этой системой при Людовикѣ XVI въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ). Наполеонъ уплатилъ за эти ящики Бьеннэ изъ своей малой шкатулки сумму въ 2,050 франк.

Подобныя же собранія свѣдѣній были у него по всѣмъ другимъ предметамъ, между прочимъ, словарь лицъ, по разрядамъ или по штатамъ. Одинъ изъ племянниковъ императора разсказывалъ, что Наполеонъ ежедневно получалъ и носилъ при себѣ, написанные на очень узкомъ листкѣ бумаги, послужные списки тѣхъ, кого онъ называлъ „богатствомъ“ Франціи, а также и свой собственный, служившій залогомъ ея богатства. Эту бумажку онъ носилъ въ карманѣ и обращался къ ней по нѣсколько разъ въ день.

Только при такихъ приспособленіяхъ, при той страсти къ порядку и къ методичности, которую всюду вносилъ Наполеонъ, и при томъ подборѣ лицъ, которымъ онъ окружалъ себя, становится вѣроятной та масса труда, которую онъ потратилъ въ теченіе своей жизни,—труда, въ десятеро превосходящаго всякое представленіе о немъ, такъ какъ

умъ его не только обнималъ все въ цѣломъ, но и входилъ въ мельчайшія подробности, и можно сказать, что въ теченіе четырнадцати лѣтъ мысль Наполеона работала за восемьдесятъ милліоновъ человѣкъ.

VII.

Работа.

Императоръ вошелъ въ кабинетъ; двери заперты и хорошо охраняются, чтобы никто туда не проникъ. Онъ снялъ шпагу, бросилъ ее вмѣстѣ со шляпой на стулъ и присѣлъ на козетку, чтобы просмотрѣть письма, лежащія на маленькомъ столикѣ, а потомъ сталъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ. Секретарь сидитъ за своимъ маленькимъ столомъ въ амбразурѣ окна, спиною къ саду, въ которомъ нерѣдко останавливаются любопытные, глядя на мелькающую тѣнь.

Императоръ диктуетъ. По мѣрѣ овладѣванія предметомъ и сосредоточенія мысли, шаги его ускоряются, рѣчь становится быстрѣе, кисть правой руки то и дѣло сгибается, потягивая обшлагъ мундира. Онъ не заботится о томъ, поспѣваетъ ли секретарь писать за нимъ,—это уже его дѣло. Отъ секретаря не требуется, чтобы онъ старался придать литературную форму тому, что пишетъ; онъ отмѣ-

чаетъ только характерныя выраженія и періоды, и на основаніи сдѣланныхъ замѣтокъ выясняетъ потомъ основную мысль Наполеона, въ менѣе образной формѣ,—конечно, и безъ той горячности, какую она имѣетъ въ импровизаціи. Для Наполеона важна только мысль и всѣ слова хороши, которыя передаютъ ее. Онъ говоритъ не задумываясь, не боится употреблять рѣзкое, но яркое слово, придавать выразительность своей мысли, хотя бы и неправильнымъ оборотомъ рѣчи. Въ нѣкоторыхъ изъ продиктованныхъ имъ черновыхъ, сохранившихся какимъ-то чудомъ, какъ будто чувствуется ритмъ его походки, внезапныя остановки, бросаніе словъ на ходу. Вамъ слышится его голосъ въ написанныхъ словахъ.

Меневаль писалъ быстро, безъ остановки, съ очень большими сокращеніями, но читается его рукопись довольно легко, за исключеніемъ нѣкоторыхъ именъ, отмѣченныхъ лишь начальною буквой и вызывающихъ поэтому сомнѣнія. Кто бы ни писалъ—Фэнъ, Кларкъ, Депонтонъ, ординарцы или начальникъ штаба,—общій характеръ рукописи всегда одинаковъ: та же способность подыскивать характерное и мѣткое слово, та же ясность изложенія, та же точность выраженія и простота въ конструкціи фразы. При редактированіи написаннаго оста-

валась лишь очень легкая работа — исключить лишнее, но и эта работа сводилась къ пустякамъ, какъ видно изъ сравненія продиктованныхъ черновиковъ съ письмами, написанными на бѣло, которыя Наполеонъ просматривалъ и подписывалъ. (Имѣются письма, принадлежащія несомнѣнно Наполеону, но подписанныя по его приказанію рукою Бертье; въ рѣдкихъ случаяхъ подписывалъ секретарь, но нѣтъ основаній предполагать, чтобы и эти письма не просматривались самимъ императоромъ). Редактированіе заключалось въ удаленіи повтореній, въ измѣненіи слишкомъ рѣзкихъ выраженій, въ сжатіи предложеній и литературной обработкѣ написаннаго. Поправки при редактированіи были крайне ничтожны, какъ бы мало ни былъ свѣдущъ писецъ, и этимъ объясняется, что несмотря на то, что при императорѣ послѣдовательно находились три личныхъ секретаря и что онъ часто прибѣгалъ съ тою же цѣлью къ Бертье, къ Маре, Дюроку, несмотря на то, что писали ему и дворцовый префектъ, и ординарецъ, и даже камердинеръ, если послѣдній былъ грамотнымъ; несмотря на все это, можно безошибочно признать его стиль, и не возможно опредѣлить, кто изъ секретарей редактировалъ написанное, до такой степени много общаго было въ произведеніяхъ Наполеона, такъ много одинаковыхъ оборотовъ, до та-

кой степени въ теченіе всей его жизни одинаковые пріемы въ работѣ обусловливали одинаковые результаты, кто ни служилъ бы при этомъ орудіемъ выполненія.

Диктуя, Наполеонъ имѣлъ нерѣдко передъ глазами донесенія и письма, на которыя ему слѣдовало отвѣтить, но въ значительномъ числѣ случаевъ онъ сочинялъ motu proprio, безъ всякаго внушенія извнѣ: его мысль всегда оригинальна и самостоятельна. Идея, зародившаяся въ его умѣ, проходила въ немъ черезъ всѣ фазы своего развитія. Онъ не терялъ ее изъ виду среди хаоса своихъ разнообразныхъ проектовъ, среди массы писемъ и депешъ, которыя ежедневно прилетали въ курьерскихъ сумкахъ и заваливали его столъ, и вынашивалъ до полной зрѣлости. Идеѣ отводилось надлежащее мѣсто въ одномъ изъ безчисленныхъ ящичковъ его мозга и, когда наступало время осуществить ее, она появлялась на свѣтъ такою же свѣжею и ясною, какою вошла туда. Ежедневно съ одинаковой легкостью Наполеонъ извлекаетъ изъ тайниковъ своего мозга десять, пятнадцать, двадцать идей: есть онѣ у него для войны, для каждой арміи, для каждаго полка, почти для каждой роты; есть для двора и церемоніала, есть для управленія провинціями, для юстиціи, вѣроисповѣданій, путей сообщенія. Однѣ

касаются внѣшнихъ отношеній, дружелюбныхъ или враждебныхъ, другія—каждаго морскаго сооруженія, каждаго портоваго города. Возьмемъ его письма за одинъ какой-нибудь день,—напримѣръ за день 7-го февраля 1810 года, и предположимъ, что всѣ письма, написанныя имъ въ этотъ день, занесены въ *корреспонденцію*. Вотъ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ день за днемъ, часъ за часомъ, указанъ планъ путешествія Маріи Луизы; ни одна мелочь не пропущена, всѣ этапы указаны. Вотъ нота къ министру финансовъ и военному министру, съ проектомъ декрета о разложеніи расходовъ, обнаруживающимъ опытнаго финансиста; вотъ письмо къ военному министру о расходахъ на содержаніе дивизіи Молитора въ ганзейскихъ городахъ; письмо къ нему же, опредѣляющее такъ называемое второе движеніе германской арміи, съ указаніемъ маршрута каждой бригады, каждаго полка; письмо по поводу оккупаціи части Голландіи, письмо къ ректору университета, заключающее въ себѣ педагогическіе совѣты касательно организаціи этого учрежденія, а также и его привиллегій. Но, конечно, все это одна десятая часть отправленныхъ въ этотъ день писемъ.

Диктованіе писемъ было, однако, наименьшей частью трудовъ императора. Каждый министръ пред-

ставлялъ или присылалъ полный портфель бумагъ и каждая бумага, прочитанная императоромъ, носитъ на поляхъ его отвѣтъ. Обыкновенно отвѣтъ кратокъ, но настолько опредѣленъ и точенъ, что не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ. Наполеонъ переходитъ отъ одного дѣла къ другому съ такою же легкостью, какъ отъ сна къ пробужденію, и безъ заминки перешагиваетъ отъ военнаго вѣдомства къ публичнымъ работамъ, отъ иностранныхъ дѣлъ къ морскимъ, тотчасъ находя, что нужно сказать,— касается ли дѣло отдѣльнаго лица или принципа, или требуетъ общаго вывода изъ частнаго факта.

Однажды утромъ, чистя во время туалета ногти, Наполеонъ сказалъ: «Я созданъ для работы... разумѣется, не заступомъ. Я не знаю того предѣла, до котораго я способенъ работать». Дѣйствительно, онъ не зналъ такого предѣла съ 1795 по 1814 г. Но въ 1815 году уже замѣчается утомленіе. Онъ не садится уже за работу съ прежнимъ воодушевленіемъ, не справляется съ нею съ прежней самоувѣренностью; на него какъ будто находятъ часы обезкураженности, хотя все же онъ не упускаетъ никакого дѣла и каждое доводитъ до конца. Для каждаго дѣла требуются спеціальныя познанія—и онѣ есть у него; для каждаго нужно помнить факты прошлаго—онъ ихъ помнитъ; нужно предвидѣть бу-

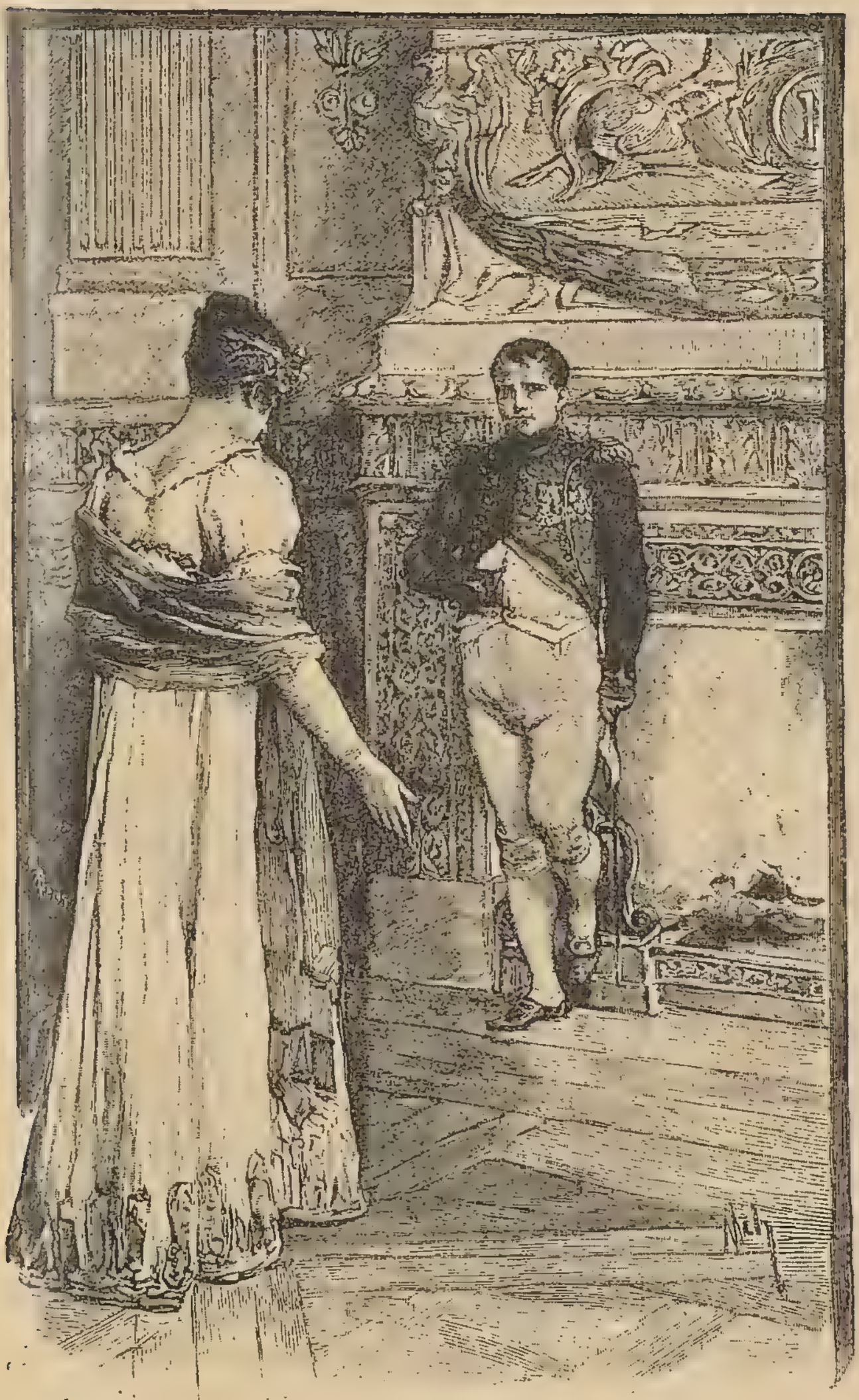
дущее—онъ предвидитъ его; требуются подробности—онъ ни одной не упуститъ. Ему очень рѣдко приходится обращаться къ архивамъ кабинета и еще рѣже къ архивамъ государственнаго совѣта. Все уже распредѣлено и занесено въ его памяти, и память эта до такой степени послушна ему, что предъявляетъ ему требуемую справку лишь въ тотъ моментъ, когда это нужно. Воспоминанія не осаждаютъ его, но вызывать ихъ для него не составляетъ труда. Они являются когда нужно безъ всякихъ усилій, безъ всякаго напряженія; закрывъ одинъ кранъ, Наполеонъ открываетъ другой, дающій такую же обильную струю, какъ и первый, потомъ третій и такъ безъ конца.

Что касается до идей, возникавшихъ въ умѣ Наполеона, то онъ любилъ облекать ихъ въ форму и развивать до мельчайшихъ деталей, независимо отъ того, предназначаются ли онѣ къ выполненію, или нѣтъ. Повидимому, онъ создавалъ и такіе планы, которыхъ не предполагалось осуществить; они были просто игрой его воображенія, хотя казались совершенно созрѣвшими. И однако въ немъ всегда замѣчалось стремленіе воплощать мысль въ дѣло и не удовлетворяться мечтами. Какъ бы ни были невѣроятны фантазіи, которыми онъ услаждался, онѣ не могли быть невѣроятнѣе его соб-

ственной судьбы и нравились ему лишь въ томъ случаѣ, если онъ могъ, хотя бы только мысленно, доказать себѣ возможность ихъ осуществленія посредствомъ тѣхъ практическихъ способовъ, до которыхъ онъ додумался. Эти мечты были для него игрой, но игрой опасной, такъ какъ убѣдившись, что въ нихъ нѣтъ ничего невозможнаго для него, онъ желалъ доказать это и другимъ.

Можно подумать, что диктованіе этихъ проектовъ происходило лишь въ досужные часы, на самомъ же дѣлѣ это было не такъ. Во первыхъ, у Наполеона вовсе не было свободныхъ дней; во вторыхъ, именно въ наиболѣе занятые дни, полные неотложнаго, спѣшнаго труда, ему и приходили въ голову подобныя фантазіи, словно онъ желалъ развлечься ими, внести долю вымысла въ окружающую дѣйствительность; но, повторяемъ, эти вымыслы удовлетворяли его лишь въ томъ случаѣ, если ему казалось возможнымъ осуществить ихъ.

Слишкомъ много говорилось о томъ, что Наполеонъ только подписывалъ и ничего не писалъ. Въ сущности уже и одно подписываніе составляло значительный трудъ, такъ какъ у него не было *секретаря для подписей*, какъ при королях, и каждая его подпись была дѣйствительно сдѣлана имъ собственноручно, заключалась ли она въ пол-



Аудіенція.

номъ имени „*Napoleon*“, какъ подъ письмами къ коронованнымъ особамъ, или „Napol“ и „Nap“— при сношеніяхъ съ сановниками, или просто „N“ самой разнообразной формы — подъ указами. Подписи эти можно считать милліонами. Въ „*корреспонденціи*“ ихъ 22,000, но тамъ нѣтъ и одной стотысячной части всѣхъ его писемъ, приказовъ, постановленій: тамъ нѣтъ ни одного декрета, ни одной грамоты, ни одного патента, брачнаго контракта, указа о назначеніи или увольненіи, повелѣнія объ арестованіи или помилованіи, ни одного изъ тѣхъ лоскутковъ бумаги или пергамента, которые ежедневно разносили по всей имперіи, обнимавшей всю Европу, милость или кару людямъ всѣхъ іерархическихъ степеней—юридической, административной, финансовой, военной. У этого огромнаго тѣла было одно сердце, къ которому кровь притекала по всѣмъ венамъ и опять разгонялась по всѣмъ артеріямъ. Это сердце — Наполеонъ; кровью была его мысль, работавшая безъ устали, не оставлявшая безъ отвѣта ни одного запроса, постоянно выражаясь въ этомъ видимомъ глазу „N“, вокругъ котораго расщемленное перо разбрасывало какъ бы ореолъ, и мужественный штрихъ котораго обличалъ сознаніе властной воли.

Но Наполеонъ не только подписывалъ. Имъ на-

писано множество примѣчаній на поляхъ, интимныхъ писемъ къ роднымъ, къ Жозефинѣ и Маріи-Луизѣ, къ европейскимъ государямъ, и безчисленное множество писемъ къ главнокомандующимъ арміями. Когда встрѣчались вычисленія, онъ бралъ перо и собственноручно дѣлалъ на поляхъ сложеніе и вычитаніе, указывалъ до мельчайшихъ подробностей, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать бюджетныя статьи, указывалъ или добавлялъ ихъ при обсужденіи, какъ общаго государственнаго бюджета, такъ и бюджетовъ отдѣльныхъ министерствъ, итальянскаго королевства, великаго герцогства бергенскаго, или бюджета собственнаго двора.

Ему представляютъ первую смѣту, въ различныхъ рубрикахъ которой показаны кредиты, утвержденные въ предшествовавшіе года, и кредиты предположенные на предстоящій бюджетный годъ. Онъ обсуждаетъ каждую статью, пишетъ на поляхъ меньшую сумму, провѣряетъ сложеніе, ошибается—непремѣнно въ свою пользу—и закругляетъ итогъ, откидывая еще пятьдесятъ или сто тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, въ смѣтѣ на содержаніе императорскаго дома, ему удалось изъ представленной суммы въ 48.045,922 фр. 72 сант. оттягать 7.275,060 фр. 18 сантимовъ.

Достигнутыя сбереженія возбуждали въ немъ

большое удовольствіе, но для этого ему необходимо было во всемъ отдавать себѣ отчетъ. Однажды его вниманіе привлечено было расходомъ на кофе. Узнавъ, что ежедневно его дворъ потребляетъ 155 чашекъ кофе, онъ вычислилъ, что каждая чашка обходится въ 20 су, при цѣнѣ кофе въ 5 франковъ за фунтъ и сахара — въ 4 франка, и что въ годъ это составитъ 56,575 франковъ. Кофе перестали выдавать натурой и стали давать вмѣсто него деньги; всѣ остались при этомъ довольны за исключеніемъ горничныхъ Жозефины, для которыхъ это было менѣе выгодно, а Наполеонъ сберегъ на бюджетѣ двора 35,000 франковъ Въ другой разъ его вниманіе обратила на себя стирка, стоившая чрезвычайно дорого; онъ велѣлъ составить точное росписаніе цѣнъ для каждой вещи и въ результатѣ фантастическія цѣны были приведены въ надлежащую норму.

Наполеонъ не допускалъ повышенія цѣнъ, къ которому были склонны завѣдующіе отдѣльными службами; всякій расходъ, до самаго мелочнаго включительно, долженъ былъ на чемъ-нибудь основываться. Если представленныя объясненія не удовлетворяли его, немедленно писалась записка къ главному интенданту и наводилась справка. „Было бы истиннымъ злоупотребленіемъ, писалъ онъ, увели-

чивать штаты моего двора, когда ни одинъ изъ генераловъ или министровъ не въ правѣ дѣлать это". Но въ то же время онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто не смѣлъ увольнять его служащихъ, съ цѣлью провести на мѣсто уволеннаго своего фаворита. Онъ зналъ, кто ему служитъ и кто служилъ ему раньше, и если до его свѣдѣнія доходила сдѣланная несправедливость, то завѣдующему данной частью службъ приходилось плохо. Императоръ не допускалъ, чтобы кто-нибудь изъ его старыхъ служителей, вслѣдствіе болѣзни или полученныхъ ранъ, впадалъ въ нищету, — и очень заботился о всѣхъ, кто служилъ ему въ началѣ его феноменальной карьеры. Въ 1809 году, въ день сраженія при Ландсгутѣ, съ главнымъ контролеромъ кухни, Фишеромъ, уже довольно давно страдавшимъ бредомъ преслѣдованія, случился припадокъ бѣшенства. Пришлось отправить его обратно во Францію, и въ Страсбургѣ, гдѣ съ нимъ произошелъ новый припадокъ, помѣстить въ больницу для умалишенныхъ. Императоръ, у котораго Фишеръ находился въ услуженіи по крайней мѣрѣ со времени египетской экспедиціи, не желалъ никѣмъ замѣнять его и все ждалъ его выздоровленія. Лишь 30 декабря 1812 года, то есть спустя четыре года, втеченіе которыхъ Фишеру выплачивалось его полное содержаніе въ

12,000 франковъ, Наполеонъ согласился уволить его съ пенсіей въ 6,000 франковъ. Этотъ человѣкъ пользовался, впрочемъ, исключительнымъ довѣріемъ; но то же самое было и по отношенію ко всякому другому служителю; такъ, одинъ бѣдняга кучеръ, вѣчно пьяный, вопреки шталмейстеру, трижды увольнявшему его, снова принимался всѣ три раза на службу во вниманіе къ тому, что онъ правилъ фурой во время битвы при Маренго. Кто дѣлилъ съ Наполеономъ опасности, тотъ долженъ былъ дѣлить и почетъ. По возвращеніи съ острова Эльбы, онъ самолично распорядился, чтобы сопровождавшіе его въ изгнаніе сохранили за собою въ Тюльери тѣ должности, которыя они занимали въ Порто-Феррайо; извѣстно также, какъ онъ вознаградилъ служившихъ ему на о-вѣ Св. Елены.

Точный и распорядительный въ государственныхъ финансахъ, онъ оставался такимъ же и по отношенію къ своимъ карманнымъ деньгамъ, — къ такъ называемой *малой шкатулкѣ*, находившейся въ завѣдываніи личнаго секретаря. Почти каждый мѣсяцъ, гдѣ бы ни находился Наполеонъ, въ Парижѣ или въ Шенбруннѣ, въ Берлинѣ или Мадридѣ, въ Вѣнѣ или въ Сморгони, онъ устанавливалъ расходъ и приходъ, производилъ сложеніе и вычи-

таніе, и полностью подводилъ итогъ, чаще всего въ такой формѣ:

„Приходъ — 44.800, расходъ — 39.800, въ остаткѣ — 5,000, плюсъ — 15,000 отъ прошлаго марта. Итого 20,000“.

„N“.

30-го марта.

Личный секретарь вноситъ поправку: „Въ сложеніе вкралась ошибка на 40 фр., что уменьшаетъ сумму остатка до 4,960 фр.“. Чаще всего императоръ не ограничивается при подписи обозначеніемъ даты, а помѣчаетъ также и мѣсто, до такой степени умъ его точенъ и щепетиленъ. Во время большихъ сраженій онъ понялъ, какъ важно помѣчать письмо, не только мѣстомъ и днемъ, но также часомъ и минутой, въ которые оно написано. Онъ сердился, получая письма безъ такихъ помѣтокъ, и сохранялъ во дворцѣ привычки, усвоенныя на полѣ сраженія.

Почеркъ у Наполеона былъ плохой, особенно въ болѣе длинныхъ письмахъ. Но примѣчанія на поляхъ большею частью читаются легко, причемъ особенно четко писалъ онъ цифры. Несомнѣнно, что почеркъ его, дурно выработанный въ дѣтствѣ, впослѣдствіи еще ухудшился по причинѣ его близорукости; буквы

нѣкоторыхъ извѣстныхъ его актовъ, чаще всего приводимыхъ въ факсимиле, какъ напримѣръ, актъ отреченія и письмо къ принцу регенту, не могутъ считаться въ этомъ отношеніи типичными: написаны они дрожащею рукою и съ волненіемъ, которое оправдывалось минутой; вообще же написанное имъ при обыкновенныхъ условіяхъ читается довольно легко. Рѣчь, сказанная императоромъ на Майскомъ полѣ и дословно записанная имъ собственноручно на отдѣльныхъ листкахъ бумаги, представляетъ вполнѣ ясный почеркъ. Наполеонъ могъ, когда хотѣлъ, писать разборчиво, но несомнѣнно, что онъ прилагалъ къ этому стараніе, которое утомляло его.

Затрудненіе усложнялось его орфографіей, зачастую неправильной; причиною этого было отчасти его итальянское происхожденіе, благодаря которому онъ нерѣдко вмѣсто C писалъ G, напримѣръ въ словѣ cabinet, вмѣсто котораго у него выходитъ gabinet (также Gaffarelli, вмѣсто Caffarelli); отчасти умышленное непризнаваніе нововведеній въ орфографіи, особенно въ именахъ собственныхъ, которыя онъ изображалъ такъ, какъ произносилъ. Онъ всегда писалъ, вмѣсто Talleyrand,—Tayerand - или Tailleran, какъ всѣми произносилось по традиціи это имя. Также точно искажалъ онъ и другія имена, даже людей, которыхъ хорошо зналъ; вмѣсто Та-

scher—фамилія отца его жены—онъ писалъ *Tachère*. Фамилію своего секретаря, Meneval, онъ превратилъ, уже безъ всякаго повода, въ Menevalle. Говорятъ, что разъ какое-нибудь слово, особенно имя собственное, вошло въ его память съ опредѣленной орѳографической физіономіей, хотя бы и совершенно неправильной, онъ уже всегда писалъ его въ этомъ видѣ, и ничто на свѣтѣ не могло бы заставить его писать иначе. Шапталь цитируетъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ этого, причемъ выражаетъ удивленіе, хотя скорѣе можно было бы удивляться противному. За исключеніемъ цифръ (бюджетовъ, штатовъ и проч.), Наполеонъ гораздо легче усваивалъ все ухомъ, чѣмъ глазами, и звуки вообще имѣли для него совершенно особенное значеніе. Во времена консульства, на многочисленныхъ совѣщаніяхъ со свѣдущими людьми, онъ пріобрѣлъ массу познаній въ области финансовъ, промышленности, торговли, администраціи, международныхъ сношеній; и эти познанія были усвоены имъ не изъ книгъ, а изъ разговоровъ. Онъ ничего не забывалъ; по какимъ ему послышалось впервые какое-нибудь слово, такимъ оно для него и оставалось Это ничему не мѣшало: онъ могъ писать, какъ угодно, и произносить, какъ ему нравилось, — онъ умѣлъ заставить понять себя.

Помимо диктованія, рукописная бумага составляла незначительную часть того, что исходило изъ кабинета, даже можно сказать, что рукописи составляли лишь часть продиктованнаго матеріала. Гораздо болѣе значительная часть подготовлялась спеціальными занятіями съ каждымъ изъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Совѣтъ министровъ созывался императоромъ рѣдко, можно даже сказать, что, за исключеніемъ мрачныхъ дней 1813 и 1814 годовъ, онъ ни разу не былъ созванъ въ томъ видѣ, какъ это дѣлается теперь. Большихъ совѣщаній съ сановниками, быть можетъ, также нельзя насчитать болѣе пяти за все царствованіе. Были совѣщанія по внутреннему управленію, по торговлѣ, по вѣдомству путей сообщенія, были совѣщанія инженерныя, дворцовыя, всякаго рода спеціальныя и техническія, но никогда Наполеонъ не забывалъ, что, по конституціи, министры назначаются имъ единолично и никоимъ образомъ не образуютъ самостоятельнаго корпуса. Каждый изъ нихъ работаетъ съ нимъ поочередно, точно такъ же, какъ и главные директора различныхъ вѣдомствъ, изъ которыхъ иные имѣли болѣе широкую сферу дѣятельности, чѣмъ министерство.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ, чисто декоративныхъ должностей, имѣющихъ значеніе лишь при

дворѣ, въ разнаго рода церемоніяхъ и при принятіи присяги, всѣ остальныя должности требовали непрерывнаго участія, неуклоннаго вниманія и привычки воспринимать волю государя. Посмотримъ, что представляло собою въ то время правительство имперіи.

Принцъ великій канцлеръ Камбасересъ, не будучи министромъ, постоянно приглашался на совѣщанія; въ отсутствіе императора, онъ объединяетъ работы министровъ, руководитъ преніями государственнаго совѣта, принимаетъ неотложныя мѣры. При императорѣ онъ не довольствуется одною только представительною ролью и однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Парижѣ, но подаетъ по всѣмъ вопросамъ свое зрѣло обдуманное мнѣніе, чуждое угодливости и стоющее быть взвѣшеннымъ. Это по преимуществу законовѣдъ и сторонникъ легальности.

Главному казначею Лебрену, пользовавшемуся вначалѣ большимъ вліяніемъ и больше чѣмъ кто-либо содѣйствовавшему искорененію злоупотребленій въ администраціи финансовъ, виновники которыхъ были ему хорошо извѣстны, чаще всего поручалось во времена имперіи управленіе вновь присоединенными провинціями.

Остальные крупные сановники появлялись рѣдко, занятые большую часть времени внѣ дворца; во вся-

кое время имѣлъ еще туда доступъ государственный секретарь, черезъ руки котораго проходили всѣ акты, касающіеся департаментовъ отдѣльныхъ министерствъ, всѣ резолюціи Наполеона принимаемыя motu proprio, всѣ подписанныя имъ бумаги. Все, что получало въ личномъ кабинетѣ свою окончательную форму, отправлялось зарегистрованное въ государственный секретаріатъ. Тамъ было много писцовъ, обладавшихъ красивымъ почеркомъ, и мелкихъ чиновниковъ, на которыхъ лежала отвѣтственность за опозданіе или за ошибку въ передачѣ.

При другомъ государѣ и при другомъ режимѣ, государственный секретарь былъ бы однимъ изъ важнѣйшихъ чиновъ имперіи; при Наполеонѣ же онъ стается лишь первымъ исполнителемъ велѣній, отъ котораго требуются только пунктуальность, аккуратность и точность, но не требуется ни идей, ни даже дальнѣйшаго развитія мыслей государя или истолкованія ихъ. Такой порядокъ возможенъ только при Наполеонѣ.

Много разныхъ лицъ занимало при императорѣ эту довѣренную должность, но только одинъ изъ нихъ выполнялъ ее хорошо, потому что, кромѣ полнѣйшей преданности и примѣрнаго усердія, онъ проявлялъ полную и въ то-же время дѣятельную подчиненность. Ему не было надобности думать самому,

а приходилось только воспринимать мысли своего повелителя и согласовать съ ними дѣйствія, и онъ прекрасно выполнялъ это, всегда готовый къ дѣлу, внимательный, неутомимый. Поставленный потомъ во главѣ департаментовъ онъ сталъ менѣе полезенъ, такъ какъ въ немъ заключались именно качества, драгоцѣнныя въ государственномъ секретарѣ. Онъ удостоился чести нажить себѣ врага въ лицѣ Талейрана, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы съострить надъ нимъ. Одна изъ такихъ остротъ особенно знаменита: „Только одинъ человѣкъ глупѣе Маре", сказалъ Талейранъ. — „Кто же? спросилъ одинъ изъ его прихвостней. — „Это герцогъ Бассано". Такая ненависть объясняется тѣмъ, что Маре обладалъ двумя добродѣтелями ненавистными для принца Беневентскаго—мужествомъ и преданностью.

Государственный секретарь слѣдовалъ за императоромъ въ походъ, на дачу,—всюду. Въ Парижѣ онъ жилъ совсѣмъ рядомъ съ Тюльери на Карусельской площади, и его ежеминутно призывали во дворецъ. На немъ лежала большая часть кабинетной работы. Послѣ него слѣдуетъ назвать министра юстиціи, маленькаго Ренье, бывшаго адвокатомъ въ Нанси, сдѣлавшагося графомъ Гронау, потомъ герцогомъ де Масса,—однимъ изъ наиболѣе значитель-

ныхъ лицъ имперіи, въ которомъ однако трудно было найти какія нибудь достоинства, кромѣ развѣ его участія въ 18-мъ брюмера. Но, по крайней мѣрѣ, онъ былъ аккуратенъ и трудолюбивъ, а такія качества были необходимы для отправленія правосудія въ 130 департаментахъ, для наблюденія за личнымъ составомъ болѣе чѣмъ пятисотъ судовъ первой инстанціи и тридцати шести императорскихъ судовъ; для мирнаго приведенія въ дѣйствіе въ присоединенныхъ государствахъ Кодекса Наполеона безъ ущерба для интересовъ тѣхъ, кто существуетъ отправленіемъ правосудія, и для регулированія ихъ привилегій и установленія наказаній за злоупотребленія. Всякое помилованіе, исходившее отъ императора, гарантировалась пергаментомъ за его подписью, всякое назначеніе, начиная съ извѣстной степени, также подписывалось имъ; онъ не утверждалъ ни одного представленія къ повышенію, не наведя предварительно справокъ. Въ кассаціонномъ судѣ, напримѣръ, онъ словно далъ законъ не назначать никого изъ чиновниковъ безъ рекомендаціи высшаго начальства. Можно себѣ представить послѣ этого, что такое былъ портфель юстиціи!

Въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ всякая курьерская сумка, куда бы она ни являлась, проходила черезъ руки императора, руководившаго политикою

единолично. Онъ составлялъ свои депеши съ Талейраномъ, который подправлялъ ихъ со своими помощниками, возстановлялъ въ нихъ съ необыкновеннымъ искусствомъ характерныя выраженія императора и возвращалъ обратно въ Тюльери. Съ преемниками Талейрана трудъ Наполеона еще увеличился: Шампаньи смыслилъ мало, Маре ничего не смыслилъ. Шампаньи искажалъ мысль, Маре, что еще хуже, воспроизводилъ фразу буквально. Талейранъ былъ вѣроломенъ, Шампаньи честенъ, Маре преданъ, но Талейранъ понималъ Наполеона.

Разумѣется, восемьдесятъ лѣтъ назадъ курьерская сумка министерства иностранныхъ дѣлъ была далеко не такихъ размѣровъ, какъ въ наши дни. Почтовыя сношенія были несравненно рѣже, а военное положеніе Европы еще болѣе затрудняло ихъ; для частныхъ лицъ она почти совсѣмъ отсутствовала; число консульствъ было ничтожнымъ, мореходства почти не существовало. Понятно, что для веденія переговоровъ требовалось гораздо болѣе искусства и осторожности при такомъ порядкѣ, когда съ момента отправки курьера до его возвращенія проходилъ цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго событія продолжали развиваться и всѣ шахматы успѣвали перестанавливаться.

Въ отсутствіе министра императоръ очень часто

принималъ вмѣсто него одного ихъ государственныхъ совѣтниковъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, хранителя департаментскаго архива де-ла-Нотъ д'Отривъ. Д'Отриву спеціально поручалось освѣщать настоящее положеніе вещей посредствомъ минувшаго, блюсти политическія традиціи Франціи и подыскивать прецеденты. Онъ былъ для иностраннаго вѣдомства тѣмъ же, чѣмъ Барбье для католической церкви, но съ бо̀льшимъ авторитетомъ, съ бо̀льшей отвѣтственностью и съ бо̀льшими отличіями. Это былъ самый подходящій человѣкъ для своей роли, и онъ отлично зналъ это; даже его внѣшность, его ростъ въ пять футовъ и восемь дюймовъ, выразительное лицо, и длинные волосы, жесткіе и щетинистые, прибавляли ему авторитета. Онъ внушалъ уваженіе даже самому императору.

Разсказываютъ, что однажды д'Отривъ, во время аудіенціи, подалъ Наполеону докладъ объ одной женщинѣ изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Дѣло шло о жизни, а женщина была мать многихъ дѣтей. Отривъ сталъ читать докладъ, но императоръ въ раздраженіи прервалъ его: „Вы хотите, чтобы я съ бабами возился! Что это значитъ?“ Онъ выхватилъ докладъ изъ рукъ д'Отрива и сталъ быстро ходить по комнатѣ, размахивая бумагой и повторяя: „Съ бабами возиться! съ бабами!“ Д'Отривъ

бѣжитъ за нимъ, догоняетъ его, отнимаетъ у него бумагу и дочитываетъ докладъ до конца. Наполеонъ, успокоившись, подошелъ къ нему, и просто сказавъ: „Ну, разъ куда ни шло!“ согласился съ заключеніемъ [1]).

Точно такъ же и въ дѣлѣ Жерара де Реневаля, въ вопросѣ о привилегіяхъ иностранныхъ пословъ д'Отривъ, какъ старый кабанъ, упрямо отстаиваетъ

---

[1]) Такова версія Арто, который былъ когда-то, по докладу д'Отрива, отрѣшенъ отъ должности, а впослѣдствіи сталъ его біографомъ и имѣлъ въ рукахъ его бумаги. Однако, существуетъ еще другая версія того же эпизода, которая, не измѣняя сущности дѣла относительно Наполеона, придаетъ некрасивую окраску поступку д'Отрива. По словамъ барона Паскье, котораго также можно считать человѣкомъ хорошо освѣдомленнымъ, докладъ этотъ касался вовсе не женщины изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, а вопроса о томъ, участвовалъ ли Талейранъ вмѣстѣ съ Фуше въ переговорахъ, веденныхъ Увараромъ съ англичанами. Д'Отривъ, всѣмъ обязанный Талейрану и служившій ему болѣе, чѣмъ Наполеону, совершенно, будто бы, обѣлилъ своего бывшаго патрона, хотя зналъ несомнѣнно, что принцу Беневентскому были хорошо извѣстны всѣ подробности интриги, если даже предположить, что онъ самъ не руководилъ ею. При чтеніи этого лживаго доклада, Наполеонъ вырвалъ бумагу изъ рукъ д'Отрива, но тотъ взялъ ее назадъ и хладнокровно дочиталъ до конца. Очевидно, что въ этомъ случаѣ инстинктъ удивительно послужилъ Наполеону, который сразу, хотя и смутно, почувствовалъ измѣну. Съ другой стороны, позволяя убѣдить себя этому теоретику внѣшней политики, человѣку хотя и честному, но честность котораго въ данномъ случаѣ представляется сомнительною, Наполеонъ даетъ тѣмъ самымъ неопровержимое доказательство того, что онъ способенъ былъ *слушаться совѣтовъ*.

Засѣданіе Государственнаго Совѣта.

свое мнѣніе и Наполеонъ, убѣжденный, кончаетъ тѣмъ, что соглашается съ нимъ. Впрочемъ д'Отривъ не былъ единственнымъ человѣкомъ, дѣлавшимъ Наполеону смѣлыя возраженія. То-же самое часто дѣлалъ и морской министръ Декре и, что всего удивительнѣе, извиняться въ концѣ концовъ приходилось Наполеону. „Мнѣ прискорбно, пишетъ онъ, что вы разсердились на меня; надѣюсь однако, что все забудется, и вы не окажетесь злопамятнымъ". Несомнѣнно, что при этой работѣ глазъ на глазъ, къ тѣмъ кто откровенно защищалъ и отстаивалъ свои мнѣнія, Наполеонъ относился хорошо и что вообще свобода мнѣній была полная; императоръ отнюдь не оскорблялся критикой, хотя бы даже рѣзкой, и уступалъ передъ доводами безъ упрямства.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Наполеонъ обращался съ запросами не только къ министрамъ и директорамъ, но также и къ дипломатическимъ агентамъ, принимая и разспрашивая ихъ при пріѣздѣ и передъ отъѣздомъ. Если агентъ состоялъ при государѣ, принадлежащемъ къ семьѣ Наполеона, то онъ представлялъ особый отчетъ о личныхъ дѣлахъ и о текущей хроникѣ своего двора, и такія донесенія поступали къ гофмаршалу, который пользовался въ этомъ отношеніи полнымъ довѣріемъ императора.

Дюроку приходилось все время отдавать службѣ, не пользуясь ни минутой отдыха и не выходя изъ своего ярма. Императоръ ежеминутно призывалъ его, такъ какъ, помимо управленія дворомъ, на него возлагались труды *по благотворительнымъ дѣламъ императора*, отчасти также обязанности по императорской охранѣ и по дѣламъ полиціи, не считая возлагавшихся на него всякаго рода порученій.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, помимо тѣхъ обязанностей, которыя оставались связанными съ этой должностью, и обширныхъ трудовъ по рекрутскому набору, за всѣми подробностями котораго Наполеонъ самъ внимательно слѣдилъ, имѣлъ еще въ началѣ въ своемъ вѣдѣніи вѣроисповѣданія, народное просвѣщеніе, торговлю и общественныя работы; ему, впрочемъ, помогали главные директора, работавшіе непосредственно съ Наполеономъ. Такъ Наполеонъ работалъ съ главнымъ директоромъ путей сообщенія, съ директоромъ (впослѣдствіи министромъ) вѣроисповѣданій, съ директоромъ народнаго просвѣщенія, а впослѣдствіи и съ великимъ магистромъ университета, съ директоромъ общиннаго управленія, съ директорами горнозаводства, книгопечатанія и книжной торговли, и въ каждой изъ этихъ отраслей можно было бы, по однимъ письмамъ и декретамъ Наполеона, составить спеціальный трак-

татъ. Исторію его тогда только можно будетъ изучить вполнѣ, когда будетъ дознано все, что сдѣлано имъ въ каждой изъ этихъ отраслей.

Въ дѣлѣ управленія финансами онъ не ограничивался подробнѣйшими разспросами обоихъ министровъ,—онъ призывалъ главнаго директора регистратуры, директоровъ соединенныхъ сборовъ, кассы погашенія, лѣсоводства, таможенъ. Главнаго директора почтъ, Лавалета, своего бывшаго адъютанта, онъ призывалъ ежедневно: почта—это транспорты, это новости, секреты частныхъ лицъ и правительствъ, это черный кабинетъ—тотъ знаменитый черный кабинетъ, которымъ оппозиція всегда гнушается и которымъ власть всегда пользуется.

И это еще не все. Есть еще два военныхъ министра (арміи и военнаго управленія) съ подвѣдомственными имъ чиновниками и съ главнымъ директоромъ набора; есть еще морской министръ, министръ общей полиціи съ четырьмя помощниками—членами государственнаго совѣта, министръ торговли и мануфактуръ, два министра итальянскаго королевства, живущіе въ Парижѣ, государственный секретарь великаго герцогства Бергенскаго, генералъ-маіоръ, адъютанты, завѣдующіе охраной. И всѣ эти лица безъ исключенія являются къ Наполеону, представляютъ ему свои рапорты, и всѣ эти рапорты

онъ читаетъ, обсуждаетъ, обдумываетъ и, ознакомившись съ ихъ сущностью, принимаетъ или отвергаетъ ихъ заключенія.

Затѣмъ есть еще великій канцлеръ ордена Почетнаго легіона, завѣдующій также учрежденіями имени Наполеона, обезпеченіемъ ихъ, назначеніями къ нимъ оффиціальныхъ лицъ и т. п.; есть великій канцлеръ ордена Соединенія; великій канцлеръ Желѣзной короны, даже великій канцлеръ ордена Трехъ Рунъ; есть еще военныя училища; есть главный инспекторъ корпуса жандармеріи, главные инспектора артиллеріи и инженерной части; есть еще генералъ губернаторъ Иллиріи, составляющей отдѣльное королевство; есть Парижъ, съ его отдѣльнымъ магистратомъ, есть сенскій префектъ и префектъ полиціи, есть начальники войсковыхъ частей; есть учрежденный Наполеономъ Французскій банкъ, за дѣятельностью котораго онъ постоянно внимательно слѣдилъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, обыкновенно присутствовавшихъ на его утреннихъ выходахъ и аудіенціяхъ, были еще всякаго рода *missi dominici*, ординарцы императора или генералы; сенаторы, члены государственнаго совѣта, аудиторы, префекты, члены магистрата и мэры, президенты избирательныхъ коллегій, адъютанты или ординарцы, присылаемые

главнокомандующими армій,—тѣхъ армій, которыя были разбросаны отъ границъ Россіи до Геркулесовыхъ столбовъ! И всѣмъ имъ обязательно давалась аудіенція, не ожидая съ ихъ стороны просьбы объ этомъ. Когда они являлись съ депешами въ Тюльери, передъ ними, грязными, запыленными, немытыми въ теченіе цѣлой недѣли, даже въ дни самыхъ торжественныхъ церемоній немедленно отворялись двери комнаты за кабинетомъ. Принявъ доставленныя ими письма, императоръ разспрашивалъ ихъ, заставлялъ говорить все безъ всякихъ недомолвокъ, и выпытывалъ у нихъ истину.

Но откуда же бралось у него время для всего этого? Ему не только хватало времени, но и оставались еще свободные часы на журнальную работу. По поводу всякаго, хотя бы незначительнаго, событія въ Англіи, по поводу малѣйшаго нападенія на Францію англійскихъ журналовъ, онъ разражается длинными статьями въ „Moniteur'ѣ“, которыя почему то отсутствуютъ во всѣхъ собраніяхъ его произведеній, несмотря на то, что написаны чрезвычайно живо. Затѣмъ ему надо еще прочесть переводы доставленные Мунье, переводы всѣхъ книгъ, всѣхъ брошюръ и статей, выпущенныхъ въ цѣлой Европѣ. Послѣ того, ему нужно выслушать просителей, которые излагаютъ ему свои частныя дѣла, говорятъ

о своихъ долгахъ и честолюбивыхъ цѣляхъ, о своихъ дѣтяхъ и родственникахъ.

Онъ интересовался частными дѣлами; они служили ему развлеченіемъ, и онъ любилъ, чтобы ему разсказывали о нихъ. Ему казалось даже, что къ нему слишкомъ рѣдко обращаются—словно у него было еще мало дѣла—и онъ заставлялъ двухъ аудиторовъ государственнаго совѣта непрерывно дежурить въ маршальской залѣ для принятія всѣхъ прошеній. Мало того, онъ вмѣшивался въ брачныя дѣла; онъ велѣлъ составить списокъ богатыхъ невѣстъ и старался приблизить ихъ ко двору, чтобы выдать ихъ за своихъ офицеровъ. Съ этой цѣлью онъ призывалъ ихъ отцовъ, какъ, напримѣръ, было съ нѣкіимъ Алигромъ, которому онъ предлагалъ въ женихи его дочери Коленкура, и осыпалъ отца милостями, чтобы получить его согласіе. Несмотря на категорическій отказъ, Алигръ не нажилъ себѣ никакихъ непріятностей.

Если желаемый бракъ устраивался, то не было границъ щедрости императора. Примѣровъ этому множество. Что касается до принужденій, то существуетъ только одинъ способъ возраженія противъ появившейся недавно клеветы [1]).

---

[1]) „Histoire des Emigrés“, par M. Forneron, III, 282. Я счелъ бы совершенно излишнимъ доказывать примѣромъ какъ

Наполеонъ, по словамъ одного писателя, „принудилъ графа де ла Рошфуко выдать свою дочь *Адель* за *графа* Альдобрандини, *сорока восьми* лѣтъ; отецъ съ дочерью пытались бѣжать, чтобы избѣгнуть этого, но подъ конецъ принуждены были уступить. Бѣдняжка, которой приходилось терпѣть отъ своей гордой золовки (Полины Бонапартъ), возстановила своимъ благородствомъ и добродѣтелью честь фамиліи Боргезе и спасла ихъ разстроенное состояніе искуснымъ управленіемъ ихъ имѣніями впродолженіе шестидесяти лѣтъ“ Между тѣмъ, *князь* Альдобрандини Боргезе родился въ Римѣ въ 1777 году, стало быть, въ 1809 году ему было *тридцать два* года. Александръ де ла Рошфуко, который, послѣ женидьбы своей на кузинѣ Богарнэ, былъ сдѣланъ въ 1800 году префектомъ Сены и Марны, саксонскимъ посланникомъ въ 1801 году, посломъ въ Вѣнѣ въ 1805, посломъ въ Галландіи въ 1808, графомъ имперіи въ 1809 году, не имѣлъ никакого состоянія, что доказываютъ его письма къ министрамъ. Жена его, состоявшая фрейлиной при императрицѣ, съ годовымъ содержаніемъ въ 30,000 франковъ, также, какъ и мужъ, постоянно что

мало довѣрія заслуживаетъ эта книга, еслибы не встрѣтилъ въ одномъ изъ вышедшихъ недавно сочиненій ссылку на нее, какъ на *источникъ*.

нибудь выпрашивала себѣ. Они пустили въ ходъ всѣ интриги для достиженія этого брака, такъ какъ они не давали за своею дочерью никакого приданаго, тогда какъ женихъ имѣлъ 100,000 фр. дохода. Приданое было дано самимъ Наполеономъ, подарившимъ Франсуазѣ-Констанціи дела Рошфуко дворецъ, принадлежавшій до тѣхъ поръ сестрѣ его, принцессѣ Элизѣ. Дворецъ этотъ былъ пріобрѣтенъ императоромъ въ 1808 г., вмѣстѣ со всею движимостью, оцѣненною въ 800,000 франковъ. Княгиня Альдобрандини, ставшая придворной дамой императрицы Маріи-Луизы, одновременно съ тѣмъ, какъ ея мужъ былъ сдѣланъ оберъ-шталмейстеромъ, совершила, повидимому, путешествіе въ Шербургъ безъ всякаго принужденія. Правда въ 1814 году она поспѣшила заявить на балѣ, данномъ Блюхеромъ во дворцѣ Сенъ-Клу, что милости *узурпатора* не таковы, чтобы особѣ ея происхожденія слѣдовало долго помнить о нихъ.

Браки служили для Наполеона развлеченіемъ, но, какъ видно, онъ находилъ время устраивать ихъ хорошо и не скупился на средства для этого. Это не мѣшало ему предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ, что брало гораздо болѣе времени. Засѣданія государственнаго совѣта происходили въ Тюльери, и Наполеонъ проходилъ въ залу совѣта

большими апартаментами. Въ сопровожденіи дежурнаго камергера и адъютанта, онъ проходилъ маршальскую и караульную залу, спускался по большой лѣстницѣ центральнаго павильона и поднимался затѣмъ по прямой и очень широкой лѣстницѣ, по сторонамъ которой стояли статуи Молчанія и Размышленія, Дагессо и Лопиталя.

На плафонѣ очень обширной залы, украшенной пилястрами и колоннами изъ желтаго сіенскаго гипса, находилось изображеніе *битвы при Аустерлицѣ*, работы Жерара. По лѣвой сторонѣ окна выходили на улицу Шапель, по правой—на Каруселькую площадь. Въ глубинѣ галереи, на эстрадѣ, поднятой на двѣ ступени, стояли три письменныхъ стола: посрединѣ—императора, направо—великаго канцлера, налѣво—главнаго казначея. Вдоль оконъ находились маленькіе столы членовъ государственнаго совѣта; на другомъ концѣ галереи, противъ входной двери,—столы докладчиковъ; въ оконныхъ нишахъ—аудиторовъ.

Во времена консульства, Наполеонъ присутствовалъ въ государственномъ совѣтѣ почти всякій день и еще въ 1809 году предсѣдательствовалъ на двухъ засѣданіяхъ изъ трехъ. Начиналось засѣданіе въ половинѣ перваго пополудни; императоръ приходилъ обыкновенно въ половинѣ втораго, пробѣгалъ на-

печатанную программу занятій, лежавшую на его столѣ вмѣстѣ съ установленнымъ распредѣленіемъ ихъ (иногда и со спеціальнымъ распредѣленіемъ, какъ напримѣръ въ тотъ разъ, когда д'Отривъ представилъ свою записку о привилегіяхъ пословъ, отпечатанную *въ одномъ экземплярѣ для императора*), вызывалъ интересовавшее его дѣло и открывалъ пренія.

Пренія были полными, всесторонними и свободными. „Въ государственномъ совѣтѣ, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей, Наполеонъ не обнаруживалъ никакой нетерпимости въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, при обсужденіи различныхъ вопросовъ, и, напротивъ, установилъ такую свободу, которая допускала противорѣчія; онъ даже вызывалъ ихъ, чтобы знать все, что можно было возразить противъ его мнѣній".

Это не значитъ, чтобы онъ не горячился; при обсужденіи дѣла о банкѣ Сенъ-Жоржъ, докладчикомъ котораго былъ Корветто, императоръ замѣтилъ ему: „Однако, ужъ не являетесь ли вы въ этомъ дѣлѣ всеобщимъ адвокатомъ?" Корветто оскорбился и рѣшилъ не являться въ слѣдующее воскресенье на пріемъ. Но за нимъ былъ присланъ Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели. Пришлось повиноваться, но Корветто дулся и скрывался въ толпѣ. Импе-

раторъ однако замѣтилъ его и, прямо подойдя къ нему, сказалъ съ ласковой улыбкой: „Я очень радъ видѣть васъ здѣсь, Корветто. Я хотѣлъ сказать вамъ, что я остался очень доволенъ вами на засѣданіи въ середу. Я желалъ бы, чтобы всѣ высказывались такъ, какъ вы, когда я спрашиваю чье нибудь мнѣніе въ совѣтѣ".

И не только членовъ государственнаго совѣта и своихъ совѣтниковъ отъ временъ консульства, съ которыми Наполеонъ работалъ надъ гражданскимъ кодексомъ, надъ уложеніемъ о судопроизводствѣ, о торговлѣ, надъ уголовнымъ кодексомъ, надъ уложеніемъ о слѣдствіи, и съ которыми создалъ управленіе государствомъ такимъ, каково оно есть, отлилъ тотъ безсмертный памятникъ, который сохранился на цѣлое столѣтіе, устоявъ противъ семи революцій; не только Тронше и Порталиса, которымъ онъ въ той же залѣ совѣта воздвигнулъ статуи, не только Мерлена, Тремара, Сегюра, Реаля, Фуркруа, д'Отрива, Дефермона, Буле, — своихъ сотрудниковъ съ перваго дня, но также и новыхъ, молодыхъ людей, онъ поощрялъ къ независимости мысли и рѣчи тѣми простыми словами, которыми награждаютъ тотчасъ вслѣдъ за исполненіемъ долга.

Въ другой разъ *аудиторъ* представилъ отчетъ по поводу голландскихъ плотинъ, находившійся въ

полномъ противорѣчіи со взглядами министровъ; императоръ закрылъ засѣданіе словами: „Я согласенъ съ мнѣніемъ господина *докладчика*“. Другому аудитору было поручено разобрать счеты Жюно въ Португаліи. Министры—военный, финансовъ и казначейства,—опасаясь столкновенія съ первымъ адъютантомъ и другомъ императора, подали по этому дѣлу уклончивые доклады. Аудиторъ же отнесся къ дѣлу безъ всякаго снисхожденія и представилъ его безъ прикрасъ; однако, вручивъ свой докладъ, онъ сталъ нѣсколько безпокоиться. Опасенія его были разсѣяны самимъ императоромъ. „Господинъ аудиторъ,—сказалъ онъ,—если ученикъ изъ государственнаго совѣта сообщаетъ мнѣ нѣчто такое, чего я не могу добиться отъ трехъ моихъ министровъ, то онъ заслуживаетъ, чтобы я не упускалъ его изъ виду“. Не прошло и года, какъ онъ сдѣлалъ его префектомъ, барономъ имперіи и кавалеромъ Почетнаго Легіона. За то какъ добивались эти молодые люди возможности быть на тѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ присутствовалъ императоръ. Викторъ де Броли, впослѣдствіи перемѣнившій свои взгляды, писалъ своему сослуживцу въ 1810 году: „Нужно, не теряя времени, выпросить на слѣдующій триместръ разрѣшеніе присутствовать на императорскихъ засѣданіяхъ; мы, восемь человѣкъ, добились этого, а

шіеся къ нему, чувствовали потребность подчиниться ему *добровольно*. Нѣтъ болѣе лживаго показанія, какъ то, что онъ подчинялъ себѣ людей посредствомъ страха. Власть его, какъ и власть цезаря, основывалась на личномъ обаяніи".

Такому свидѣтелю можно вѣрить; онъ впалъ въ немилость, оставаясь вѣрнымъ Наполеону, ничего не выпрашивая у враговъ Франціи и ничего не принялъ отъ королей, противъ которыхъ возмущалось его патріотическое чувство. У него, конечно, менѣе шансовъ, что ему повѣрятъ, чѣмъ у барона Пакье, показаніе котораго также не лишне привести. Пакье говоритъ, что съ 1808 года императоръ появлялся въ государственномъ совѣтѣ почти исключительно для того, чтобы ораторствовать самому, навязывать свою волю какъ законъ, и что онъ не терпѣлъ съ той поры ни малѣйшей свободы въ обсужденіяхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что императоръ временами чувствовалъ необходимость излиться, развить нѣкоторые изъ своихъ политическихъ плановъ передъ людьми, призванными быть исполнителями ихъ; но чтобы онъ не терпѣлъ противорѣчія—это ложь. Дурно ли онъ обращался со своими противниками, объ этомъ можно судить по примѣру Берлье, со стороны котораго, на засѣданіяхъ государственнаго совѣта, онъ всегда

встрѣчалъ лойальную оппозицію своимъ проектамъ: этотъ Берлье былъ сдѣланъ имъ пожизненнымъ членомъ государственнаго совѣта, графомъ имперіи съ рентою въ 20,000 франковъ, предсѣдателемъ оцѣночнаго совѣта и, кромѣ того, ему было единовременно пожаловано 60,000 франковъ. Утверждаютъ, что Наполеонъ не пускалъ рѣшеній на голосованіе; между тѣмъ, Моле, Мольенъ, Годенъ и Шампаньи приводятъ множество рѣшеній, принятыхъ государственнымъ совѣтомъ на засѣданіяхъ, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ Наполеона. Для обсужденія и принятія рѣшеній необходимо чтобы существовалъ и счетъ голосовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что были въ совѣтѣ люди новые, такіе, которымъ двери совѣта открыло имя или воспоминаніе объ ихъ предкахъ, часто довольно сомнительныхъ; были и такіе, которые попали туда вслѣдствіе присоединенія ихъ родной страны къ имперіи—и такіе люди, понятно, меньше пользовались свободою слова, будучи по рожденію и по воспитанію царедворцами. Но духъ революціи, по крайней мѣрѣ, все, что въ ней было бодраго, благороднаго и смѣлаго, имѣлъ тамъ своихъ естественныхъ защитниковъ,—патріотовъ, которые, засѣдая въ національномъ конвентѣ, не остановились ни передъ какою страшною отвѣтственностью, чтобы

Пріемъ при дворѣ.

спасти націю отъ посягательствъ Европы и отъ рабства. Эти люди говорили яснымъ языкомъ. Они одни были въ совѣтѣ свѣдущими людьми, и вполнѣ понятно, что Наполеонъ предпочиталъ обращаться именно къ нимъ. Разъ, что подали свои мнѣнія Буле, Берлье, Реаль, Ренье, Дефермонъ, Жоливе, Тибодо, Матье, Дюма, разъ уже изложили свои взгляды такіе люди, какъ главные директора и члены государственнаго совѣта: Дюшатель, Франсе, Беранже, Пеле, Мерленъ, Бергонъ. Ломонъ,—какого свѣта можно было еще ожидать отъ остальныхъ, отъ тѣхъ, у которыхъ развѣ только тщеславіе равнялось ихъ неспособности; которые полагали, что Бонапартъ долженъ чувствовать себя польщеннымъ, имѣя ихъ въ своемъ совѣтѣ, и которые ждали лишь случая, чтобы измѣнить ему? Между ихъ пристрастными показаніями и показаніями тѣхъ людей, которые остались вѣрными Франціи, воплощенной въ императорѣ—выборъ сдѣлать не трудно.

Часы на башнѣ Тюльери пробили уже не мало времени, а засѣданіе все еще продолжается. Императоръ не чувствуетъ никакой потребности въ ѣдѣ, а отдыхомъ для него служитъ переходъ отъ одного занятія къ другому. Во время обсужденія, онъ часто посматриваетъ на оратора сквозь свою малень-

кую лорнетку; иногда онъ машинально пишетъ на лежащей передъ нимъ бумагѣ безконечное число разъ одну и ту же фразу. На одномъ изъ такихъ листовъ написано восемь разъ: „*Вотъ вы разбойники!*“ на другомъ — десять разъ: „Боже мой, какъ я васъ люблю!“ Нерѣдко также онъ зазубривалъ ножомъ край ручки своего кресла. Большимъ развлеченіемъ служилъ ему также табакъ. Онъ бралъ большія щепотки его, приближалъ къ носу и, понюхавъ, ронялъ весь табакъ на полъ; благодаря такой манерѣ, табакерка его быстро опорожнялась; тогда на обяванности камергера, запасавшагося тремя или четырьмя табакерками, лежало замѣнить пустую новою. Но этого Наполеону было мало; лишь только онъ замѣчалъ или слышалъ, что кто нибудь изъ членовъ совѣта открывалъ свою табакерку, онъ дѣлалъ знакъ приставу и тотъ немедленно подходилъ къ ея владѣльцу и приносилъ его табакерку императору. Наполеонъ бралъ изъ нея двѣ или три щепотки, затѣмъ очень часто бросалъ ее въ разсѣянности въ открытый ящикъ своего стола, который задвигалъ по окончаніи засѣданія и запиралъ на ключъ. Тутъ уже табакерка была навѣки потеряна, такъ что члены совѣта стали заводить себѣ особыя табакерки, которыя они назы-

вали „совѣтскими“, изъ папки, цѣною въ пятнадцать су.

И въ своемъ кабинетѣ, и въ совѣтѣ, Наполеонъ словно взялся оправдать сказанныя имъ слова: „Я не знаю предѣла своей способности работать“; понятно, что и сотрудниковъ своихъ онъ считалъ созданными по такому же образцу. Однажды, въ присутствіи одного изъ министровъ, онъ искалъ въ своемъ кабинетѣ какія-то записки на столѣ, за которымъ работалъ секретарь, и найдя, какъ онъ полагалъ, то, что нужно, прочелъ вслухъ слѣдующее начало письма: „Вотъ уже тридцать шесть часовъ, что я принужденъ безвыходно сидѣть въ кабинетѣ...“ Записка предназначалась секретаремъ его женѣ, жившей рядомъ съ Тюльери. „Вы видите, сказалъ Наполеонъ, онъ находитъ время писать нѣжности, а еще жалуется!“

Извѣстна исторія съ Дарю, котораго самъ Наполеонъ называлъ „рабочимъ воломъ“. Однажды, во время ночной работы, онъ заснулъ за своими бумагами, въ комнатѣ за кабинетомъ, и Наполеонъ, стараясь растолкать его, узналъ, что тотъ провелъ за работой три ночи подъ рядъ.

Наполеону приписываютъ слова: „Человѣкъ, котораго я сдѣлалъ министромъ, долженъ послѣ четырехъ лѣтъ страдать задержаніемъ мочи“. Фраза

эта приводится въ доказательство его безсердечія. Въ дѣйствительности, однако, министры довольно хорошо уживались со своимъ положеніемъ: министромъ юстиціи былъ съ 1802 по 1813 г. Ренье, военнымъ министромъ съ 1800 по 1807 г. оставался Бертье, а съ 1807 по 1814 занималъ этотъ постъ Кларкъ; министромъ военнаго управленія съ 1802 по 1810 годъ былъ Дежанъ; морскимъ министромъ съ 1801 по 1814 годъ Декре; министромъ финансовъ съ 1799 по 1814—Годенъ; министромъ государственнаго казначейства съ 1801 по 1806—Барбе-Марбуа, а съ 1806 по 1814—Мольенъ. Нѣсколько чаще смѣнялись министры въ вѣдомствѣ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ; но въ первомъ изъ этихъ вѣдомствъ, кромѣ Крете, министры покидали свой постъ вовсе не отъ чрезмѣрной работы, а вслѣдствіе неспособности. То же самое, послѣ Талейрана, было и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Напротивъ того, ни одинъ самодержавный государь, правящій самостоятельно, а не по дудкѣ перваго министра, не цѣнилъ и не придерживался такъ устойчивости своихъ министровъ, какъ Наполеонъ. Хотя онъ и требовалъ, чтобы должностныя лица были трудолюбивы, но, повидимому, работа нисколько не вредила ихъ здоровью, такъ какъ большая часть изъ нихъ про-

жили достаточно, чтобы видѣть паденіе бурбонской монархіи. Большую долю работы императоръ бралъ на себя; онъ обнималъ все своимъ умомъ; онъ одинъ перемѣшивалъ и перерабатывалъ въ своемъ мозгу весь матеріалъ, приносимый отовсюду; онъ, какъ прожорливое чудовище, глоталъ и переваривалъ все, что спѣшило съ разныхъ концовъ свѣта удовлетворить его непомѣрному аппетиту; онъ одинъ безсмѣнно везъ телѣгу, въ которую были набросаны куски Европы, везъ не изнемогая въ упряжкѣ, не задыхаясь на косогорахъ, не жалуясь на свою долю и не чувствуя усталости. Благодаря его непрестаннымъ усиліямъ, машина двигалась впередъ и какъ двигалась! И дорога, по которой онъ бѣжалъ, и которую строплъ тутъ же, подъ своими ногами, не выходила похожей на тѣ желѣзныя дороги, выстроенныя съ лихорадочной поспѣшностью въ степяхъ американскаго запада, переброшенныя наудачу, черезъ пропасти, по деревяннымъ перекладинамъ, невѣдомо какъ держащимся, скрѣпленнымъ кое-какъ и способнымъ быть снесенными первымп первою же бурею—нѣтъ, это широкій, тріумфальный путь, вымощенный гранитомъ, съ бронзовыми тротуарами по сторонамъ, и осѣненный, для потомства, деревьями съ густою листвою, которыя

кажутся столѣтними, потому что его рука коснулась ихъ.

Но иногда машина вдругъ останавливалась. Природа требуетъ отдыха, требуетъ безусловно, внезапно. Является абсолютная неспособность къ труду и даже къ развлеченію. Въ такіе часы истощенія надорвавшійся мозгъ принужденъ отдыхать, не будучи въ состояніи породить ни одной мысли. Тогда, не выходя изъ дворца, не оставляя даже своего кабинета, Наполеонъ бродилъ взадъ и впередъ, растягивался на козеткѣ, дремалъ или просто лежалъ съ закрытыми глазами, присаживался къ столу своего секретаря или на ручку его кресла и, раскачиваясь на ней, говорилъ обрывками о своихъ планахъ, о своемъ здоровьѣ, о своихъ фантазіяхъ и о своемъ прошломъ; теребилъ его за уши, трепалъ по плечу или по щекѣ, досадуя, что тотъ продолжаетъ работать. Иногда онъ обозрѣвалъ полки своей библіотеки, обсуждалъ мимоходомъ того или другого автора, останавливался на Корнелѣ или Вольтерѣ, бралъ книгу и прочитывалъ отрывокъ, большею частью останавливаясь на „*Смерти Цезаря*“, или же начиналъ пѣть сильнымъ голосомъ, но очень фальшиво. Пѣлъ онъ отрывки изъ романсовъ, изъ старинныхъ оперъ, въ родѣ „*Сельскаго Колдуна*“, или сентиментальные пустяки изъ

„*Альманаха Музъ*“, или же, если настроеніе духа его было мрачнымъ,—гимны временъ революціи, строфы изъ „Chant du Départ“. Мелодія ему рѣдко давалась, а слова онъ повторялъ одни и тѣ же, по четверти часа. Особенно любилъ онъ одинъ романсъ, изъ котораго зналъ лишь одну строку:

Oui, c'en est fait, je me marie...

и гимнъ, начинавшійся слѣдующими словами:

Marat du peuple le vengeur...

продолженія онъ не зналъ. Иногда въ такіе дни онъ забавлялся, запечатывая письма, приготовленныя Меневалемъ. Однако, это была опасная забава: въ 1809 году онъ ошибся конвертами и отправилъ австрійскому императору письмо, предназначенное для императора Александра I; къ счастью, удалось догнать посланнаго и взять у него обратно пакетъ подъ какимъ-то предлогомъ. Съ тѣхъ поръ Наполеонъ отказался отъ этого времяпрепровожденія. Притомъ же, съ 1810 года онъ не хотѣлъ конкурировать со своимъ тестемъ, императоромъ австрійскимъ, который собственноручно приготовлялъ сургучъ и претендовалъ на искусство дѣлать самыя изящныя печати въ мірѣ. Когда представили Францу II для ратификаціи люневильскій трактатъ, стоившій ему такъ дорого, онъ не нашелъ въ немъ ничего достой-

наго порицанія, кромѣ плохого сургуча, употребляемаго во Франціи, и съ гордостью похвастался сургучемъ собственнаго приготовленія.

Въ иные дни Наполеонъ отправлялся на охоту, которая чаще состояла въ травлѣ, чѣмъ въ стрѣльбѣ, такъ какъ онъ и охотился-то собственно изъ потребности въ движеніи, ища въ этомъ спортѣ прежде всего физическаго утомленія, при которомъ отдыхалъ бы мозгъ. Иногда, впрочемъ сравнительно рѣдко, въ серединѣ царствованія и чаще лишь въ теченіе зимы 1813 года, въ сопровожденіи гофмаршала или адъютанта, онъ посѣщалъ кой-какіе изъ сооружавшихся памятниковъ, или же просто прогуливался по Парижу. Прогулки эти, равно какъ и учащавшаяся передъ выступленіемъ въ походъ охота, имѣли въ виду политическую цѣль—подбодриться передъ войною, а въ послѣднее время онѣ служили прямымъ отвѣтомъ англійскимъ газетамъ, утверждавшимъ, что Наполеонъ находится при смерти и не въ состояніи уже держаться на лошади.

Повторяемъ: охота, прогулки, экскурсіи — все это было исключеніемъ изъ повседневнаго распорядка его жизни. Иногда онъ отправлялся вечеромъ въ Мальмезонъ или Сенъ-Клу, чтобы ночевать тамъ, а утромъ подышать чистымъ воздухомъ, прочитывая депеши въ палаткѣ, раскинутой на террассѣ, соеди-

нявшей его аппартаменты съ паркомъ. Наполеонъ любилъ работать на открытомъ воздухѣ, ему очень не нравилось, что въ Тюльери онъ не можетъ отворять оконъ и что тамъ нѣтъ хотя бы маленькаго садика, по которому можно было бы пройтись между диктовкой, чтобы оживить мозгъ. Онъ до конца оставался такимъ же поклонникомъ открытаго воздуха, какъ въ ту пору, когда помѣтилъ свое письмо къ Маттео Буттафуоко изъ своего „кабинета въ Милелли“—грота, изъ котораго открывается видъ на заливъ Аяччіо и на Кровавые острова, и гдѣ широкій голубой просторъ такъ ласкаетъ мечту...

VIII.

Обѣдъ.

Шесть часовъ давно уже пробило, а Наполеонъ нерѣдко едва успѣвалъ повидаться съ женой. Иногда по маленькой черной лѣстницѣ, посредствомъ которой его покои сообщались съ первымъ этажемъ, онъ сходилъ къ императрицѣ и оставался тамъ нѣсколько минутъ. Если онъ попадалъ во время туалета, то забавлялся, мѣшая женщинамъ, перепутывая футляры съ драгоцѣнностями и обсуждая уборы; если же онъ приходилъ во время завтрака и за столомъ у Жозефины было, по обыкновенію, нѣсколько приглашенныхъ дамъ, онъ задавалъ имъ вопросы, выпытывалъ у нихъ отвѣты, бывая, смотря по расположенія духа, то недостаточно, то черезъ-чуръ любезнымъ, и потомъ вдругъ вскакивалъ и возвращался въ свой кабинетъ. При Маріи-Луизѣ, со времени свадьбы и до рожденія римскаго короля, онъ принужденъ былъ завтракать въ опредѣленные часы, но затѣмъ постарался освободить себя отъ этого

стѣсненія, къ большому удовольствію жены, которая получила возможность проводить за завтракомъ сколько угодно времени. При ней онъ считалъ нужнымъ учащать свои визиты къ женѣ въ теченіе дня, но ея общество не давало ему того удовлетворенія, которое, естественно, давало общество Жозефины. Съ послѣдней у него были общія воспоминанія, одинаковое знаніе людей и вещей; оба умѣли одинаково ловко выпытывать у посѣтителей все, что имъ нужно было знать, всѣ мелкіе факты свѣтской жизни, скандальные анекдоты, сплетни,—словомъ, что только женщина умѣетъ выпытать у другихъ. Марія-Луиза не могла дать всего этого Наполеону во первыхъ потому, что она едва знала его, а во вторыхъ и потому, что она такъ же мало интересовалась внѣшнимъ міромъ въ Тюльери, какъ и въ Шенбруннѣ.

И такъ, обнявъ нѣсколько разъ жену, назвавъ ее своей „доброй Луизой,“ пересмотрѣвъ ея вышивки и рисунки и прослушавъ арію на клавесинѣ, Наполеонъ усаживался въ кресло и, какъ всегда бывало, когда мозгъ его ничѣмъ не былъ занятъ, предавался дремотѣ, хотя жена его и была эрцгерцогиня. Затѣмъ, сразу проснувшись, онъ обнималъ еще разъ „свою добрую Луизу“ и возвращался къ себѣ. Онъ терпѣть не могъ, когда Жозефина входила въ его кабинетъ, но къ Маріи-Луизѣ былъ въ

этомъ отношеніи снисходительнѣе, хотя и ей умѣлъ дать понять, что визитъ долженъ быть непродолжителенъ. Исключительнымъ правомъ входа въ кабинетъ пользовался одинъ лишь сынъ. Подписывая бумаги, императоръ бралъ ребенка на руки; диктуя, ходилъ съ нимъ по комнатѣ, а впослѣдствіи позволялъ ему трогать свои бумаги, играть съ картами, съ фигурами для маневровъ, которыя онъ заказалъ для собственнаго употребленія, но которыя ребенку казались простыми деревянными солдатиками, подобно остальнымъ его игрушкамъ. Но недолго наслаждался Наполеонъ родительскимъ счастьемъ! Нѣсколько мѣсяцевъ зимою 1813 года, нѣсколько недѣль 1814— вотъ и все время, въ теченіе котораго онъ видѣлъ своего сына уже достаточно подросшаго, чтобы знать отца, болтать съ нимъ, улыбаться ему и отвѣчать на его горячую привязанность.

Вообще же Наполеонъ не любилъ, даже не допускалъ, чтобы кто нибудь приходилъ мѣшать ему въ теченіе рабочихъ часовъ. Если онъ хотѣлъ какъ можно убѣдительнѣе выразить чувства, которыя питалъ къ какой нибудь особѣ, онъ заявлялъ, что для нея онъ покинулъ бы даже государственный совѣтъ. „Если бы въ то время, когда я нахожусь въ совѣтѣ, сказалъ онъ Редереру, меня пожелала видѣть Гортензія, я вышелъ бы, чтобы принять ее. Для г-жи

Мюратъ я не сдѣлалъ бы этого". Этихъ словъ не слѣдуетъ, однако, понимать буквально; онъ не вышелъ бы ни къ той, ни къ другой; это предположеніе служило лишь для сравненія его чувствъ къ этимъ двумъ женщинамъ.

Если работа, въ которой онъ непрерывно почерпалъ сознаніе своего могущества, поглощала его до такой степени, что онъ забывалъ всякія чувствительности, то нужно ли удивляться, что она заглушала и его физическія потребности? По крайней мѣрѣ, у него не было опредѣленнаго часа на удовлетвореніе ихъ. Онъ вполнѣ властвовалъ надъ своимъ желудкомъ, или, вѣрнѣе, забывалъ объ его существованіи, и ѣлъ, когда ему подставляли пищу, ѣлъ разсѣянно, думая объ оставленной работѣ и спѣша вернуться къ ней.

Обѣдалъ онъ обыкновенно въ шесть часовъ, и, передъ тѣмъ какъ часы пробьютъ шесть, Жозефина, съ необыкновенной пунктуальностью, которая была положительно ея добродѣтелью, ожидала, совсѣмъ готовая, доклада, что данъ обѣдъ. Туалетъ, бывшій однимъ изъ ея любимыхъ занятій въ теченіе дня, отнималъ у нея много времени, и къ обѣду она переодѣвалась, по крайней мѣрѣ, въ третій разъ; но обѣденный костюмъ ея былъ, дѣйствительно, очень хорошъ. Прическа ея, въ которую вплетены

были цвѣты, жемчугъ или драгоцѣнные камни, была дѣломъ единственнаго артиста, котораго она считала способнымъ понимать, что къ ней идетъ,—неподражаемаго Дюплана; Жозефина сильно декольтировалась въ своемъ бархатномъ, атласномъ или тюлевомъ вышитомъ платьѣ. Выборъ у нея былъ достаточный, такъ какъ въ гардеробѣ ея, помимо парадныхъ платьевъ, было, въ срединѣ царствованія, болѣе шестисотъ костюмовъ, и кромѣ того она ежегодно заказывала ихъ по сотнѣ и болѣе новыхъ. Она любила одѣваться пышно, не только для собраній или придворныхъ спектаклей, которые бывали съ 1806 года черезъ день, но, какъ истинная женщина, сама для себя, и ей было довольно, если публикой служилъ императоръ, или хотя бы зеркало. Къ тому-же и Наполеонъ былъ довольно взыскателенъ въ этомъ отношеніи; онъ привыкъ къ утонченному изяществу, образцомъ котораго ежедневно служила ему Жозефина. У него были свои вкусы относительно платья, свои требованія относительно цвѣтовъ, помимо извѣстной политики, заставлявшей его употреблять при дворѣ исключительно шелка и бархаты, съ цѣлью поддержанія ліонской промышленности; онъ терпѣть не могъ черныхъ или даже темныхъ матерій, какъ и всего, что не имѣло свѣжаго, новаго и свѣтлаго вида;

его страсть къ порядку и къ системѣ требовала ловко шитыхъ платьевъ, и онъ находилъ, что яркіе тоны украшаютъ гостиную, придавая ей роскошный видъ. Къ тому-же его глазъ былъ пріученъ къ румянамъ, такъ какъ Жозефина, въ послѣдніе годы своего царствованія, положительно злоупотребляла ими и дошла до того, что стала краситься румянами и бѣлилами такъ, какъ это дѣлаютъ актрисы, чтобы выдержать яркій свѣтъ рампы. Вблизи, конечно, это было черезчуръ грубо: на бѣлилахъ рѣзко выдѣлялся поддѣльный румянецъ, придавая императрицѣ такой видъ, словно она находится на театральныхъ подмосткахъ; но издали, напримѣръ при проѣздѣ въ кортежѣ, этимъ обусловливался ея успѣхъ, такъ какъ краски сохраняли за ней видъ петронутой лѣтами молодости, чему соотвѣтствовало и необыкновенное изящество ея таліи, несмотря на отсутствіе корсета, легкость и гибкость ея походки, красота ея изящныхъ и полныхъ ногъ, которыя она обувала въ атласныя ботинки, безъ каблуковъ. Эту кажущуюся молодость могъ бы изобличить только годъ ея рожденія, измѣненный въ альманахѣ, чтобы скинуть добрыхъ шесть лѣтъ съ ея возраста.

Жозефинѣ приходилось ждать. Чаще всего было семь, а ее все еще не увѣдомляли объ обѣдѣ; иногда приходилось ждать до восьми часовъ, а въ иные дни

до одиннадцати. Императоръ забывалъ, что онъ еще не обѣдалъ, и никто не смѣлъ ему напомнить объ этомъ. Однако, Марія-Луиза позволяла себѣ это дѣлать, потому что она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя допускаютъ нарушеніе распорядковъ своего дня, и, несмотря на то, что послѣ завтрака она многократно закусывала, она любила, чтобы садились за столъ ровно въ шесть часовъ. Примѣняясь къ ней, Наполеонъ старался быть аккуратнымъ, такъ что, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, чаще ему приходилось ждать ее, чѣмъ наоборотъ.

Комнаты, спеціально предназначенной для стола, не было. Въ Тюльери, гдѣ императоръ обѣдалъ, съ 1806 года, всѣ дни, кромѣ воскресенья, наединѣ съ императрицей, онъ назначалъ комнату для обѣда либо въ своихъ покояхъ, либо въ покояхъ императрицы. По его указанію назначалась также и прислуга къ столу. До провозглашенія имперіи это лежало на обязанности мамелюковъ, но съ тѣхъ поръ, какъ была организована дворцовая служба, при столѣ императора и императрицы служили пажи, подававшіе ихъ величествамъ тарелки, которыя имъ передавали камеръ-лакеи, а тѣмъ — метръ-д'отель. Если обѣдъ происходилъ въ комнатахъ императора, то ставилъ блюдо и разрѣзалъ кушанье метръ-д'отель Наполеона; если же накрывали въ аппартаментахъ

императрицы — эти обязанности исполнялись ея метръ-д'отелемъ. У императора чаще всего столъ накрывался въ служебномъ залѣ парадныхъ аппартаментовъ.

Всѣ необходимые для сервировки предметы приносились лакеями, обутыми въ башмаки съ войлочными подошвами. Накрывавшіе столъ, протянувъ скатерть, клали на то мѣсто, гдѣ должны были стоять приборы ихъ величествъ, салфетку, спускаемую со стола по крайней мѣрѣ до половины ея длины, такъ что ею прикрывался весь приборъ. Въ 1810 году обѣдъ состоялъ изъ супа, мяса, затѣмъ изъ какого нибудь остраго блюда, изъ четырехъ первыхъ блюдъ, двухъ жаркихъ, двухъ entremets, двухъ салатовъ и дессерта восемнадцати родовъ. Обѣдъ готовился на шесть персонъ и соотвѣтственно этому изъ погреба доставлялось шесть бутылокъ шамбертена, полъ-бутылки сладкаго вина и полъ-бутылки ликера. Количество блюдъ почти ежедневно оставалось однимъ и тѣмъ-же. Лишь для Маріи-Луизы, очень любившей пирожное, прибавлялись два лишнихъ дессерта и одно экстренное блюдо. Постнаго стола не готовили никогда, кромѣ страстной пятницы.

Меню составлялись метръ-д'отелемъ, подъ наблюденіемъ префекта дворца, но составлялись они

не важно; по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сохранились, имѣются ошибки, сдѣланныя, по всей вѣроятности, не Кюсси, бывшимъ префектомъ дворца лишь въ 1812 году и считавшимся въ свое время однимъ изъ самыхъ тонкихъ гастрономовъ. Сенъ-Дидье, часто посылаемый съ порученіями къ своему тестю, Матье Дюма, мало понималъ въ составленіи меню; главный префектъ Люсе вѣчно былъ боленъ, а Боссе, несмотря на всѣ его претензіи, былъ просто-на-просто толстобрюхимъ обжорой. Такъ, нерѣдко готовились два схожихъ супа: пюре изъ каштановъ и супъ съ макаронами, затѣмъ послѣ говядины съ гарниромъ и жаренаго на вертелѣ мяса à la Chambord съ острымъ соусомъ, послѣ четырехъ entrées, послѣ филе изъ молодыхъ куропатокъ à la Monglas, филе изъ дикихъ утокъ, фрикасе изъ куръ à la chevalière и бараньихъ котлетъ à la Soubise,—слѣдовали, въ качествѣ жаркихъ, каплунъ съ кресъ-салатомъ и ягнячій окорокъ; между тѣмъ въ то время ногу ягненка никто не считалъ за жаркое. Четыре entremets—апельсинное желе, кофейный кремъ à la française, génoise decorée и вафли à l'allemande были мало соблазнительны; овощи: цвѣтная капуста съ сухарями, сельдерей и рѣпа въ соку — также не обнаруживаютъ большой изобрѣтательности.

Сто лѣтъ и даже сорокъ назадъ, въ самой буржуазной французской семьѣ столъ готовили приблизительно изъ столькихъ блюдъ, какъ и столъ императора: четыре entrées, два жаркихъ, четыре entremets—являлись неизмѣннымъ правиломъ. Обѣды у Камбасереса состояли изъ шестнадцати entrées и шестнадцати entremets. На первомъ обѣдѣ у Людовика XVIII въ Компьенѣ подано было, кромѣ четырехъ суповъ, четыре острыхъ кушанья, четыре главныхъ блюда, четыре главныхъ entremets, тридцать два entrées и тридцать два entremets. На столѣ являлась всякая всячина. Въ іюнѣ 1810 года, когда князь Куракинъ давалъ въ Клиши свои первые обѣды à la russe, на которыхъ не было ничего, кромѣ десерта и цвѣтовъ, весь Парижъ говорилъ о нихъ.

Когда обѣдъ подавался у императора, то сервировка была еще болѣе упрощена: entrées и entremets, острыя блюда и жаркія подавались всѣ вмѣстѣ и смѣнялись только дессертомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Наполеону случалось брать по разсѣянности изъ стоявшаго передъ нимъ блюда съ желе или кремомъ раньше чѣмъ были поданы entrées. Постоянныя опаздыванія Наполеона, отодвигавшія обѣдъ до семи или восьми часовъ, отражались на кухнѣ: сколько ни мѣняли кипящую воду въ котлахъ, соусы все-таки сгущались и, за исключеніемъ жаркого,

блюда казались подогрѣтыми. Цыплятъ мѣняли на вертелѣ каждые четверть часа, чтобы можно было подать къ столу хотя одного съѣдобнаго. Въ тѣ дни, когда за обѣдъ садились въ одиннадцать часовъ вечера, на вертелъ послѣдовательно сажалось до двадцати трехъ цыплятъ.

Императоръ никогда не жаловался на дурное качество пищи; онъ даже не замѣчалъ этого. Не болѣе того обращала на это вниманія и Жозефина: она не только не была притязательна въ ѣдѣ, но даже, можно сказать, вовсе не нуждалась въ ней. Въ этомъ отношеніи она была замѣчательно подъ пару Наполеону, и для нея было совершенно достаточно тѣхъ пятнадцати минутъ, которыя онъ проводилъ за столомъ. Еще меньше времени посвящалъ онъ обѣду въ началѣ консульства, но ему доложили, что обѣды его слишкомъ коротки, и передали эпиграмы графа Филиппа Кобенцеля. Наполеонъ послѣдовалъ совѣту и удлиннилъ обѣдъ на нѣсколько минутъ. Когда ему замѣтили, что онъ ѣстъ не такъ быстро, какъ прежде, онъ сказалъ: „Власть портитъ людей“. Несомнѣнно, что желаніе избѣжать слишкомъ длинныхъ обѣдовъ не менѣе, чѣмъ забота о точномъ соблюденіи монархическаго этикета, заставило его перестать съ 1804 года приглашать кого бы то ни было къ столу во время пребыванія въ

Тюльери. На дачѣ, а также и въ Елисейскомъ дворцѣ, онъ ослаблялъ эту строгость, но гости не должны были разсчитывать на пышный обѣдъ. Наполеонъ никакъ не могъ принудить себя мириться, даже въ торжественныхъ случаяхъ, съ безконечнымъ числомъ блюдъ и съ длинной обѣденной процедурой. Гдѣ бы онъ ни былъ, послѣ первыхъ блюдъ онъ спрашивалъ мороженаго и выходилъ изъ за стола. Мороженое было его страстью, хотя онъ не требовалъ его постоянно къ обѣду; но онъ часто лакомился имъ среди ночи, считая его хорошимъ средствомъ для возстановленія утомленныхъ силъ. Онъ и питье употреблялъ очень холодное и любилъ воду.

Въ иные дни, императоръ продолжалъ работать и во время обѣда, на которомъ присутствовалъ дворцовый префектъ. Въ эти часы онъ большею частью призывалъ библіотекаря и выслушивалъ отъ него отчетъ о вышедшихъ за послѣднее время книгахъ; часто онъ приказывалъ читать ему переводы изъ газетъ или изъ брошюръ, или-же призывалъ гофмаршала, чтобы отдать ему распоряженія. Принимались въ это время и офицеры, прибывшіе въ качествѣ гонцовъ, и подавали ему депеши. Наполеонъ не прерывалъ работы даже и въ этотъ короткій отдыхъ, и не отвлекался отъ нея и вечерними развлеченіями.

IX.

Вечеръ.

Едва успѣвъ проглотить послѣдній кусокъ, нерѣдко отъ одного изъ первыхъ блюдъ, Наполеонъ возвращался съ императрицею въ свой салонъ, въ сопровожденіи префекта дворца. Пажъ подавалъ чашку, въ которую начальникъ придворныхъ службъ наливалъ кофе; императрица брала чашку, клала собственноручно сахаръ и передавала ее императору, самъ онъ навѣрное забылъ бы положить сахаръ. Въ началѣ имперіи онъ охотно давалъ въ эту минуту аудіенціи. Главные чины двора входили въ салонъ, излагали свои дѣла, и затѣмъ императоръ выходилъ вмѣстѣ съ ними въ галлерею, гдѣ его также ждали посѣтители, и обходилъ ихъ, бесѣдуя съ каждымъ. Существуетъ много драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ о такомъ обыкновеніи Наполеона, которое, однако, довольно скоро вывелось, и послѣ Аустерлица о немъ не было уже и рѣчи. Послѣ Аустерлица императоръ нерѣдко прямо возвращался послѣ обѣда въ свой

кабинетъ и, принимаясь за работу, начиналъ ходить по комнатѣ, что, какъ ему казалось, возбуждало дѣятельность мысли. Чаще, однако, если обѣдъ происходилъ въ покояхъ императора и не было потомъ пріема въ малыхъ аппартаментахъ, императрица спускалась послѣ обѣда къ себѣ, а императоръ черезъ нѣсколько минутъ слѣдовалъ за нею и требовалъ къ себѣ либо *приближенныхъ*, либо служащихъ, чаще послѣднихъ; подъ этимъ словомъ подразумѣвались всѣ, которые, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, принадлежали къ почетной придворной службѣ.

Вначалѣ дежурные офицеры при императорѣ и императрицѣ, т. е. флигель-адъютанты, камергеры, шталмейстеры, егермейстеры, придворныя дамы,— всѣ, кто постоянно долженъ былъ находиться во дворцѣ, чтобы во всякую минуту быть готовымъ участвовать въ свитѣ государя, если бы ему вздумалось выѣхать, или вводить въ залу лицъ, удостоенныхъ аудіенціи, или, наконецъ, чтобы принимать его распоряженія,— всѣ эти лица обѣдали за столомъ гофмаршала; но послѣ того, какъ Наполеонъ сталъ болѣе замыкаться въ своемъ императорскомъ величіи и воздвигнулъ болѣе высокую преграду изъ этикета между собою и обыкновенными смертными, приготовлявшимся для него въ Тюльери обѣдомъ поль-

зовались, кромѣ воскресеній, исключительно онъ и его жена. На обязанности гофмаршала лежало устройство парадныхъ обѣдовъ и представительство на нихъ, пріемъ пословъ, важныхъ сановниковъ, высшихъ офицеровъ имперіи, генераловъ и даже принцевъ германскаго союза. Комнаты его въ павильонѣ Дѣтей французскаго дома были убраны съ такой роскошью, что графъ д'Артуа, занимавшій ихъ въ 1814 году, воскликнулъ: „Какъ! это одинъ изъ придворныхъ Бонапарта жилъ въ этихъ комнатахъ! Да не можетъ быть! Представьте, я сотни разъ слышалъ въ Версали, что Тюльери необитаемо, что это сборище сараевъ!“ Обѣды отъ пятнадцати до сорока кувертовъ были подъ стать обстановкѣ.

Когда былъ учрежденъ столъ гофмаршала, придворнымъ чинамъ пришлось опуститься на одну ступень и распредѣлиться между четырьмя столами (къ которымъ прибавился пятый послѣ назначенія гувернантки дѣтей Франціи). За столомъ статсъ-дамы, за которымъ должна была предсѣдательствовать (но дѣлала это очень рѣдко) г-жа де ла Рошфуко, полагалось сидѣть дамамъ штата императрицы. Онѣ старались, однако, уклоняться отъ этой тяготы и, освободившись въ пять часовъ, спѣшили домой, чтобы сколько нибудь отдохнуть, такъ какъ ровно

въ семь часовъ имъ нужно было вернуться во дворецъ къ бальному туалету.

Дежурные чины императора обѣдали за такъ называемымъ столомъ придворныхъ чиновъ, за которымъ предсѣдательствовалъ главный офицеръ короны, а въ случаѣ его отсутствія первый префектъ дворца. Эти два стола сервировались совершенно одинаково, обыкновенно каждый на пятнадцать персонъ и обѣдъ состоялъ изъ двухъ суповъ, говядины, двухъ острыхъ блюдъ, шести entrées, двухъ жаркихъ, шести entremets, четырехъ hors-d'oeuvre, двухъ салатовъ и шести родовъ десерта.

Затѣмъ слѣдовалъ столъ чиновъ охраны, за которымъ обѣдали ординарцы, офицеры стражи, пажи и гофъ-фурьеры.

Далѣе слѣдовалъ столъ секретарей его величества, сервировавшійся только на четыре куверта; за этимъ столомъ не могъ обѣдать никто изъ непринадлежавшихъ къ кабинету лицъ. Вообще секретари вели совершенно изолированный образъ жизни, и, хотя они были *приближенными*, никогда не показывались въ залахъ. Не показывались тамъ и ординарцы, которые, занимая промежуточную ступень, также не относились къ штату *служащихъ*.

Съ 1806 года, когда императоръ оставался зимою въ Парижѣ, что случалось весьма рѣдко, въ

Тюльери черезъ день происходили рауты; въ другіе дни, если императоръ приглашалъ только *приближенныхъ*, случалось, что двѣ дежурныя дамы оставались вдвоемъ въ своей гостиной. Тогда онѣ въ бѣшенствѣ уходили и имъ доставалось, если Наполеонъ, замѣтивъ свою разсѣянность, приглашалъ и служащихъ; дѣлалъ это онъ не умышленно, а просто по оплошности, но при дворѣ ко всему относятся подозрительно, и если человѣку не оказываютъ ожидаемаго отличія, то уже однимъ этимъ наносится обида.

На рауты гостей собиралось нѣсколько болѣе, хотя все-же немного. По праву или почти по праву, приглашенными прежде всего были принцы и принцессы императорской фамиліи, важные чины двора, генералы гвардіи, флигель-адъютанты императора, префектъ дворца, камергеры и шталмейстеры, какъ ординарные, такъ и экстраординарные; статсъ-дамы и фрейлины. Въ иные дни, по особому приглашенію, бывалъ какой нибудь крупный сановникъ, двое или трое министровъ, нѣсколько сенаторовъ и членовъ государственнаго совѣта, восемь или десять генераловъ и полковниковъ—всего отъ тридцати до сорока человѣкъ. Женщинъ бывало отъ двадцати до тридцати, и приглашались онѣ всегда изъ числа женъ камергеровъ, флигель-адъютантовъ

или значительныхъ сановниковъ, изрѣдка изъ женъ генераловъ и еще рѣже приглашались иностранки.

Если раутъ былъ безъ спектакля, и если императоръ присутствовалъ въ покояхъ императрицы, въ первомъ этажѣ, то вечеръ почти ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ дней. Жозефина, сказавъ каждому нѣсколько любезностей, садилась за триктракъ, въ который она играла превосходно, и приглашала въ качествѣ партнера кого нибудь изъ крупныхъ сановниковъ, если же такого не было, то камергера или своего почетнаго кавалера. Въ другіе дни, особенно въ дни собраній, она играла въ вистъ, который, впрочемъ, занималъ ее меньше, и она бралась за карты скорѣе для препровожденія времени, чѣмъ ради удовольствія. На деньги въ Тюльери не играли. Вмѣсто нихъ, на столъ клали изобрѣтенные Денономъ жетоны, на которыхъ были выгравированы Гэраромъ аллегорическіе символы счастья и несчастья. Наполеонъ иногда присаживался къ одному изъ столовъ и приглашалъ къ себѣ въ партнеры—а больше для болтовни—одну изъ своихъ сестеръ или кого нибудь изъ придворныхъ дамъ. Въ другой залѣ дамы играли въ лото. Разговоровъ было мало. Мужчины должны были стоять; они старались дѣлать видъ, что имъ весело,

и молчали, перекидываясь лишь изрѣдка между собою банальными фразами.

Нерѣдко Наполеонъ, не прикасаясь къ картамъ, направлялся къ дамамъ, которыя, стоя, ожидали его приглашенія сѣсть. Съ болѣе близкими изъ нихъ онъ бесѣдовалъ, причемъ больше говорилъ самъ, критикуя ихъ туалетъ или задавая имъ разные вопросы. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ императоромъ, интимные вечера, на которыхъ онъ развлекался въ Мальмезонѣ, прекратились, наступилъ конецъ и шарадамъ, и чтенію вслухъ, и тѣмъ исторіямъ о привидѣніяхъ, которыя разсказывались всѣми поочередно, и приглашеніямъ музыкантовъ исполнить какую нибудь меланхолическую пьесу, въ полумракѣ, при свѣчахъ, завѣшанныхъ газомъ; прекратились игры въ vingt-et-un, при которыхъ первый консулъ, держа банкъ, радовался своему ловкому плутовству и подсмѣивался надъ проигравшими; прекратились взрывы веселости съ товарищами по оружію, обращавшимися до тѣхъ поръ съ Наполеономъ не какъ придворные, а съ прямотою искреннихъ друзей, насталъ конецъ, рѣшительно и навсегда, болтовнѣ съ нѣкоторыми дамами, которыхъ онъ зналъ дѣвочками и надъ которыми любилъ подшучивать. Теперь онъ — императоръ, у него есть дворъ, и

при этомъ дворѣ еще большій, чѣмъ онъ господинъ—скука.

Чаще всего, даже въ дни раутовъ, если ничто его не удерживало, или если онъ не находилъ себѣ по вкусу собесѣдника, Наполеонъ, пройдя нѣсколько разъ по залѣ, поднимался къ себѣ и принимался за работу; такъ онъ поступалъ, когда не нужно было выѣзжать съ императрицей въ театръ (что случалось рѣдко съ тѣхъ поръ, какъ былъ устроенъ театръ въ Тюльери), когда не было пріема въ большомъ залѣ Тюльери или въ малыхъ аппартаментахъ, или концерта въ Маршальской залѣ, или маленькаго концерта у императрицы. Изо всѣхъ развлеченій это послѣднее императоръ наиболѣе любилъ: музыка, особенно вокальная, приводила его въ восторгъ

Иногда онъ посѣщалъ балы, которые давала одна изъ его сестеръ или кто нибудь изъ министровъ, особенно, если это былъ маскарадный балъ; нерѣдко, однако, онъ давалъ обѣщаніе быть, но начатая работа увлекала его, и онъ оставался.

Замѣчательный балъ данъ былъ морскимъ министромъ 23-го февраля 1806 года. У входныхъ дверей стояли два курьера, державшіе зажженныя жирондели, которыя они должны были скрестить при появленіи императора; подъ воротами привратникъ держалъ дру-

гія жирондели, которыя несли впереди его величества; шесть залъ министерства были наполнены отборнымъ обществомъ, состоявшимъ изъ людей, лично извѣстныхъ Наполеону, которому предварительно былъ представленъ списокъ приглашенныхъ. Тѣмъ не менѣе, императоръ назначилъ въ восемь часовъ вечера этого дня свиданіе министру финансовъ. „Поспѣемъ на балъ и въ десять часовъ“, сказалъ онъ ему, и оба они углубились въ обсужденіе бюджета. Около полуночи въ двери кабинета кто-то постучался. Это былъ пажъ, присланный императрицей, которая поручила сказать императору, что балъ великолѣпенъ и что императора ждутъ съ нетерпѣніемъ. „Сейчасъ, крикнулъ въ отвѣтъ Наполеонъ. Скажите императрицѣ, что я занятъ съ министромъ финансовъ. Мы придемъ“. Черезъ часъ новый посланецъ; тотъ-же отвѣтъ. Наполеонъ продолжаетъ работать. Бьютъ часы.

— Который это часъ пробило?

— Три часа, государь!

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь ужь поздно идти на балъ. Какъ вы думаете?

— Я того-же мнѣнія.

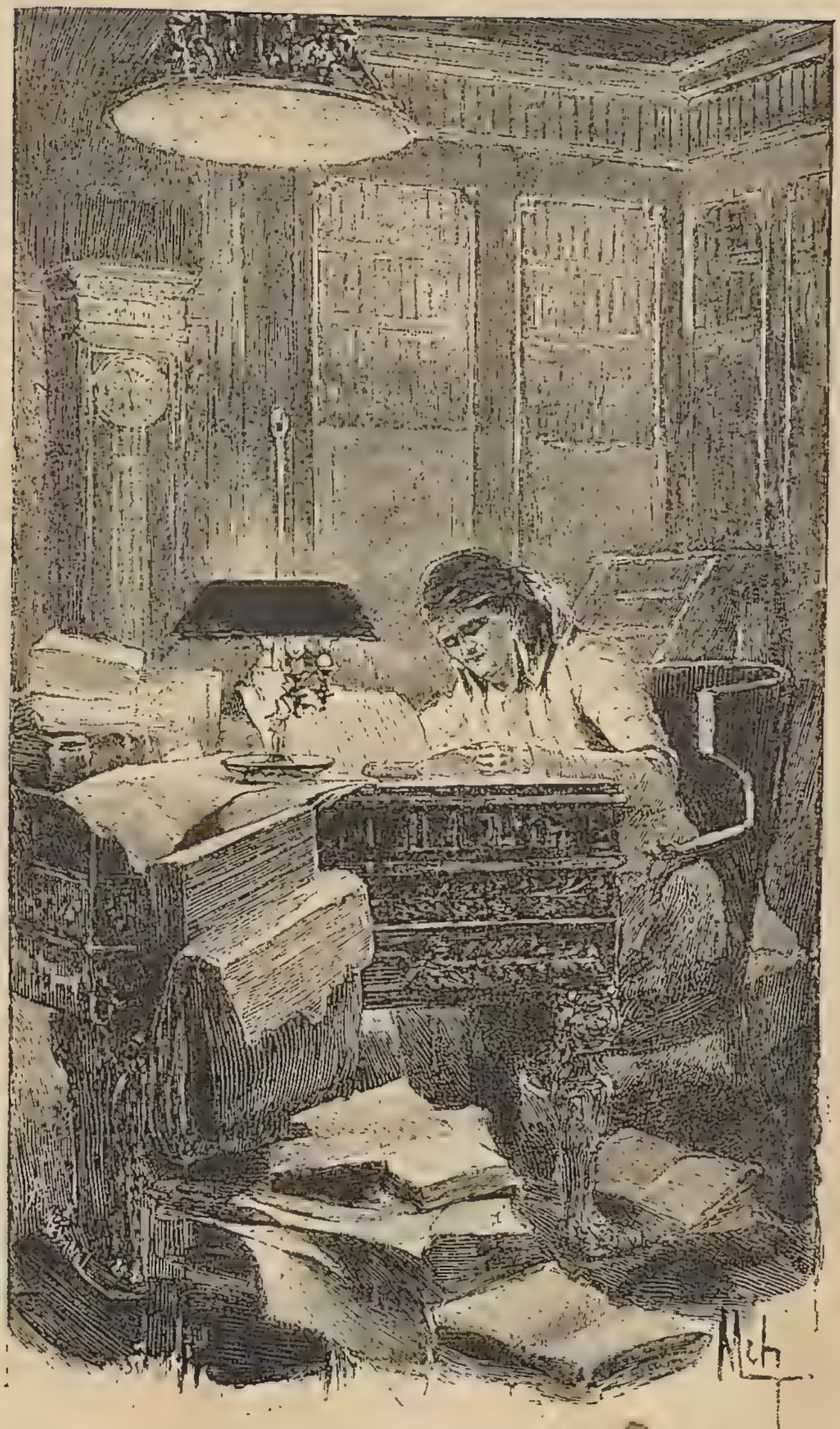
— Такъ пойдемте оба спать. Вотъ, прибавилъ онъ весело, прощаясь съ министромъ, многіе думаютъ, что мы проводимъ всю жизнь въ удовольствіяхъ,

и только ѣдимъ сласти, какъ говорятъ на востокѣ. Спокойной ночи, министръ.

Дѣло было для него выше всякихъ развлеченій, всякаго удовольствія, всякаго чувственнаго наслажденія. Извѣстно не мало анекдотовъ, доказывающихъ это. Но ужъ если онъ веселился, то отъ всей души. Въ интимномъ кругу онъ танцовалъ, по крайней мѣрѣ до 1807 года, но исключительно кадриль; въ 1810 году, во время женитьбы на Маріи-Луизѣ, онъ пробовалъ учиться вальсу, но отъ этого танца у него кружилась голова. Танцоромъ онъ былъ, вообще, довольно посредственнымъ и не дѣлалъ особенной чести своему учителю танцевъ, Дотелю; больше всего онъ любилъ „гросфатеръ“, который танцовали подъ конецъ бала. Танецъ этотъ представляетъ нѣчто въ родѣ котильона того времени, и начинается настолько продолжительному promenade'омъ, насколько того пожелаетъ первая пара; затѣмъ слѣдующія фигуры также зависятъ отъ выбора этой пары: то дама садится въ кресло, а кавалеры становятся передъ нею на колѣни; то сплетается изъ рукъ бесѣдка—словомъ все зависитъ отъ изобрѣтательности предводителей. „Я вернусь къ гросфатеру“, говорилъ Наполеонъ, отлучаясь съ бала, и нерѣдко сдерживалъ слово.

Если онъ присутствовалъ на спектаклѣ, то выси-

живалъ всего одинъ актъ; большею частью, онъ въ эти дни назначалъ въ девять часовъ свиданія и аккуратно являлся на нихъ. Если онъ и оставался долѣе, то не позже десяти часовъ, такъ какъ это былъ обычный часъ *отхода ко сну*, который оффиціально соотвѣтствовалъ утреннему выходу, но былъ менѣе значителенъ и не столь многолюденъ. Камергеръ подносилъ императору списокъ лицъ, находившихся въ первой залѣ, потомъ вводилъ *главныхъ приближенныхъ*, а затѣмъ служебный персоналъ. Наполеонъ довалъ краткія распоряженія, потомъ удалялся во внутренніе покои, куда онъ уводилъ иногда кого нибудь изъ своихъ адъютантовъ, чтобы еще поболтать съ нимъ, и, наконецъ, раздѣвался при помощи лишь камеръ-лакеевъ, бросая свои вещи куда попало. Нерѣдко улегшись въ постель, онъ призывалъ императрицу и просилъ ее почитать ему, или же бесѣдовалъ съ кѣмъ нибудь изъ наиболѣе приближенныхъ лицъ. Случалось, что среди разговора онъ засыпалъ; извѣстна исторія съ Талейраномъ, которому пришлось провести цѣлую ночь на диванѣ, потому что императоръ заснулъ во время бесѣды съ нимъ. Однако, очень рѣдко, даже почти никогда не приходилось ему проспать всю ночь напролетъ; онъ никогда не спалъ долѣе трехъ часовъ подъ рядъ. Разбуженный внезапно, даже противъ желанія, онъ



Вечернія занятія Наполеона.

сразу приходилъ въ состояніе полнаго бодрствованія. „Послѣ полуночи мой мозгъ бываетъ до того свѣжъ, говорилъ онъ, что если меня что нибудь мгновенно разбудитъ, то я встаю вполнѣ бодрымъ, и по моимъ глазамъ невозможно догадаться, что я только что спалъ; диктую я съ такою же свѣжестью, какъ и въ любое время среди дня".

Однажды вечеромъ онъ велѣлъ сказать д'Отриву, чтобы тотъ пришелъ работать въ одиннадцать часовъ. Д'Отривъ былъ акуратенъ, но тѣмъ не менѣе не могъ попасть къ императору и въ часъ ночи, потому что некому было провести его. Всѣ во дворцѣ покончили свои дѣла и легли спать. Д'Отривъ велѣлъ разбудить дежурнаго адъютанта, который отправился къ Наполеону за приказаніями; онъ уже легъ; д'Отриву послышалось: приглашали его на завтра въ одиннадцать часовъ. Но въ одиннадцать часовъ утра или ночи? Адъютантъ возвращается и получаетъ приказаніе ввести д'Отрива. Наполеонъ сидитъ на кровати въ халатѣ, голова его повязана платкомъ. Онъ очень любезно приглашаетъ посѣтителя садиться, беретъ бумаги, прочитываетъ ихъ, задаетъ вопросы, обсуждаетъ отвѣты и продиктовываетъ нѣсколько депешъ. Ни малѣйшаго признака нетерпѣнія, или упрека за то, что ему не дали спать, потревожили его сонъ.

Чаще всего, послѣ трехчасоваго крѣпкаго сна, въ совершенной темнотѣ—такъ какъ онъ не выносилъ ночью никакого свѣта, и достаточно было малѣйшаго мерцанія самой маленькой лампы, чтобы не дать ему заснуть,—онъ звонилъ камердинеру, надѣвалъ халатъ, панталоны со штрипками и отправлялся въ кабинетъ. Если у него не было никакой опредѣленной работы, то онъ не посылалъ за секретаремъ, а, усѣвшись за столъ, дѣлалъ отмѣтки на докладахъ министровъ. Въ этотъ часъ онъ посвящалъ себя цифрамъ и спискамъ расположенія своихъ войскъ, тѣмъ спискамъ, которые были самыми драгоцѣнными для него книгами во всей библіотекѣ, и которые онъ въ часы досуга читалъ съ наибольшимъ удовольствіемъ. Тогда-то, среди полной тишины уснувшаго дворца и успокоившагося Парижа, онъ возстановлялъ въ своей памяти каждую единицу, составлявшую его войска—человѣка за человѣкомъ, эскадронъ за эскадрономъ, батарею за батареей; онъ считалъ своихъ солдатъ, прослѣживалъ движенія ихъ по дорогамъ Европы и могъ назвать всякій привалъ ихъ, всякую ночевку—почти могъ назвать каждаго изъ нихъ по имени.

Но если предстояла какая нибудь большая работа, вродѣ писанія писемъ или разработки проек-

товъ, то онъ велѣлъ будить секретаря и диктовалъ ему, непрерывно ходя по комнатѣ и заложивъ руки за спину. Часто, среди работы, онъ приказывалъ подать шоколадъ или мороженое—только не кофе, которое онъ пилъ лишь за обѣдомъ,—или даже что нибудь болѣе существенное, такъ какъ всякій вечеръ приготовлялся ужинъ, состоявшій изъ жареной курицы, двухъ entremets, одного дессерта и полубутылки шамбертена. Императоръ, приглашалъ секретаря раздѣлить закуску и начиналъ съ нимъ бесѣдовать, излагая свои надежды на будущее и предаваясь смѣлому полету своей фантазіи. Нерѣдко, съѣвъ мороженое, онъ приказывалъ приготовить ванну, которую постоянно держали для него на готовѣ. Ложился ли онъ послѣ ванны спать, или оставался на ногахъ, но больше шести часовъ онъ никогда не проводилъ въ постели.

Несомнѣнно, что изъ двадцати четырехъ часовъ не болѣе трехъ посвящалось обѣду, представленіямъ, женщинамъ и развлеченіямъ,—остальные часы Наполеонъ проводилъ въ работѣ. По словамъ Редерера, хорошо знавшаго порядокъ его жизни, работѣ посвящалось не 15 только, а 18 часовъ, такъ какъ Наполеонъ работалъ постоянно: во время обѣда, на балу, въ театрѣ. Для того времени, да, по всей вѣ-

роятности, и для всякаго, Наполеонъ былъ человѣкомъ, который меньше всего заботился о тѣлѣ, а больше всего о духѣ. Это не объясняетъ, разумѣется, величія его дѣла, но даетъ понятіе объ его громадности.

X.

Воскресенье.

Нужны были исключительныя и рѣдкія обстоятельства, чтобы заставить Наполеона среди недѣли прервать свою работу, измѣнить своимъ привычкамъ и увлечься чѣмъ нибудь. Бывало это въ томъ случаѣ, если онъ ощущалъ физическую потребность въ сильномъ движеніи, какъ, напримѣръ, охота; или если онъ считалъ необходимымъ показаться народу и возбудить въ націи чувства, грозящія ослабленіемъ; или если любопытство тянуло его посѣтить кой-какія сооруженія, заказанныя имъ, осмотрѣть проектированныя имъ большія постройки скотобоенъ, или лично узнать настроеніе умовъ въ публикѣ, и, подражая Гарунъ-аль Рашиду, совершить инкогнито прогулку по Парижу въ сопровожденіи одного лишь Дюрока, его Джіафара. Подобныя фантазіи являлись ему, однако, очень рѣдко и въ Тюльери онъ велъ больше сидячую и замкнутую жизнь. Онъ чуждался даже такихъ развлеченій, которыя были для него

необходимы, вродѣ прогулки по саду; садъ этотъ былъ публичный и, если консулъ или императоръ показывался тамъ, вокругъ него тотчасъ-же собиралась толпа и ходила за нимъ. Лишь во время беременности Маріи-Луизы, въ послѣдніе мѣсяцы 1810 года, Наполеонъ велѣлъ отдѣлить террассу у воды, съ которою изъ дворца можно было сообщаться посредствомъ нарочно устроеннаго подземнаго хода; но лишь только императрица переѣхала изъ Тюльери въ Сенъ-Клу, терасса была вновь предоставлена публикѣ. Если медлили съ открытіемъ рѣшетки, императоръ умѣлъ напоминать о своихъ приказаніяхъ и не терпѣлъ возраженій.

Цѣлую недѣлю Наполеонъ жилъ отшельникомъ, проводя почти все время въ рабочемъ кабинетѣ и во внутреннихъ покояхъ; при такомъ образѣ жизни этикетъ почти не имѣлъ никакого значенія, и часы бѣжали словно подъ бичемъ у курьеровъ, привозившихъ депеши со всѣхъ концовъ Европы. Но по воскресеньямъ Наполеонъ проводилъ весь день внѣ своихъ покоевъ, показываясь при дворѣ, передъ народомъ, войскомъ, представителями иностранныхъ державъ и т. д.

Это былъ лишь другой родъ работы, который нравился ему менѣе. Многіе государи считаютъ всякаго рода парады наиболѣе важнымъ дѣломъ въ

роли монарха, но Наполеонъ смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто совершенно лишнее, такъ какъ его прельщала прежде всего реальная сторона власти, и если онъ тѣшилъ иногда свое воображеніе пышностью кортежей и устройствомъ церемоній, то его быстро утомляла подобная игра, и тамъ, гдѣ онъ думалъ найти утѣху своему тщеславію, онъ находилъ лишь безконечную скуку.

Удѣляя этотъ день на всѣ скучныя обязанности своего высокаго положенія, онъ урывалъ какъ можно меньше времени у своей реальной власти, у той, которая одна только и была важна для имперіи и для него самого; однако и этого было достаточно для поддержанія іерархіи, для соблюденія этикета, и для того, что показывать царедворцамъ, что онъ на своемъ мѣстѣ, готовый играть роль императора и выполнять свои обязанности начальника, инспектора и даже высшаго инструктора войскъ.

Онъ оставлялъ за собою утро воскреснаго дня, которое проводилъ, какъ обыкновенно. Туалетъ былъ такой-же, какъ всегда; мундиръ надѣвался тотъ-же самый, за исключеніемъ торжественныхъ дней, въ которые онъ надѣвалъ большую ленту Легіона не подъ мундиръ, а сверхъ него, и самый мундиръ былъ чаще гренадерскій, чѣмъ егерскій. Выходы, аудіенціи, завтракъ—все ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ

дней; но въ полдень императоръ выходилъ изъ своихъ покоевъ.

Императрица отправлялась въ дворцовую церковь въ сопровожденіи цѣлаго кортежа. Впереди пажи, затѣмъ шталмейстеры и камергеры принцессъ, за ними ея собственные шталмейстеры и камергеры, дежурные и экстренные; по правую руку, нѣсколько позади, оберъ-шталмейстеръ и придворный духовникъ; по лѣвую руку—статсъ дама, а позади—принцессы, камерфрау, придворныя дамы и компаньонки принцессъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, увѣдомленный объ этомъ императоръ отправлялся туда-же, и его свита была еще болѣе многолюдною. Въ главѣ шли пажи со своимъ начальникомъ, оберъ-церемоніймейстеръ, его помощникъ, шталмейстеры, префектъ дворца, камергеры, управляющій дворцомъ, дежурные камергеръ и шталмейстеръ, дежурный адъютантъ и, наконецъ, за пятью высшими чинами короны слѣдовалъ самъ императоръ. Тотчасъ вслѣдъ за нимъ шелъ дежурный генералъ гвардіи и главный священникъ. Затѣмъ слѣдовали принцы императорской фамиліи, принцы имперіи, генералы гвардіи, адъютанты, не находящіеся на дежурствѣ, затѣмъ духовникъ императора и офицеры, состоявшіе при принцахъ.

Изъ Тронной залы кортежъ направлялся по большой лѣстницѣ, окаймленной съ двухъ сторонъ шпалерами пѣхотныхъ гвардейцевъ, слѣдовалъ въ Караульную залу, проходилъ между статуями Молчанія и Размышленія, поднимался по лѣстницѣ залы государственнаго совѣта, и оттуда входилъ въ императорскую трибуну церкви, смежной съ залою. Дверью залы государственнаго совѣта, въ которую входилъ кортежъ, пользовался исключительно императоръ, проходя черезъ нее по воскресеньямъ со своимъ дворомъ, а въ будни съ дежурнымъ камергеромъ, чтобы предсѣдательствовать въ государственномъ совѣтѣ.

Иногда оба кортежа соединялись. Тогда императоръ и императрица, принцы и принцессы сходились въ Тронной залѣ. Въ первой пріемной, находившейся передъ этой залой, ожидали лица, состоявшія при принцахъ, сенаторы, члены государственнаго совѣта и генералы; во второй пріемной (первой комнатѣ по выходѣ изъ Маршальской залы) ожидали депутаты, судьи и офицеры, имѣвшіе доступъ ко двору. Когда императоръ, подавъ императрицѣ руку, выходилъ изъ Тронной залы, свита императрицы шла впереди свиты императора, шествіе направлялось совершенно тѣмъ же порядкомъ, тѣми же большими лѣстницами, по которымъ

приходилось то спускаться, то подниматься; здѣсь можно было развить всю пышность монархическаго режима, но, къ сожалѣнію, императоръ постоянно спѣшилъ, шелъ слишкомъ быстро, и вредилъ этимъ торжественности церемоніи.

Если императрица шла одна, то при проходѣ ея били барабаны. Вторичный барабанный бой извѣщалъ прибытіе государя, и приставъ, распахивая предъ нимъ обѣ створки двери, возвѣщалъ: „Императоръ!“.

Церковь была уже полна. Внизу, по сторонамъ алтаря, стояло на караулѣ по гренадеру, съ ружьемъ къ ногѣ. Средняя часть церкви быза наполнена публикой, проникавшей туда изъ нижней галлереи со стороны сада. Императоръ никогда не соглашался, чтобы публику пускали въ церковь по билетамъ, и поэтому лучшія мѣста занимались первыми вошедшими. „Все, что относится къ богослуженію, должно быть доступно даромъ и для всего народа, говаривалъ онъ. Взиманіе платы за входъ или за мѣсто въ церкви возмутительно; нельзя лишать людей только потому, что они бѣдны, того, что служитъ утѣшеніемъ въ ихъ бѣдности“.

Императорская трибуна занимала всю стѣну противъ алтаря; по лѣвую сторону находилась трибуна придворныхъ дамъ или дамъ, представленныхъ

ко двору; на право—большія открытыя окна залы государственнаго совѣта, въ которой тѣснились всѣ, допущенные къ предстоявшей большой аудіенціи и имѣющіе доступъ ко двору; всѣ они были въ мундирахъ своей должности и чина. Музыкантамъ императорской капеллы, расположеннымъ амфитеатромъ въ круглой нишѣ напротивъ императора за колоннами, украшавшими, надъ алтаремъ, противоположный конецъ залы, представлялась слѣдующая картина: средина, сверкающая золотомъ и серебромъ; по одну сторону масса роскошныхъ туалетовъ; по другую, менѣе парадную—яркіе цвѣта военныхъ мундировъ, бросающихся въ глаза на менѣе пестромъ фонѣ гражданскихъ костюмовъ, вышитыхъ свѣтлыми шелками; внизу толпа людей, обладавшихъ, какъ требовалъ приказъ, „приличною внѣшностью“.

Наполеонъ вспоминалъ о словахъ, сказанныхъ ему Жирарденомъ, когда, въ качествѣ перваго консула, онъ собирался возстановить католическую религію.

— Вамъ придется ходить къ обѣднѣ, сказалъ Жирарденъ.

— Быть можетъ.

— Но вы должны будете также принуждать всѣхъ сановниковъ бывать въ церкви.

— Что за вздоръ!

— Нѣтъ, гражданинъ консулъ; это будетъ такъ, потому что вы признаете это необходимымъ, и я заранѣе прошу васъ пригласить въ свою церковь музыкантовъ получше, потому что хорошая музыка служитъ лекарствомъ противъ скуки, а обѣдня, слушать которую мы уже отвыкли, пожалуй будетъ нагонять на насъ сильную скуку.

Ни одна домовая церковь въ мірѣ не могла сравниться съ церковью императора. Капельмейстеромъ ея, послѣ Паизіелло, былъ Лезюеръ, авторъ *Бардовъ*, изгнанный, разоренный, доведенный до отчаянія партіей консерваторіи, и вновь возвышенный первымъ консуломъ. Онъ далъ ему кусокъ хлѣба, пріютъ, театръ и возможность снискать себѣ славу. Затѣмъ было два дирижера—Персюи и Рошфоръ; два первыхъ пѣвца, Леи и Мартенъ; четыре первыхъ пѣвицы, Бранпю, Арманъ, Дюре, Альберъ; три первыхъ дисканта, три вторыхъ дисканта—мужчины, и столько же женщинъ; одинъ первый теноръ, пять теноровъ, пять низкихъ басовъ, два контральто и шесть баритоновъ. Въ инструментальномъ отдѣленіи первымъ скрипачемъ императора былъ Крейцеръ, затѣмъ еще восемь первыхъ скрипокъ, девять вторыхъ, четыре альта, восемь басовъ, четыре контрбаса, два піаниста, одинъ арфистъ, двѣ флейты, три гобоя, четыре кларнета, одна сольная валторна,

затѣмъ еще три валторны и четыре фагота. И это были все лучшіе артисты Парижа, которыхъ императоръ велѣлъ Лезюеру разыскивать по одному, въ то время, когда большинству изъ нихъ не оставалось ничего, кромѣ эмиграціи или смерти, такъ какъ Керубини и консерваторія закрыли для нихъ всѣ двери. Получали они въ общей сложности 153,800 франковъ, но главное значеніе имѣло для нихъ покровительство императора, такъ какъ, помимо ихъ должностей при императорскихъ театрахъ, оно давало имъ возможность находить уроки, составлявшіе для нихъ важный источникъ доходовъ.

Едва барабанщикъ успѣлъ возвѣстить о прибытіи императора, какъ появляется церковный церемоніймейстеръ, и священникъ, окруженный сослужителями, выходитъ изъ ризницы. Благословивъ алтарь, онъ поворачивается къ ихъ величествамъ, благословляетъ ихъ и тотчасъ начинаетъ обѣдню. Она была недолга и продолжалась всего минутъ двадцать, причемъ все время игралъ оркестръ. Музыка эта прекрасна и оригинальна, такъ какъ Лезюеръ большую часть своихъ мессъ сочинилъ спеціально для императорской церкви.

Императрица Жозефина, на колѣняхъ передъ налоемъ, украшеннымъ малиновымъ бархатомъ съ золотой бахромою, сохраняетъ самую сосредоточен-

ную позу; одѣта она въ платье со шлейфомъ, по гречески, съ короткой таліей и такими же рукавами; греческая прическа ея украшена діадемой. Рядомъ съ нею, немного позади, стоитъ императоръ «въ военной позѣ», скрестивъ руки, и взглядъ его переходитъ съ одного предмета на другой. Иногда онъ наклоняется къ Жозефинѣ, которая отдаетъ этимъ разговорамъ лишь самое необходимое время и снова принимаетъ благоговѣйный и сосредоточенный видъ. За исключеніемъ этихъ моментовъ, Наполеонъ, не щеголяя набожностью и не опускаясь на колѣни, остается однако важенъ, серьезенъ и неподвиженъ. Этой минутой надлежало пользоваться художникамъ, чтобы рисовать съ натуры его портретъ, и, дѣйствительно, недостатка въ желающихъ сдѣлать это не было. Отмѣтимъ, хотя бы, рисунокъ Куде, сдѣланный въ 1811 году, два портрета Жироде 1812 года, не считая множества другихъ, которые покоятся неизвѣстными въ портфеляхъ любителей.

Эта серьезность при исполненіи религіознаго обряда служила контрастомъ съ тѣмъ воспоминаніемъ, которое сохранилось у нѣкоторыхъ людей о прежнемъ дворѣ, когда поведеніе Людовика XVI скандализовало англійскихъ путешественниковъ, такъ какъ „за исключеніемъ момента вынутія просфиры,

онъ, втеченіе всей обѣдни, весьма оживленно бесѣдовалъ съ графомъ д'Артуа".

Лишь съ 9 декабря 1806 года обѣдню стали служить въ часовнѣ, выстроенной Персье и Фонтеномъ, до тѣхъ же поръ богослуженіе не происходило въ опредѣленномъ мѣстѣ и не было обставлено соотвѣтствующей торжественностью. Письмомъ отъ 30 жерминаля X года, первый консулъ предписалъ Дюроку „велѣть устроить около его рабочаго кабинета, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была ванна, все, что необходимо для часовни, заставивъ зеркало картиною или задѣлавъ его обоями, и устроить нѣчто вродѣ ширмъ, чтобы маскировать лѣстницу. Его спальня должна была непосредственно сообщаться съ этой часовней". Въ такомъ положеніи дѣло оставалось недолго, и сомнительно даже, пользовались ли этой часовнею; впослѣдствіи всякое воскресенье обѣдню служили въ залѣ, гдѣ засѣдалъ государственный совѣтъ. Алтарь появлялся лишь въ воскресенье, а втеченіе недѣли былъ запертъ въ шкафу. Столы императора и первыхъ сановниковъ уносили, прибирали на скорую руку и столы чиновъ государственнаго совѣта, докладчиковъ и аудиторовъ, и такимъ образомъ отправляли службу. Наконецъ, въ 1805 году, послѣ того, какъ предписано было сдѣлать во дворцѣ большія передѣлки, Господу Богу

также отвели уголокъ, между театральной залой и залой государственнаго совѣта.

Послѣ запричастной молитвы *domine salvum*, исполненной всѣмъ оркестромъ и хоромъ, и молитвы пропѣтой священникомъ, послѣдній у подножія алтаря благословлялъ императора, и кортежъ составлялся вновь, чтобы вернуться въ большіе апартаменты.

Тамъ тѣснилась толпа; среди нея были гражданскіе чиновники, до супрефекта включительно, и военные—до батальоннаго командира,—не исключая отставныхъ, получившіе разрѣшеніе дежурнаго камергера; послѣднему отданъ былъ приказъ никогда не отказывать во впускѣ. Впускали, впрочемъ, только въ полной парадной формѣ или въ парадномъ костюмѣ, но отнюдь не въ мѣщанскомъ платьѣ; лица, ѣздившія ко двору для представленія были одѣты во фракъ и при шпагѣ.

Всѣ присутствующіе, не исключая высшихъ чиновъ, волновались при мысли, что предстанутъ передъ очи Наполеона. Одинъ маршалъ имперіи говорилъ: „По воскресеньямъ мы ждали въ большой галлереѣ, и лишь только проносилось слово: императоръ!—всѣ мы блѣднѣли; я знаю многихъ лицъ, извѣстныхъ за удальцовъ, которыя дрожали при этомъ всѣми членами“. Всякій мечталъ хотя на секунду

обратить на себя вниманіе, одинъ держалъ подъ мышкою книгу, которую намѣревался поднести, если о ней спросятъ; другой дѣлалъ видъ, что прячется, желая убѣдиться, дѣйствительно ли онъ впалъ въ немилость, или наоборотъ, желая знать, отличатъ ли его. Одно слово изъ устъ императора, имя, произнесенное имъ, заставляли забывать всѣ труды, вызывая безмѣрную радость, давали запасъ тщеславія на цѣлый день.

Наполеонъ приближается то быстрыми, короткими шагами, то развалистой походкой, но не изъ подражанія, какъ говорили, Бурбонамъ, а просто потому, что такая походка была, такъ сказать, свойственной его положенію и, по мѣткому замѣчанію Жирардена, «происходила отъ невольнаго и неизбѣжнаго замѣшательства, которое долженъ испытать всякій, кто служитъ центромъ, на который устремлены взоры всѣхъ присутствующихъ». Съ полуулыбающимся видомъ, онъ бросаетъ направо и налѣво взгляды, проникавшіе до самыхъ концовъ галлереи, и замѣчавшіе и незнакомое лицо, и то, которому нужно что нибудь сказать, и то, которое нужно или желательно видѣть, и то, чей видъ вызываетъ какую нибудь идею, связанную съ тѣмъ или другимъ изъ его будущихъ проектовъ. Затѣмъ онъ прямо направлялся къ человѣку и по двумъ-тремъ фразамъ,

требовавшимъ немедленнаго и краткаго отвѣта, составлялъ себѣ о немъ точное мнѣніе, опредѣлялъ его способности и отмѣчалъ его въ своей памяти.

Здѣсь ему подносятъ бумагу, которую онъ передаетъ дежурному флигель-адъютанту; тамъ онъ беретъ книгу, которую замѣтилъ у кого нибудь подъ мышкой; направо и налѣво онъ отдаетъ легкіе поклоны, а важнымъ сановникамъ, которыхъ желаетъ отличить, кидаетъ короткія фразы: „Какъ поживаете, господинъ сенаторъ?“, „Какъ поживаете, господинъ государственный совѣтникъ?“. Чаще онъ называлъ чинъ и должность лица, чѣмъ его имя, такъ какъ костюмъ служилъ для этого достаточнымъ указаніемъ, а въ имени онъ могъ ошибиться. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить эпизодъ съ членомъ института Амельономъ, съ которымъ у Наполеона произошелъ слѣдующій разговоръ, если и сомнительной достовѣрности, то во всякомъ случаѣ остроумно выдуманный:

— А, это вы, господинъ Ансильонъ?

— Да, государь, я—Амельонъ.

— А, да, Амельонъ. Вѣдь это вы продолжали римскую исторію Лебона?

— Да, государь, исторію Лебо...

— Да, да, Лебо... до взятія Константинополя арабами?

— Точно такъ, государь, до взятія его турками.

— Ну, конечно, турками... въ 1449 году!

— Да, государь, въ 1453.

— Въ 1453, именно.

Все это не помѣшало, однако, восхищенному Амельону говорить потомъ сосѣдямъ: «Удивительно! Онъ все знаетъ и все помнитъ. Его положительно нечему учить!»

Впечатлѣніе все же было произведено. Но если Наполеону случалось ошибаться, пускаясь,—изъ любезности и не придавая этому большаго значенія,—въ область исторіи, литературы или чистой науки, то нечего было опасаться, что онъ ошибется хотя бы на одну іоту, когда рѣчь шла о государственныхъ дѣлахъ. Если онъ видѣлъ пріѣзжаго изъ Иллирійскихъ провинцій, изъ Гамбурга или изъ Амстердама, онъ выспрашиваетъ у него два-три нужныхъ ему факта и проходитъ далѣе. Вотъ префектъ, котораго онъ и не думалъ приглашать на аудіенцію. Зачѣмъ онъ здѣсь? Что ему понадобилось въ Парижѣ? Краткій отвѣтъ—и, если онъ ясенъ, Наполеонъ идетъ дальше. Тамъ разжалованный офицеръ передаетъ ему въ двухъ словахъ суть своего дѣла, подаетъ прошеніе; часто Наполеонъ дѣлаетъ на прошеніи отмѣтку и проходитъ далѣе. Справедливость будетъ возстановлена.

Если какой нибудь престарѣлый ветеранъ, видѣвшій прежнія войны и пережившій своихъ сверстниковъ, прибѣгалъ къ благотворительности императора, — Наполеонъ приказывалъ, чтобы его представляли ему. Такъ въ сентябрѣ 1806 года, имъ принятъ былъ Вилько, сто-двухъ-лѣтній старецъ, которому, кромѣ 2400 франковъ за путевыя издержки, онъ тотчасъ опредѣлилъ пенсію въ 600 франковъ. Никто не смѣлъ, изъ желанія быть замѣченнымъ, одѣться въ форму, носить которую не имѣлъ уже права или которая не была опредѣлена уставомъ; на другой же день виновный въ этомъ получалъ отъ гофмаршала письмо, напоминавшее узурпатору, что онъ носитъ знаки, не принадлежащіе отставному генералу,—и письмо это продиктовывалось самимъ императоромъ; его проницательное око видѣло все и всѣхъ, замѣчало, кого недостаетъ, провѣряло костюмы, выправку, подмѣчало даже выраженіе лицъ.

Эта воскресная аудіенція, служившая точкой соприкосновенія между нимъ и ближайшими его слугами съ одной стороны, и подданными почти всѣхъ ранговъ— съ другой, была однимъ изъ немногихъ, сохранившихся учрежденій директоріи, и для всѣхъ, начиная съ Наполеона, учрежденіе это было выгоднымъ.

Онъ проходилъ галлерею, большіе апартаменты,

гдѣ не долго останавливался, встрѣчая здѣсь только приближенныхъ, а говорить о дѣлахъ было не мѣсто. Онъ входилъ въ свой большой кабинетъ, въ которомъ онъ никогда не работалъ и который служилъ только для парада и выставки, не имѣя ничего общаго съ рабочимъ кабинетомъ во внутреннихъ покояхъ, куда не входилъ никто изъ постороннихъ и двери котораго были заперты для профановъ. Большой кабинетъ, называвшійся также императорскимъ салономъ, служилъ парадпымъ кабинетомъ и у Людовика XIV; онъ сообщался съ тронной залой и съ парадной спальней. Кабинетъ этотъ сохранялъ прежнее убранство въ стилѣ Людовика XIV, работы Лерамбера и Жирардена, съ картинами Куапеля; но Персье и Фонтенъ помѣстили здѣсь лишь одинъ изъ тѣхъ каминовъ своей работы, которые такъ замѣчательны своимъ стилемъ, изяществомъ и величавостью. Каминъ доходилъ до самаго потолка, росписаннаго и украшеннаго позолоченными и лѣпными фигурами; у потолка, на самомъ верху, горельефныя изображенія двухъ ангеловъ поддерживали земной шаръ, а въ центрѣ, въ барельефѣ, покоющемся на орлахъ и трофеяхъ, Исторія и Побѣда обрамляютъ огромные часы, отбивая каждый часъ. Въ этомъ салонѣ были расположены въ видѣ трофеевъ знамена и штандарты гвардіи. Это было главное, даже

можно сказать единственное украшеніе его, такъ какъ убранство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было задумано, никогда не было доведено до конца. Меблировка, кромѣ удивительной работы письменнаго стола, богато украшеннаго мѣдными орнаментами, стоявшаго лишь для формы и на которомъ никогда не писалъ ни императоръ, ни кто либо другой, состояла вначалѣ всего изъ шести креселъ и дюжины стульевъ или складныхъ табуретокъ, изъ позолоченнаго дерева, крытыхъ гобеленами. Но такое убранство было лишь временнымъ, а вскорѣ предполагалось украсить этотъ салонъ достойнымъ его назначенія образомъ. На стѣнахъ предположено было сдѣлать четыре панно, изображающихъ событія изъ жизни императора; эскизы ихъ были уже готовы, и обои находились въ отдѣлкѣ; общій тонъ мебели предполагалось сдѣлать пурпуровымъ, съ вытканными узорами, оттѣненными золотомъ. Самъ Дависъ изготовилъ рисунокъ одного изъ креселъ, а Дебре и Дюбуа, еще при директоріи, нарисовали и выполнили орнаментъ, который долженъ былъ подвести мебель подъ стиль уже существующихъ портьеръ. Одна изъ этихъ портьеръ, на пурпуровомъ фонѣ, съ каймой изъ орнаментовъ и императорскихъ эмблемъ, изображала Побѣду среди трофеевъ изъ современнаго оружія; а другая—Славу посреди тро-

феевъ изъ древняго оружія. Изъ четырехъ портьеръ которыми предполагалось убранство, двѣ должны были изображать, на такомъ-же фонѣ и съ такой-же каймой, гербы Франціи и Италіи, а другія двѣ— символическія фигуры, опирающіяся на соотвѣтственные трофеи, Науки и Искусства, Промышленность и Торговлю. На окнахъ предполагалось повѣсить гобеленовыя занавѣси того-же цвѣта и съ украшеніями въ томъ-же стилѣ.

Больше ничего. Художники и работники, зная для кого они трудятся, съумѣли бы сами придать всему грандіозность.

Въ этомъ кабинетѣ императоръ останавливался лишь ненадолго. При случаѣ онъ давалъ здѣсь короткія аудіенціи прибывшимъ или уѣзжающимъ союзнымъ князьямъ, которыхъ торжественно вводилъ оберъ-церемоніймейстеръ. Иногда этотъ пріемъ предшествовалъ обѣднѣ, но чаще слѣдовалъ за нею и происходилъ между окончаніемъ большого пріема и началомъ парада. Если парада не было и предполагалось представленіе депутаціи или принятіе присяги, то императоръ возвращался въ Тронную залу, гдѣ, окруженный высшими царедворцами, для которыхъ это служило единственнымъ отправленіемъ ихъ службы, высшими коронными и имперскими чинами и дежурными офицерами, онъ выслушивалъ

рѣчи, принималъ адресы и на все пространно отвѣчалъ. Для пріема присяги онъ нерѣдко оставался въ большомъ кабинетѣ. Тогда онъ удерживалъ при себѣ только одного изъ высшихъ сановниковъ, представлявшаго ему присягавшаго, оберъ камергера, вводившаго вновь произведеннаго офицера или чиновника, и государственнаго секретаря, читавшаго формулу присяги и составлявшаго актъ оной.

Наполеонъ придавалъ особенную важность присягѣ въ вѣрности. Онъ сдѣлалъ изъ нея одно изъ главнѣйшихъ основаній своей системы. Онъ вѣрилъ, что человѣкъ, дающій клятву въ вѣрности, сочтетъ себя связаннымъ ею на всю жизнь, и что неискренно присягнуть можетъ только безчестный человѣкъ. О чести онъ былъ такого мнѣнія: „Нація никогда не должна дѣлать что нибудь безчестное, такъ какъ въ такомъ случаѣ она будетъ послѣднею изъ всѣхъ; лучше было бы ей погибнуть“. То, что онъ говорилъ о націяхъ, онъ думалъ и объ отдѣльныхъ личностяхъ: безчестный человѣкъ—хуже послѣдней изъ тварей.

Съ верху до низу правительственной лѣстницы онъ думалъ установить нѣчто вродѣ культа присяги, но присяги не религіозной, таинственныя формулы которой были изгнаны, но такой, которая предполагаетъ въ человѣкѣ, принимающемъ ее, культъ

чести. Нарушивъ такую присягу, человѣкъ согрѣшитъ не передъ Богомъ—такіе грѣхи разрѣшаются священникомъ,—передъ собственною совѣстью.

Императоръ присягаетъ народу; всѣ, кого императоръ призываетъ къ служенію націи, приносятъ ее императору, свидѣтельствуютъ ему свою преданность искренно, и торжественно, и самолично, лишь только они возводятся на такую степень или должность. которыя облекаютъ ихъ властью, какъ напримѣръ, въ военной службѣ, начиная съ полковника. Къ присутствованію при присягѣ и къ участію въ ней привлекались первые сановники имперіи: великій курфирстъ, коннетабль, генералъ адмиралъ, архиканцлеры государства и имперіи, главный казначей,—каждый смотря по должности, и при каждой присягѣ государственный секретарь составлялъ отдѣльный актъ.

Всѣ эти присяги не помѣшали измѣнѣ; но тотъ, кто считалъ присягу связывающею другихъ людей, считалъ и себя связаннымъ ею и доказывалъ такимъ образомъ ту вѣру въ совѣсть другихъ людей, которую можно черпать только въ своей собственной совѣсти.

Какъ ни была эта церемонія серьезна и торжественна, но случались во время нея и комическіе эпизоды, нарушавшіе ея однообразіе. Вновь про-

изведенный, входя въ кабинетъ императора, долженъ былъ на ходу отдать три сложныхъ поклона, почти танцуя, которымъ приходилось учиться у Гарделя, балетмейстера оперы. Нерѣдко какой нибудь старый служака, мало заботившійся о своей выправкѣ, путался въ своихъ реверансахъ, не зная, ступить ли ему правой ногой или лѣвой, особенно въ то время, какъ приходилось отступать лицомъ къ императору, ни разу не повернувшись къ нему спиной и въ то-же время не сбиваясь съ пути. При этомъ сабля или шпага нерѣдко путалась между ногами и на энергичномъ, напряженномъ лицѣ выражалось нетерпѣніе, разрѣшавшееся казарменнымъ ругательствомъ по выходѣ за дверь. Все это чувствовалось присутствующими и придавало сценѣ комическій оттѣнокъ.

Обыкновенно частныя аудіенція—даже и принятіе присяги—оканчивались своевременно, безъ ущерба для предстоявшаго смотра войскамъ. При консульствѣ такіе смотры бывали въ каждую декаду—обыкновенные, и добавочные — въ квинтиди; но при имперіи, съ 1806 года, они производились лишь разъ въ двѣ недѣли, по поводу какихъ нибудь церемоній. Обыкновенные смотры происходили около часа пополудни, иногда немного позже, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ шесть часовъ вечера,

но тогда они ограничивались краткимъ дефилированьемъ войскъ.

Въ большинствѣ случаевъ дѣло происходило такимъ образомъ: въ субботу, ложась спать, Наполеонъ отдавалъ приказъ генералъ-полковникамъ гвардіи и губернатору Парижа относительно смотра войскъ и указывалъ части, которыя должны участвовать въ немъ. До опредѣленнаго часа части эти собирались на дворѣ дворца и на Карусельской площади, и поступали подъ начальство назначеннаго императоромъ генералъ-полковника гвардіи. Къ этому командиру назначались гофмаршаломъ, для передачи приказовъ, нѣсколько офицеровъ дворцоваго главнаго штаба. Лишь только корпуса выстраивались въ боевомъ порядкѣ, прапорщики и штандартъ-юнкера выходили изъ строя и собирались у павильона Часовъ. Дворцовый офицеръ становился во главѣ ихъ и велъ черезъ большую лѣстницу и большіе апартаменты въ императорскую залу, у дверей которой камергеръ докладывалъ о нихъ. Они брали знамена и штандарты, и тѣмъ-же порядкомъ возвращались подъ сводъ воротъ. Когда они выходили изъ нихъ на площадь, каждый со своей колонной, и музыка салютовала штандартъ, собравшаяся у рѣшетки толпа, опьяненная этой оргіей музыки и барабаннаго боя, этимъ воинственнымъ, по-

трясающимъ нервы, одновременнымъ стукомъ множества ружей и этими картинными жестами офицеровъ, салютующихъ шпагой, готова была вся какъ есть, не исключая недовольныхъ режимомъ, предъявить свои права на эти развѣвающіяся лохмотья подъ золотымъ орломъ. Послѣ каждаго смотра волонтеры стремились подъ знамена даже изъ самыхъ буржуазныхъ гнѣздъ, гдѣ обыкновенно люди не жалѣютъ средствъ, чтобы откупиться отъ военной службы наймомъ подставныхъ.

Аккуратно въ назначенный часъ (Наполеонъ не заставлялъ своихъ солдатъ ждать, какъ ждали сановники, принцы, маршалы и его жена), императоръ выходилъ изъ своей залы и, предшествуемый дежурными и сопровождаемый свитой, проходилъ большіе апартаменты, спускаясь по большой лѣстницѣ, а подъ сводомъ воротъ садился на лошадь. Кромѣ исключительныхъ случаевъ, напримѣръ въ видѣ вниманія къ проѣзжимъ принцамъ, которымъ онъ предлагалъ лошадь, его немногочисленный штабъ всегда былъ составленъ одинаково. Правомъ слѣдовать за императоромъ верхомъ пользовались только слѣдующія лица: коннетабль, вице-коннетабль, четыре генералъ-полковника гвардіи, губернаторъ Парижа, главный инспекторъ жандармеріи, четыре флигель адъютанта, шталмейстеръ, ординарцы и де-

журные пажи. Изъ нихъ коннетабль, Луи, не жилъ въ Парижѣ, изъ четырехъ генералъ-полковниковъ трое почти всегда находились въ походѣ или при своихъ войскахъ, а оберъ-шталмейстеръ былъ въ то-же время посланникомъ въ Россіи. Штабъ императора былъ обыкновенно менѣе многочисленъ чѣмъ штабъ перваго консула.

Пѣхота выстраивалась на дворѣ, кавалерія и артиллерія—на площади. Прежде всего Наполеонъ проѣзжалъ по всѣмъ рядамъ крупнымъ галопомъ, затѣмъ онъ спѣшивался и начиналъ маневры, которые долженъ былъ повторять по нѣсколько разъ каждый корпусъ. Кто нибудь изъ офицеровъ или унтеръ-офицеровъ, обладающій хорошимъ голосомъ для команды, находился подлѣ него для повторенія его приказаній. Потомъ онъ осматривалъ въ каждомъ полку каждаго солдата, заставляя ихъ въ иные дни открывать передъ нимъ ранцы, въ другіе—заглядывалъ въ каждый орудійный ящикъ, разспрашивая обо всемъ рѣшительно, такъ какъ въ его глазахъ каждый солдатъ имѣлъ значеніе, и исходъ кампаніи могъ зависѣть отъ пары сапогъ, которая должна была находиться въ ранцѣ, а сраженіе могло быть выиграно или проиграно въ зависимости отъ присутствія въ зарядномъ ящикѣ достаточнаго количества ядеръ. Во время маневровъ никто не щадилъ себя менѣе

Наполеона; если какое нибудь движеніе не удавалось, то его начинали вновь. Онъ одинаково провѣрялъ какъ подготовку офицеровъ, такъ и подготовку солдатъ, и не допускалъ ни въ комъ небрежнаго отношенія къ этой сторонѣ своихъ обязанностей. Ему было отлично извѣстно, что нѣкоторые изъ окружающихъ его офицеровъ считаютъ его щепетильность излишней, но онъ не мѣшалъ имъ ворчать про себя, если это имъ нравится. Однажды, будучи еще консуломъ, онъ услышалъ ропотъ около себя и сказалъ Ланну:

— Вотъ ты не сталъ бы ворчать на то, что, благодаря смотру, тебѣ придется обѣдать часомъ-двумя позднѣе.

— О! на этотъ счетъ вы можете быть спокойны. Мнѣ, ей Богу, все равно, ѣсть ли горячій супъ или холодный; вы выучили насъ варить бульонъ погорячѣе для этихъ проклятыхъ англичанъ.

Однако, не всѣ походили въ этомъ отношеніи на Ланна; послѣ его смерти Наполеону и самому приходилось заботиться о томъ, чтобы обѣдать во-время, какъ этого желала Марія-Луиза. Съ теченіемъ времени смотры дѣлались все рѣже и рѣже и скоро почти совсѣмъ прекратились — по крайней мѣрѣ утратили свое серьезное и воспитательное значеніе; производиться они стали лишь по какому нибудь

особенному поводу, какъ напримѣръ при проходѣ черезъ Парижъ какого нибудь иноземнаго полка — швейцарскаго, хорватскаго или польскаго. Втеченіе четырехъ мѣсяцевъ зимы 1811—1812 годовъ было всего на всего четыре большихъ смотра: 8 и 22 декабря, 12 января и 22 марта. Зато на сколько хуже стала армія въ эти послѣдніе года, чѣмъ она была съ 1800 по 1806 годъ, когда это орудіе собственноручно выковывалось, оттачивалось и приспособлялось, сначала первымъ консуломъ, а потомъ императоромъ, въ Парижѣ и въ Булони.

И—что еще хуже—Наполеонъ утратилъ обычную связь съ солдатомъ, ту близость къ нему, которая позволяла ему съ перваго взгляда узнавать въ каждомъ полку четыре или пять знакомыхъ лицъ, называть ихъ по именамъ, еще прибавляя какое нибудь словечко, показывавшее, что ему извѣстно все прошлое ихъ. Прекратились добродушные разговоры съ какимъ нибудь ветераномъ, который, прикрѣпивъ къ шомполу прошеніе, выходилъ изъ строя и отдавалъ ружьемъ честь. Прекратились разсказы, анекдоты, обходившіе солдатскіе кружки изъ казармы въ казарму, подогрѣвая усердіе и возбуждая преданность:—о пенсіи, назначенной старухѣ-матери, о стипендіяхъ въ лицеѣ или въ императорскомъ сиротскомъ домѣ; о возстановленіи справедливости, о

великодушно заглаженной забывчивости; прекратился тотъ постоянный обмѣнъ наградъ и самоотверженія, вызываемаго однимъ какимъ нибудь словомъ и приносящаго обильную жатву жертвъ.

Все держалось однимъ маленькимъ фактомъ: во времена консульства, послѣ раздачи консуломъ во время парада почетнаго оружія, всѣ получившіе его—какъ офицеры, такъ и солдаты,—въ тотъ-же вечеръ приглашались къ его столу и обѣдали вмѣстѣ съ нимъ, съ его женою, съ сенаторами, министрами, членами государственнаго совѣта, съ первыми людьми Франціи, а въ 1812 г., на другой день послѣ смотра, одинъ изъ флигель-адъютантовъ императора угощалъ весь корпусъ офицеровъ въ какомъ нибудь ресторанѣ. Это было уже не отличіе, а просто пирушка, которая устраивалась не для солдатъ, а для офицеровъ. Можно себѣ представить, что происходило въ умѣ солдата, вернувшагося въ свою часть послѣ обѣда въ обществѣ консула.

Первое время большой парадъ длился большею частью три часа, иногда пять, и заканчивался прохожденіемъ всѣхъ,—батальона за батальономъ,—подъ звуки оркестра каждаго полка; оркестръ помѣщался по лѣвую сторону навильона часовъ, передъ которымъ собирался главный штабъ.

Наполеонъ поднимался затѣмъ въ большіе апар-

таменты, откуда члены дипломатическаго корпуса, въ ожиданіи аудіенціи, любовались на досугѣ зрѣлищемъ, которое Наполеонъ считалъ поучительнымъ какъ для враговъ, такъ и для друзей. Послѣ этого иностраннымъ посламъ и министрамъ готовилось новое, болѣе существенное удовольствіе: въ особой залѣ устанавливался буфетъ, обильно снабженный чаемъ, кофе и шоколадомъ, ликерами и всякаго рода сластями. Прислуживали камеръ-лакеи, подъ надзоромъ Колена, начальника службъ, впослѣдствіи метръ д'отеля—контролера. При наступленіи часа аудіенціи, послы и министры, по очереди, сообразно съ временемъ пребыванія ихъ въ Парижѣ, входили въ Тронную залу и становились въ кругъ. Наполеонъ начиналъ обходъ, съ правой руки, бесѣдуя съ каждымъ изъ пословъ. Онъ обходилъ весь кругъ дважды и всякій разъ говорилъ каждому нѣсколько словъ, обыкновенно незначительныхъ. „Весело-ли вамъ въ Парижѣ? Получаете-ли извѣстія съ родины?“ Ничего дѣловаго,—однѣ любезности.

Если ему нужно было нанести ударъ, показать, что онъ не такъ простъ, какъ думаютъ, сорвать личину съ врага — съ Англіи или Австріи,—лебезившаго передъ нимъ, строя въ то-же время козни, если нужно было показать государству, составлявшему коалицію и приготовлявшемуся къ войнѣ, что

онъ (нападающей стороной обыкновенно былъ не Наполеонъ) проникаетъ въ его замыслы; если нужно было ошеломить, устрашить,—Наполеонъ, при входѣ въ Тронную залу, принималъ „видъ урагана“, направляясь прямо къ тому дипломатическому агенту, къ которому имѣлъ дѣло и безъ обиняковъ начиналъ нужный разговоръ. Онъ употреблялъ въ такихъ случаяхъ очень сильныя выраженія. По крайней мѣрѣ, два изъ такихъ разговоровъ остались памятными; но можно ручаться, что въ нихъ не заключается ни одного не справедливаго укора,—ничего, что не было бы впослѣдствіи подтверждено сознаніями главныхъ дѣйствующихъ лицъ, оффиціальными документами, а наконецъ и событіями. Въ такихъ случаяхъ Наполеонъ принималъ гнѣвный видъ, но на самомъ дѣлѣ самообладаніе не покидало его и онъ не заходилъ дальше чѣмъ желалъ. Случалось, правда, хотя очень рѣдко, что раздраженіе было настолько велико, что онъ не въ силахъ былъ вполнѣ владѣть собою; тогда въ немъ замѣчалась одна особенность: икра лѣвой ноги его начинала дрожать. Но чтобы вызвать такое явленіе необходимъ былъ цѣлый рядъ личныхъ, особенно крупныхъ непріятностей, чего при такихъ обстоятельствахъ никогда не могло случиться.

Обойдя вторично кругъ, Наполеонъ наклоненіемъ головы отпускалъ членовъ дипломатическаго корпуса,

которые, не выходя изъ Тюльери, приглашались на обѣдъ къ гофмаршалу, который и предсѣдательствовалъ на обѣдѣ, а прислуживали императорскіе лакеи. Столъ былъ великолѣпенъ, не то, что у самого императора; по крайней мѣрѣ, гастрономы, приглашаемые къ столу перваго консула и жаловавшіеся, что „онъ начинается слишкомъ поздно, а кончается слишкомъ рано“, могли получить здѣсь полное удовлетвореніе. Столъ покрывался на двадцать пять кувертовъ, и меню заключало въ себѣ четыре супа, два мясныхъ блюда, четыре relevés, двадцать четыре entrées, восемь жаркихъ, двадцать entremets, четыре главныхъ блюда, двадцать закусокъ и четыре сорта салата. На десертъ—четыре сыра, двѣнадцать родовъ конфектъ, двѣнадцать родовъ мелкаго печенья, двѣнадцать компотовъ и двѣнадцать родовъ фруктовъ. Послѣ кофе подавалось восемьдесятъ порцій мороженаго.

Воскресные обѣды самого Наполеона происходили въ кругу семьи. Вокругъ стола, накрытаго, по обыкновенію, въ одной изъ залъ и сервированнаго въ этотъ день на вызолоченномъ серебрѣ, стояло три кресла для Наполеона, императрицы и матери императора, и потребное число стульевъ для принцевъ и принцессъ. Всѣ безъ исключенія должны были подчиняться у императора *семейному рангу*, то есть

рангу возраста. Онъ не отступалъ отъ этого правила ни при какихъ обстоятельствахъ; существуетъ масса анекдотовъ о спорахъ между принцессами изъ за старшинства, весьма остроумно эксплоатируемыхъ сценой, но имѣющихъ мало цѣны для исторіи. Принцессы всегда занимали мѣсто около императрицы по лѣвую руку отъ императора, въ такомъ порядкѣ: сперва Жюли, жена Жозефа, потомъ Гортензія, жена Луи, и Екатерина, жена Жерома. Потомъ слѣдовали сестры: старшая Элиза, Паулина и, наконецъ, Каролина, которая оставалась послѣднею и тогда, когда она стала великою герцогинею бергенскою, и даже королевою неаполитанскою.

По правую руку императора сидѣла его мать, затѣмъ братья: Іосифъ, Луи, Жеромъ, принцъ Піомбино (Баччіоки), Боргезе и—послѣднимъ—Мюратъ. Онъ протестовалъ, но если эти протесты занесены въ реэстръ оберъ-церемоніймейстера, то лишь потому, что и резолюціи императора—резолюціи безаппеляціонныя, изложенныя въ знаменательныхъ выраженіяхъ, также занесены въ этотъ реэстръ. За послѣдней изъ сестеръ императора сидѣли принцессы Августа и Стефанія, а за послѣднимъ изъ его зятьевъ—принцъ Евгеній. Правило это соблюдалось неизмѣнно и Наполеонъ допустилъ нарушеніе его лишь впродолженіи нѣкотораго времени, въ пользу Стефаніи

Богарнэ, когда онъ пожелалъ усыновить ее; что касается Августы, то ей никогда не отдавалось особенныхъ почестей, такъ какъ она родилась уже послѣ развода.

Семейный обѣдъ по обыкновенію возвѣщался дворцовымъ профектомъ, императорской четѣ прислуживали пажи, а принцамъ и принцессамъ—метръ д'отели и камеръ лакеи. Единственнымъ отличіемъ этихъ обѣдовъ отъ вседневныхъ было то, что эмблемы ихъ величествъ ставились возлѣ ихъ мѣста на дессертные столы, но единственно для этикета.

Одно время Наполеонъ подумывалъ возстановить публичные воскресные обѣды, существовавшіе при Бурбонахъ, но потомъ отказался отъ этой мысли, находя въ этой церемоніи „нѣчто идолопоклонское и феодальное, поощряющее рабство и ротозѣйство". Естественно было пойти посмотрѣть на государя въ церкви или въ театрѣ, но глядѣть, какъ онъ ѣстъ—это значило дѣлать смѣшными обѣ стороны. „Такая церемонія, говорилъ онъ на островѣ Св. Елены, должна бы ограничиваться только императорскимъ принцемъ, да и то лишь впродолженіи его дѣтства, такъ какъ онъ считается сыномъ націи и долженъ быть доступенъ всѣмъ глазамъ и всѣмъ сердцамъ".

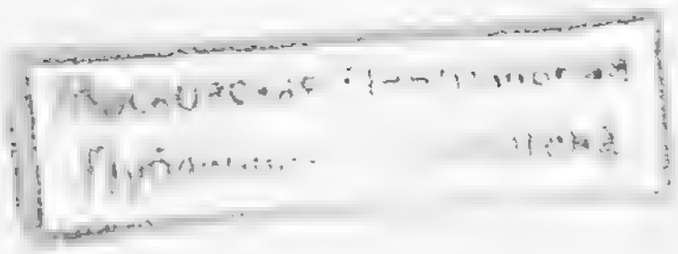
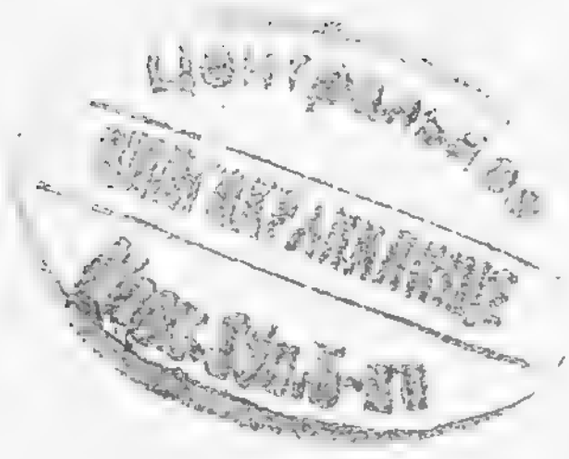
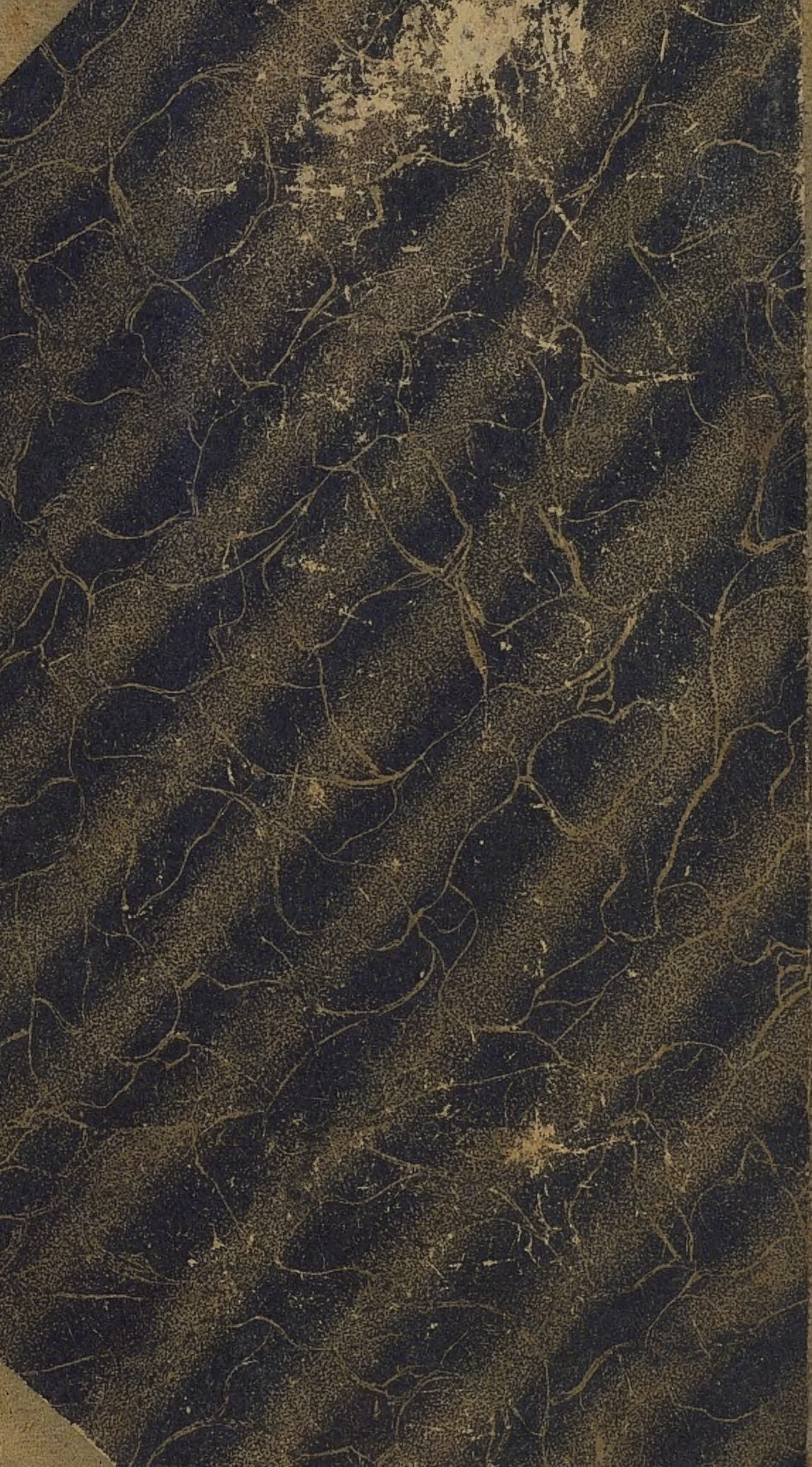
Обѣдъ короля, при Бурбонахъ, длился на нѣ-

сколько часовъ долѣе императорскаго обѣда; впрочемъ за фамильнымъ обѣдомъ Наполеонъ сидѣлъ немного долѣе, чѣмъ когда обѣдалъ вдвоемъ съ императрицей. Въ послѣднемъ случаѣ обѣдъ длился не долѣе двѣнадцати минутъ; по воскресеньямъ императоръ жертвовалъ на это четверть часа или двадцать минутъ, а если выходилъ изъ за стола раньше, то императрица знакомъ давала понять присутствующимъ, что можно продолжать. Но лучше было поступать, какъ дѣлалъ Евгеній Богарнэ, когда бывалъ въ Парижѣ, и отобѣдать заблаговременно у себя дома.

Послѣ обѣда, съ 1804 по 1810 г., императоръ обыкновенно бесѣдовалъ нѣкоторое время въ одной изъ своихъ гостиныхъ съ матерью, сестрами и императрицей, и рѣдко кто изъ постороннихъ, хотябы то былъ принцъ, нарушалъ эту интимную бесѣду. Евгеній и Стефанія Богарне, какъ усыновленные, принадлежали къ семьѣ; принцъ Баденскій былъ союзникъ; великій герцогъ Виртембергскій былъ (впослѣдствіи) дядей императрицы Маріи-Луизы. Позже приглашались повидимому къ семейному столу принцъ Баварскій и короли Саксонскій, Баварскій и Виртембергскій, но и съ ними Наполеонъ былъ тогда въ родствѣ.

Бернадотъ и его жена Дезире-Клари удостоились безпримѣрной чести, получивъ приглашеніе на императорскій семейный обѣдъ 25 сентября 1810 г. Это было наканунѣ отъѣзда Бернадота въ Швецію, и понадобилось продолжительное совѣщаніе между оберъ-церемоніймейстеромъ, гофмейстеромъ и главнымъ камергеромъ, чтобы установить этикетъ въ этомъ безпримѣрномъ случаѣ. Бернадотъ, хотя бывшій еще маршаломъ имперіи и принцемъ Понте-Корво, явился на обѣдъ въ шведскомъ костюмѣ и только послѣ обѣда, въ покояхъ императрицы, былъ представленъ ей, а потомъ императору, въ качествѣ королевскаго принца шведскаго. Для принцессы Понте-Корво формальности были упрощены и она была представлена послѣ парада. Можно судить по этому примѣру, какой переворотъ въ обычаяхъ надѣлало это исключительное отличіе. Понадобились два представленія императора и, по меньшей мѣрѣ, два проекта церемоніала, составленныхъ съ безконечными проволочками, чтобы сдѣлать этотъ пріемъ возможнымъ.

Послѣ вторичнаго брака Наполеона, этимъ интимнымъ послѣобѣденнымъ бесѣдамъ наступилъ конецъ; по воскресеньямъ давались рауты и спектакли въ покояхъ новой императрицы. Парады кончились;

рауты участились, этикетъ сталъ еще строже и Наполеонъ еще болѣе отгородился отъ простыхъ смертныхъ; таковы характерныя черты новаго режима. Иные видятъ въ нихъ одну изъ причинъ паденія имперіи—и это вѣроятно.

Конецъ.